

ТОМАС ПИНЧОН

ПИНЧОН

Ex Libris

Томас Рагглз Пинчон

V.

Paco

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160358

V.: Роман / Томас Пинчон: Симпозиум; СПб; 2000

ISBN 5-89091-126-0

Оригинал: Thomas Pynchon, "V."

Перевод:

Сергей Л. Слободянюк

Анастасия Б. Захаревич

Николай В. Махлаюк

Аннотация

В очередном томе сочинений Томаса Пинчона (р. 1937) представлен впервые переведенный на русский его первый роман «V.»(1963), ставший заметным явлением американской литературы XX века и удостоенный Фолкнеровской премии за лучший дебют. Эта книга написана писателем, мастерски владеющим различными стилями и увлекательно выстраивающим сюжет. Интрига "V." строится вокруг поисков загадочной женщины, имя которой начинается на букву V. Из Америки конца 1950-х годов ее следы ведут в предшествующие десятилетия и в различные страны, а ее поиски становятся исследованием смысла истории. Как и другим книгам Пинчона, роману «V.» присуща атмосфера таинственности

и мистификации, которая блестяще сочетается с юмором и философской глубиной.

Некая таинственная V. возникает на страницах дневника, который пишет герой романа. Попытки ее найти вязнут в сложных переплетениях прошлого, в паутине нитей, намеков, двусмысленностей и многозначности. Во всех частях света, в разных эпохах обнаруживаются следы, но сама V. неуловима.

Существует ли она на самом деле, или является грандиозной мистификацией, захватившей даже тех, кто никогда не слышал о V.? V. – очень простая буква или очень сложный символ. Всего две линии. На одной – авантюрно-приключенческий сюжет, горькая сатира на американские нравы середины 50-х, экзотика Мальты, африканская жара и холод Антарктики; на другой – поиски трансцендентного смысла в мироздании, энтропия вселенной, попытки героев познать себя, социальная паранойя. Обе линии ведут вниз, и недаром в названии после буквы V стоит точка. Этот первый роман Томаса Пинчона сразу поставил автора в ряды крупнейших прозаиков Америки и принес ему Фолкнеровскую премию.

Содержание

От переводчиков	6
Глава первая,	22
I	22
II	38
III	46
IV	63
V	76
Глава вторая	89
I	89
II	103
Глава третья,	119
I	124
II	130
III	136
IV	149
V	159
VI	165
VII	170
VIII	179
Глава четвертая,	181
I	184
II	193
III	205

Глава пятая,	209
I	209
II	232
Конец ознакомительного фрагмента.	238

Томас Пинчон

V.

От переводчиков

Начиная чтение этого романа и тем более заканчивая его, трудно поверить, что эта книга – романский дебют двадцатипятилетнего автора, до того напечатавшего всего полдюжины рассказов. Читателя сразу же поражает смелое языковое мастерство и обширный лексикон Пинчона, увлекает своеобразный юмор в обрисовке двух основных и множества второстепенных персонажей и постепенно затягивает извилистое развитие сюжетных линий: неприкаянных шатаний горемыки Бенни Профейна и целеустремленных, но столь же безрезультатных странствий Герберта Стенсила в «горячие» временные и географические точки двадцатого века в поисках загадочной V.

Несомненные стилистические и литературные достоинства романа «V.» (к каковым отнюдь не относятся излишняя простота и ясность) предъявляют довольно высокие требования к читателям и оборачиваются изрядными сложностями при его переводе. Добавим сюда увлеченность Пинчона реалиями времени и места (а вернее, различных времен, стран и городов), а также насыщенность текста культур-

но-историческими, мифологическими, литературными, музыкальными и прочими аллюзиями, – и получим почти полный «джентльменский» набор, введенный в обиход литературы XX века джойсовским «Улиссом». Многое (но, разумеется, далеко не все) из этого набора нашло отражение в комментариях, которыми по славной российской традиции принято сопровождать серьезные переводные произведения. В этом отношении американским читателям, особенно молодым, должно быть, тоже нелегко разобраться с многочисленными культурным и языковыми реалиями 1950-х годов, аббревиатурами и не переводимыми в оригинальных изданиях словами и выражениями на десятке языков.

Уже в самом начале романа (в названии первой главы) появляются два слова (точнее, понятия), которые нам хотелось бы прокомментировать, тем более что переводчики в отдельных случаях сознательно уклонялись от принятых или «очевидных» толкований. Мы имеем в виду слова «шлемиль» и «апохей». Вообще-то первое из этих слов может произноситься как «шлемихль» (schlemihl) и обозначать этакое увальня и недотепа, который роняет на пол шлема и вообще находится не в ладах с более или менее упорядоченным миром неодушевленных вещей. Поскольку нам не хотелось сводить фигуру Профейна только к привнесению элементов хаоса в миропорядок, мы употребили слово «шлемиль», добавив тем самым (возможно, совершен-

но излишнюю) аллюзию на сказочную повесть Адельберта фон Шамиссо «Необычайные приключения Петера Шлемиля (Schlemihl)». Что касается второго слова (apocheir), то оно, скорее всего, должно произноситься как «апохер» или даже «апохир», так как в нем наличествует тот же корень («рука»), что и в слове «хиромантия». Однако здесь нам, наоборот, хотелось подчеркнуть связь с тем самым йо-йо, подобно которому болтаются по жизни многие персонажи романа. Поэтому мы выбрали слово, созвучное со словом «апогей», для обозначения некой крайней точки и начала перехода в следующее состояние. Да и по-русски «апохер» звучало бы двусмысленно.

Был в двадцатом веке период, когда с легкой руки структуралистов буквально всё пытались сводить к так называемым «бинарным оппозициям». Верх – низ, свет – тьма, черное – белое, горячее – холодное, хаос – порядок... Все это в конечном счете в иудео-христианской культуре ассоциировалось с очень древним противопоставлением Добра и Зла, которые друг без друга существовать не могут, оказываются взаимопроницаемыми и зачастую меняются местами. Казалось бы, понятие энтропии, которым широко пользуется Пинчон, должно прямо указывать на противопоставление «хаос – порядок», однако любой, кто попытается свести это противопоставление к бинарной оппозиции и попробует разграничить элементы хаоса и порядка, безнадежно за-

путается. Можно, например, по тем или иным параметрам выделять из множества персонажей отдельные группы или рассматривать, скажем, Слэба как профанацию живописи, а Мафию как профанацию литературы. Можно выстроить какую-нибудь цепочку из основных женских персонажей и распределить их, так сказать, по мере возрастания сексуальности: от абстрактной V. и ее ипостасей через Фину, Паолу и Рэйчел к Эстер и Мафии. Можно увидеть в романе ироническое переосмысление истории, нынешнее состояние которой оказывается результатом некоего глобального заговора.

Нетрудно, к примеру, определить две основные сюжетные линии как 1) распад Британской империи и 2) разлад в Америке конца 50-х годов. Можно увидеть, с одной стороны, глобальную взаимосвязь (распад Британской империи в какой-то мере обуславливает разлад в Америке 1950-х гг.), а с другой стороны, длинную цепь случайностей, которая приводит как к одному, так и к другому состоянию; обе системы, едва успев появиться, начинают движение к хаосу; начало упорядочивания есть одновременно начало движения к хаосу. Можно исследовать мифологические и фольклорные истоки романа (тем более что «Золотая ветвь» Фрэзера и «Белая богиня» Грейвза упоминаются прямо в тексте). Можно найти и многое другое (например, роман – quest ¹). Однако это будут слишком прямолинейные и примитивные интерпретации, которым текст Пинчона противится на каж-

¹ От *англ.* quest – поиски, странствия, скитания

дом шагу. Роман принципиально неоднозначен и предполагает бесконечное количество взаимодополняющих интерпретаций. Как не подлежит окончательному истолкованию смысл исследуемой Пинчоном истории и бесконечное множество взаимодействий и фактов реальности. Автор художественного произведения, как Господь Бог, творит мир, который каждый волен трактовать по-своему. Впрочем, в литературе, на наш взгляд, вообще довольно трудно найти произведение, которое изначально допускает однозначную интерпретацию, и здесь мы, вслед за некоторыми исследователями, не склонны наклеивать на творчество Пинчона ярлык «постмодернизм». Мы склонны рассматривать этот роман просто как хорошую литературу. Именно поэтому нам совсем не хочется видеть в каждом слове Пинчона своего рода скрытый шифр и прослеживать этимологию каждого «говорящего» имени или отыскивать литературные аллюзии. Даже не слишком вдумчивый читатель увидит, что отец Фэйринг, например, дает крысам (и это вполне логично) имена святых. Чуть более вдумчивый читатель без особого труда разберется в хитросплетениях запутанного (и весьма занимательного) сюжета, оценит превосходные «вставные новеллы» и композиционное мастерство Пинчона. А что касается литературных, музыкальных и прочих аллюзий, то Пинчон очень часто прямо называет имена (например, Т. С. Элиот, Эзра Паунд, Генри Адамс, Чарли Паркер, Билли Экстайн, Боттичелли, Палестрина) и произведения (например, назва-

ния джазовых пьес или, скажем, «Манон Леско»). Конечно, в «менее явном» виде можно найти множество других аллюзий, но, сев на этого конька, мы никогда не доскачем до финиша.

Добавим еще, что читатель может обратить внимание на многоязычие (тематически связанное с мотивом Святого Духа и спасения)² и «музыкальность» романа (это некоторые, так сказать, «постоянные» творчества Пинчона), предложить ему посчитать, сколько значений для символа V сумеет он придумать (а для V с точкой?), и заметить, что обманчиво несерьезная, а порой и грубоватая манера изложения прикрывает очень красивую и изящную историю.

Что касается имен вымышленных персонажей, то здесь мы руководствовались простым принципом: пытались переводить клички и транскрибировать фамилии. Именно так Pig Bodine превратился в Хряка Бодайна. Временами нам очень хотелось перевести и фамилии, поэтому, не претендуя на истолкование или этимологию, мы все же приведем некоторые из «говорящих» (причем на нескольких языках) имен.

Профейн, Бенни (Profane, Benny) – мирской, светский,

² Ср. с описанием Дара языков апостолам в Новом Завете: «При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещавать» (Деяния 2:1 – 4).

богохульный, нечестивый, грубый, языческий, непосвященный, неосвященный. (С. Кузнецов предполагает, что, Пинчон, возможно, был знаком с известным эссе Мирчи Элиаде «Сакральное и профанное» (рус. перевод – «Священное и мирское»), написанным в 1957 году и переведенным на английский в 1959-м.) Кстати, его полное имя (Бенджамин, надо полагать), возможно, отсылает нас к ветхозаветному Вениамину, сыну Иакова и Рахили.

Ход, Папаша (Hod, Pappu) – лоток, корыто, ведро для угля.

Мейстраль (Maljstral) – от мальтийского названия северо-западного ветра.

Тефлон (Teflon) – тефлон; Морис (Morris) – одно из значений – танец в костюмах героев легенды о Робине Гуде.

Оулгласс, Рэйчел (Owlglass, Rachel) – если имя Рэйчел определено указывает на Рахиль из Ветхого Завета, то состоящая из двух корней фамилия (**owl** – сова, **glass** – зеркало) кивает на Тиля Уленшпигеля (у которого те же корни) и множество прочих ассоциаций с совами и зеркалами.

Слэб (Slab) – плита, лист, пластина, горбыль, панель, кусок.

Кук(арачито) (Kook, Cucarachito) – паучок или тараканчик (*исп.*).

Мендоса, Ангел (Angel) – по-испански он, конечно, Анхель, но нам хотелось, чтобы Профейна окружали именно Ангел и Джеронимо.

Шенмэйкер, Шейл (Schoenmaker, Shale) – соединив немецкий и английский корни его фамилии, получим творца прекрасного; а в имени можно усмотреть материал, из которого он творит, – глинистый сланец, сланцеватая глина.

Харвитц, Эстер (Harvitz, Esther) – ее имя явно отсылает к библейской Эсфири.

Уинсам, Руни (Winsome) – приятный, миловидный, обязательный, привлекательный, непосредственный, бодрый, веселый, довольный.

Харизма (Charisma) – искра Божья, Божий дар, личное обаяние, харизма.

Лоуэнстайн, Маргравин ди Чаве (Margravine) – жена маркграфа.

Стенсил (Stencil) – трафарет, шаблон.

Бонго-Шафтсбери (Bongo-Shaftsbury) – **bongo** – бонг, бонго, барабан; **shaft** – древко, ручка, рукоятка, копье, стрела, дротик, меткое замечание, вспышка, луч, колонна, стержень, шпиль; **bury** – хоронить, прятать, скрывать.

Чиклиц, Клейтон (Chiclitz, Clayton) – закон Клейтона – один из основных антитрестовских законов.

Эйгенвелью, Дадли (Eigenvalue) – собственное значение; характеристическое число (матрица).

Миксолидиец, Фергус (Mixolydian, Fergus) – вообще-то он Миксолидиан (так же как Фаллопьян в романе «Выкрикивается лот 49»), но здесь нам казалось важнее подчеркнуть связь с музыкальным миксолидийским ладом (натуральный

лад мажорного наклонения с пониженной седьмой ступенью). Миксолидийцев же как таковых нет и быть не может, что нам тоже хотелось акцентировать.

Сфера,МакКлинтик (Sphere, McClintic) – Сфера – второе имя джазового пианиста Телониуса Монка, одного из основателей стиля би-боп.

Порпентайн (Porpentine) – как признается Пинчон в предисловии к своему сборнику рассказов, это слово (которое является ранней формой «porcupine» – дикобраз), он выудил из «Гамлета».

Рен,Виктория (Wren) – военнослужащая женской вспомогательной службы ВМС (Women's Royal Naval Service); крапивник (птица). Существует обычай охотиться на крапивника в Рождество, распевая при этом песню «Мы охотимся на крапивника для Робина-Боббина». Грейвз указывает на связь Робина-Боббина и Робина Гуда (Robin Hood = Parry «Папаша» Hod) (прим. С. Кузнецова).

Гудфеллоу (Goodfellow) – он, конечно, славный парень, но к тому же «дурак, болван и бабник» в слэнге; кроме того, в английском фольклоре Робин Гудфеллоу – зловредный дух, которого Шекспир в комедии «Сон в летнюю ночь» сделал истинно добрым проказником: «Добрый Малый Робин, / Веселый дух, ночной бродяга шалый» – так называет себя Пэк, слуга Оберона (в переводе Т. Щепкиной-Куперник).

Джибраил (Gebrael) – в мусульманской мифологии один из приближенных к Аллаху ангелов, соответствует библей-

скому архангелу Гавриилу.

Даджжал (Dejal) – в той же мусульманской мифологии является искушителем людей, который должен появиться перед концом света.

Исрафил (Asrafil) – еще один мусульманский персонаж – ангел-вестник Страшного Суда.

Годольфин (Godolphin) – вообще-то старинное валлийское имя, в котором явно прочитывается Бог (God) и дельфин (dolphin); кроме того, у Свифта в «Путешествиях Гулливера» есть персонаж лорд Годольфин.

Халидом (Halidom) – святилище, нечто священное.

Банг (Bung) – пробка, затычка, мертвый, умерший, взятка, подкуп, ложь, обман.

Фэйринг, Линус (Fairing, Linus) – гостинец, подарок (и множество ассоциаций со словом fair), а Линус – христианский святой и персонаж греческой мифологии (по-русски его принято называть Лин) – сын Аполлона и дочери аргосского царя Псамафы, отданный матерью на воспитание пастухам и разорванный собаками.

Шайсфогель (Scheissvogel) – дерьмовая птичка (*нем.*).

Куэрнакаброн (Cuernacabron) – рогатый ублюдок (*исп.*).

Чепмэн, **Перси** (Chapman) – странствующий торговец, корабейник.

Демивольт (Demivolt) – 1/2 вольта.

Фогт (Vogt) – надсмотрщик, тюремщик (*нем.*).

Боррачо (Borracho) – пьяница (*итал.*).

Бергомаск, Оли (Bergomask, Oley) – веселый танец жителей итальянского города Бергамо, упоминается в комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь» («бергамский танец» в переводе Т. Щепкиной-Куперник). Кроме того, у Клода Дебюсси есть «Suite bergamasque» (1890), а у Габриэля Форе «Masques et bergamasques» (1919), которые, возможно, вдохновились стихотворением Поля Вердена «Clair de lune», где фигурируют «маски и бергомаски».

Мондауген, Курт (Mondaugen, Kurt) – лунные глаза (нем.).

Вайсман (Weissmann) – белый человек (нем.).

Меровинг, Вера (Meroving) – представитель династии Меровингов.

Фогельзанг, Хедвига (Vogelsang, Hedwig) – птичье пенье (нем.). Тоже одна из ипостасей V.

Швах (Schwach) – слабый, тонкий, нежный, бессильный (нем.).

Фляйше (Fleische) – мясо, плоть (нем.).

Аваланш (Avalanche) – лавина, обвал.

Тен Эйк (Ten Eusk) – по-голландски значит «возле дуба»

Серд, Хоуи (Surd) – иррациональное число; глухой звук.

Лич, С. Озрик (Lych, S. Osríc) – вообще-то lych-gate значит «покойница при церковном кладбище», а Озрик – персонаж в «Гамлете».

Фаландж-Младенчик (Baby Face Falange) – был такой знаменитый бандит Baby Face Nelson – Нельсон-Младенчик.

Теледу (Teledu) – сунс яванский.

Хэнки и Пэнки (Hanky-Panky) – хэнки-пэнки – мошенничество, обман, надувательство. В принципе, по-русски можно было назвать их Фигли-Мигли.

Флип (Flip) – прыжок, щелчок, удар.

Флоп (Floр) – шлепок, провал, фиаско, неудача, толстяк, розыгрыш, кровать, постель, ночлег.

Базилиско (Basilisco) – италинизированный василиск, а также персонаж трагедии «Соломон и Персида» (1588), авторство которой обычно приписывают Т. Киду, хвостун и трус.

Энджевайн (Angevine) – близко к прилагательному «Angevin», т. е. анжуйский.

Венусберг (Venusberg) – то же самое, что Mons Veneris, холмик Венеры.

Лермоди, Мелани (L'Heuremaudit, Melanie) – проклятое, окаянное время (она же мадемуазель Жарретьер – т. е. «подвязка» от *фр.* jarretiere).

Сатин (Satin) – по-английски и по-французски это атлас, хотя не исключено, что Пинчон был знаком с пьесой Горького «На дне».

Поркепик, Владимир (Porcepic, Vladimk) – французский вариант дикобраза (porc-epic).

Жерфо (Gerfaut) – кречет (*фр.*).

Сгерраччио (Sgherraccio) – вероятно, от итальянского sgherro – головорез, наемный убийца.

Петард (Petard) – петарда, хлопушка, а по-французски еще сенсационное известие, шум и скандал.

Сквазимодо (Squasimodeo) – в этом имени отчетливо проступает Квазимодо.

Янгблад (Youngblood) – молодая кровь.

Турнер (Tourneur) – токарь (*фр.*),

Контанго, Джонни (Contango, Johnny) – надбавка к цене. Можно также разделить на con и tango.

Пингес (Pinguez) – близко по звучанию к нескольким испанским половым членам.

Синогlossa (Cinoglossa) – возможно, намек на китайский язык.

Акилина (Aquilina) – орлиный.

Фиола (Viola) – альт, фиалка.

Мара (Maga) – «женщина» по-мальтийски, а также (в мифологии народов Европы) злой дух, воплощение ночного кошмара (отсюда *фр.* cauchemar и *англ.* nightmare); в буддийской мифологии – божество, персонифицирующее зло и все то, что приводит к смерти живые существа. Грейвз в «Белой богине» пишет, что в средневековой ирландской поэзии Мара отождествлялась с богиней поэзии Бригитой, поскольку святая Бригита иногда именовалась гэльской Девой Марией.

Фальконьер (Falconiere) – возможно, это имя образовано от falcon («сокол») и тем самым содержит еще одну отсылку к «Мальтийскому соколу» (прим. С. Кузнецова).

Манганезе, **Вероника** (Manganese) – марганец.

И в заключение еще немного о наших трудностях. По нашему мнению, существует два основных подхода к переводу (художественного текста). Первый – это толмачество. То есть почти подстрочник с комментариями, по объему сравнимыми с самим текстом. Второй – это сотворчество. Яркий пример обоих подходов – Набоков. «Аню в Стране чудес» или «Николку Персика» сейчас критики назвали бы «вариациями на тему». Зато читается прекрасно. Перевод «Евгения Онегина» с двухтомным комментарием – очень полезная вещь, но читают ее, как правило, только специалисты и студенты. Критикам ближе первый подход, переводчикам – второй. «Лолиту» можно считать уникальным случаем или разумным компромиссом между первым и вторым. Мы до сих пор считаем, что первые шероховатые самиздатовские переводы Набокова, выполненные С. Ильиным, в чем-то лучше, чем отполированные и откомментированные «Прозрачные вещи» или «Смотри на арлекинов!» (хотя, может, Набоков стал писать хуже). Мы, разумеется, приверженцы второго подхода, но в случае с Пинчоном на этом пути нам, естественно, встретилось немало подводных камней. Хотим добавить, что понятие адекватного перевода мы не принимаем. В любом переводе что-то теряется, а что-то, бывает, и добавляется. Мы бы назвали это законом переводческой компенсации, но, видимо, это слишком сильно сказано, и мы ни в коем случае не призываем других переводчиков

постоянно применять его на практике без оглядки. У каждого переводчика свои представления, принципы работы и чувство меры.

Например, в одном эпизоде Хряк Бодайн упоминает продавца коки, сладкие соки и т. п. В оригинале это все по созвучию близко к весьма неприличному слову *socksucker*. У нас это пропадает. Зато в другом месте (в конце 5-й главы) у Пинчона обыгрывается слово *shitkicking*. Неприлично, но не слишком, а вот то, что получилось у нас, немного испугало даже нас самих.

Другой пример отхода от оригинала. Искусственные организмы, с которыми коротает время Профейн в Ассоциации антропологических исследований, по-английски называются *SHROUD* (что, в частности, означает «саван») и *SHOCK* («шок»). У нас они превратились в ДУРАКА и МУДАКА соответственно. Нам не столько хотелось сочинить значимые аббревиатуры, сколько «оживить» этих персонажей и тем самым подчеркнуть абсурдность и комизм ситуации. Таким образом мы, возможно, внесли дополнительный оттенок, которого нет у Пинчона, и даже пошли на некоторый анахронизм, поскольку слово «киборг» вошло в обиход в конце пятидесятих годов, а действие этого эпизода происходит несколькими годами ранее. С другой стороны, где-то в других местах мы неизбежно теряли игру слов или некоторые идиомы.

Можно привести и другие примеры, но мы этого делать

не станем и чуть позже скажем почему.

Стилистически Пинчон просто блистателен. Великолепный ритм, «романное дыхание», виртуозное построение фраз и диалогов – и практически ни одного лишнего «проходного» предложения на протяжении всего романа. Огромную сложность представляет изобилие исторических, естественнонаучных, географических и топографических реалий. Пинчоноведы до сих пор производят настоящие изыскания, объем которых давно превысил все написанное самим Пинчоном, и спорят о тех моментах, которые невозможно понять без авторских комментариев. А Пинчон молчит. Разумеется, нам тоже приходилось кое-что домысливать, чтобы хоть как-то прояснить некоторые туманные намеки в тексте, и, возможно, местами русский текст получился понятнее английского, так как перевод – это в определенной степени тоже истолкование. Мы больше не станем приводить никаких примеров, но если кого-нибудь вышесказанное вдохновит на прочтение Пинчона в оригинале и сравнение его с переводом, мы будем рады несказанно и гордо встанем под град критических стрел.

Н. Махлаюк, С. Слободянюк

Глава первая, *в которой Бенни Профейн, шлемиль и йо-йо, достигает апохея*

I

Накануне Рождества 1955 года Бенни Профейн, одетый в черные джинсы, замшевую куртку, теннисные туфли и широкополую ковбойскую шляпу, случайно оказался в Норфолке, штат Вирджиния.

Склонный к сентиментальным порывам, он решил заглянуть в «Матросскую могилу», таверну на Ист-Мэйн-стрит, облюбованную ребятами с его старой посудыны. Выйдя через аркаду на Ист-Мэйн, он увидел пожилого уличного певца с гитарой, перед которым стояла пустая жестянка из-под пива «Стерно» для пожертвований.

Чуть дальше какой-то старший писарь под одобрительные крики пяти-шести юнг пытался отлить в бензобак паккарда «Патриций» 1954 года выпуска. Старик пел красивым, хорошо поставленным баритоном:

*На старой Ист-Мэйн Рождество каждый вечер;
С любимую счастлив моряк.*

*Зеленый и красный неоновый свет
Сияет над миром и шлет свой привет:
Зайди к нам и брось якоря.
И явью мечты обернет Санта Клаус;
И пиво шипит, как вино.
Девчонки приветят во всех кабаках
И барменши вспомнят о славных деньках
На старой Ист-Мэйн в Рождество.*

– Эй, шеф! – окликнул Профейна какой-то морской волк. Бенни свернул за угол. Как обычно, без всякого предупреждения Ист-Мэйн обрушилась на него.

После увольнения из флота Профейн, путешествуя с места на место, перебивался случайными заработками, а когда никакой работы не подворачивалось, просто болтался по Восточному побережью вверх и вниз, как чертик на веревочке. Так продолжалось уже полтора года. Исходив за это-время больше уличных тротуаров, чем сам мог сосчитать, Бенни стал с некоторой опаской относиться к оживленным улицам, особенно к таким, как Ист-Мэйн. Для него все они слились в одну абстрактную Улицу, которая являлась ему в кошмарных снах во время полнолуния. Ист-Мэйн – известная как прибежище Пьяной Матросни, с которой Ничего Нельзя Поделать, – была по нервам с той же внезапностью, с какой иногда приятный сон оборачивается жутким кошмаром: собака превращается в волка, дневной свет – в сумерки, пустота – в скрытую угрозу. Здесь можно было наткнуться на

салажонка из морской пехоты, блюющего прямо на мостовую; увидеть официантку из бара, на ягодицах которой красовались вытатуированные гребные винты; полюбоваться на отчаянного смельчака, разрабатывающего идеальную технику прыжка через застекленную витрину (Вопрос: когда кричать «Джеронимо!»³? До того, как разлетится стекло, или после?); услышать горестные вопли упившегося вдребезги палубного матроса, повествующего из темного переулка о том, как береговой патруль в очередной раз заграбастал его – само собой, трезвого – и сунул в смирительную рубашку. В нескольких фонарях отсюда вышагивал одинокий полицейский и, сотрясая землю, выбивал дубинкой на фонарных столбах популярную мелодию «Эй, деревенщина»⁴, а сверху над головой, окончательно уродуя все лица своим зеленоватым светом, сияли ртутные лампы, которые на востоке сходились в кривоватую букву «V», после чего начиналась темнота и баров больше не было.

Добравшись до «Матросской могилы», Профейн обнаружил, что поспел как раз к небольшому мордобою: флот против сухопутных крыс. Мгновение Бенни помедлил на поро-

³ *Джеронимо* – прославленный вождь апачей, одним своим именем наводил панический ужас на белых поселенцев в Америке. Подобное восклицание производило эффект, сходный с криком «Пожар!» или «Землетрясение!».

⁴ «*Эй, деревенщина*» («*Hey, Rube*») – обращение цирковых артистов, собирающихся разыграть какого-нибудь простака из числа зрителей. Этим же выкриком циркачи предупреждали своих, «подставных зрителей», о возможной перепалке и драке.

ге, оценивая ситуацию, потом, осознав, что одной ногой он уже в «Могиле», шмыгнул в зал, стараясь не мешать развитию схватки, и относительно безопасно устроился за бронзовой вешалкой.

– Почему человек не может жить в мире с себе подобными? – спросил голос возле левого уха Профейна. Голос принадлежал официантке Беатрис, услаждавшей весь 22-й дивизион и особенно благосклонной к команде бывшего корабля Профейна – эсминца под названием «Эшафот».

– Бенни! – вскричала она. Оба расчувствовались после долгой разлуки. Растроганный Профейн принялся рисовать на грязном полу картину, изображавшую чаек, которые несли в клювах ленточку с надписью «Дорогая Беатрис», в обрамлении сердец, пронзенных стрелами.

В данный момент в таверне не было никого из команды «Эшафота»; эта жестянка уже два дня как вышла в плавание, направляясь в Средиземное море, а ее экипаж напоследок устроил такую славную бучу, отголоски которой были слышны, как утверждает легенда, даже в заоблачных высях и доносились, словно голоса с корабля-призрака, аж до самого Литл-Крик. Поэтому нынешним вечером в барах по всей Ист-Мэйн вертелось больше официанток, чем обычно, ибо, как нередко утверждалось (и недаром), что стоит только кораблю вроде «Эшафота» отдать швартовы, как кое-какие матросские жены выпрыгивают из домашних платьев и, прикрывшись тем, что считается форменной одеждой офи-

цианток, устанавливают руки в пиворазносочную позицию и репетируют шлюхозатую улыбку, в то время как флотский оркестр наяривает «Доброе старое время»⁵, а хлопья сажи из труб эсминцев опускаются на ветвистые рога их мужей, которые, отплывая, стоят по стойке «смирно» и криво ухмыляются с видом мужественным и скорбным.

Беатрис принесла пиво. В углу у столика кто-то пронзительно заверещал. Она вздрогнула, и пиво плеснуло через край.

– О, Господи, – сказала Беатрис, – это опять Плой.

Плой нынче служил механиком на минном тральщике «Порывистый» и скандально гремел по всей Ист-Мэйн. При росте в пять футов (с башмаками), он постоянно лез в драку с самыми здоровенными матросами, зная, что его все равно не воспримут всерьез. Десять месяцев назад (как раз перед переводом с «Эшафота» на «Порывистый») флотское начальство решило удалить ему все зубы. Плой опупел и умудрился отбиться от главного коновала и двух зубных техников, прежде чем до них дошло, что он полон решимости зубы сохранить. «Ну посуди сам, – кричали офицеры, едва удерживаясь от смеха и уклоняясь от его крошечных кулачков, – гнилые корпи, воспаление десен...» – «Не хочу!» – вопил Плой. В конце концов им пришлось вкатить ему в бицепс

⁵ «Доброе старое время» («Auld Lang Syne») – шотландская застольная песня на стихи Роберта Бернса, которую по традиции поют на прощание в конце праздничного обеда и т. п.

дозу пентотала. Очнувшись, Плой света белого не взвидел и покрыл всех многоэтажной бранью. Целых два месяца он сумрачно бродил по «Эшафоту», время от времени внезапно подпрыгивал и, раскачавшись на вантах, словно орангутанг, порывался заехать проходящему офицеру ногой в зубы. Он становился на ют и, шамкая ноющими деснами, обращался с обличительными речами ко всем, кто мог его услышать. Когда десны зажили, Плою преподнесли ослепительно белые вставные челюсти – верхнюю и нижнюю. «О великий Боже!» – взвыл Плой и попытался выброситься за борт, но был перехвачен негром гигантских размеров по имени Дауд.

– Эй, малыш, – сказал Дауд, поднимая Плоя за голову и внимательно рассматривая конвульсии хлопчатобумажных штанов, из которых торчали ноги, отчаянно молотившие по воздуху в ярде над палубой. – Куда это ты собрался и зачем?

– Смерти хочу, вот и все! – выкрикнул Плой.

– Разве ты не знаешь, – спросил Дауд, – что жизнь – это самое прекрасное, что у тебя есть?

– Ха-ха, – сказал Плой сквозь слезы. – С чего бы это?

– Потому что, – ответил Дауд, – без нее ты бы помер.

– А, – сказал Плой. Он думал над этим целую неделю. Он успокоился и снова стал ходить в увольнение. Его перевели на «Порывистый». Вскоре многим в кубрике стал слышаться после отбоя странный скрежещущий звук, доносившийся с койки Плоя. Так продолжалось недели две-три, а котом однажды около двух ночи кто-то включил свет, и все

увидели Плоя, который сидел на койке, скрестив ноги, и точил зубы маленьким поганеньким напильничком. В следующую получку Плой в компании палубных забулдыг сидел вечером за столиком в «Матросской могиле» и был тихий-тихий. Около одиннадцати Беатрис, виляя бедрами, в очередной раз несла поднос, уставленный пивом. Плой наклонил голову, широко развел челюсти и с ликованием вонзил отточенные протезы в правую ягодицу официантки. Беатрис завизжала, кружки описали сверкающую параболу, к водянистое пиво залило всю «Матросскую могилу».

Для Плоя это стало любимой забавой. Слух о ней разлетелся по дивизиону, затем по эскадре и, наверное, по всей базе. С других кораблей приходили посмотреть. В результате нередко возникали драки, вроде той, что сейчас была в самом разгаре.

– Кого на этот раз? – спросил Бенни. – Я не разглядел.

– Беатрис, – ответила Беатрис. Так звали другую официантку. У миссис Буффо, владелицы «Матросской могилы», которую тоже звали Беатрис, была теория, гласившая, что подобно тому, как малые дети всех женщин зовут «мама», так и моряки, равно беспомощные в некоторых отношениях, должны всех официанток именовать «Беатрис». Придерживаясь этой политики материнского покровительства, она установила специальные пивные цедилки из мягкой резины в форме огромных женских грудей. В дни выдачи жалованья с восьми до девяти вечера происходило то, что миссис Буфф-

фо называла Часом Кормления. Она торжественно открывала его, появляясь из задней комнаты, одетая в кимоно с драконами, которое ей подарил поклонник из Седьмого Флота, подносила к губам золотую боцманскую дудку и играла «Приступить к приему пищи». По этому сигналу все бросались вперед, и наиболее удачливые присасывались к пивным соскам. Сосков было семь, а на потеху в таверне собиралось в среднем 250 человек.

Из-за стойки высунулась голова Пля.

– Это, – сказал он, щелкнув зубами перед Профейном, – мой друг Дьюи Гланда, который только что зачислен на корабль. – Он указал на длинного и унылого босяка со здоровенным клювом, который выдвинулся из-за Пля, волоча по полу гитару.

– Приветствую, – сказал Дьюи Гланда. – Я спою вам короткую песенку.

– В честь присвоения ему рядового первого класса, – пояснил Плой. – Он поет ее всем подряд.

– Это уже было в прошлом году, – сказал Профейн.

Но Дьюи Гланда водрузил ногу на медную перекладину, поставил на колено гитару и принялся шкрябать по струнам. После восьми тактов в ритме вальса он запел:

*Позабыт, позаброшен, несчастен,
Бедный Штатский, как нам тебя жаль.
Плачут юнги о нем понапрасну,
Плачет в кубрике всякая шваль.*

*Раз ошибся – и жизнь не заладится,
Обрекут тебя, взявши за задницу,
Миллионы бумажек писать.
Двадцать лет за штурвалом я выстою,
Лишь бы вновь жалким Штатским не стать.*

– Очень мило, – буркнул Профейн в пивную кружку.

– Это еще не все, – предупредил Дьюи.

– Ох! – простонал Профейн.

Тут сзади на него волной накатило зловоние порока, и чудовищная ручища легла ему на плечо, как мешок с картошкой. Краем глаза Профейн заметил пивную кружку, зажатую в огромном кулаке, который нелепо торчал из рукава, отороченного мехом шелудивого бабуина.

– Бенни! Как дела, старый греховодник? Хуйк-хуйк-хуйк. – Так смеяться мог только Хряк Бодайн, с которым Профейн служил на «Эшафоте». Бенни оглянулся. Действительно, это был Хряк собственной персоной. «Хуйк-хуйк» лишь приблизительно передает звук, который образуется, если поставить кончик языка на верхние резцы и с силой выхрюкивать воздух через глотку. Смех при этом получался, как на то и рассчитывал Хряк, ужасно непристойным.

– Хряк, старина! А ты как здесь застрял?

– Я в самоволке. Папаша Ход, наш помощник боцмана, перевез меня через бугор.

Чтобы не попасть в лапы берегового патруля, лучше всего было сохранять ясную голову и оставаться среди своих. Для

этого и предназначалась «Матросская могила».

– Как гам Папаша?

В ответ Хряк поведал Профейну о том, что Папаша Ход и та официанточка, на которой он женился, расстались друг с другом. Она ушла от него и устроилась на работу в «Матросскую могилу».

Ее звали Паола. Как она утверждала, ей было всего шестнадцать лет. Однако проверить это все равно не было никакой возможности, поскольку родилась она незадолго до войны, во время которой дом, где хранилась ее документы, был разрушен, как, впрочем, почти все прочие здания на острове Мальта.

Папаша Ход познакомился с Паолой в баре «Метро» на Стрейт-стрит в столице Мальты Валлетте. Профейн присутствовал при этом.

– Чикаго. Слыхала про Чикаго, детка? – гангстерским шепотком спросил Папаша Ход, и рука его зловеще потянулась за пазуху. Это был его обычный трюк, известный по всему побережью Средиземного моря. Папаша достал из кармана носовой платок (а вовсе не обрез или пистолет) и, основательно высморкавшись, заржал над одной из девиц, которых угораздило подсесть к нему за столик. Штампы американского кино действовали на них безотказно – на всех, кроме Паолы Мейстраль, которая разглядывала Папашу, проделывавшего свои штучки, так пристально, что от напряжения крылья се носа трепетали, а брови сходились клином.

Знакомство Папаши с Паолой закончилось тем, что он переправил се в Штаты, одолжив 500 долларов (с обещанием вернуть 700) у корабельного кока по имени Мак, который ведал судовой кассой.

Для нее же замужество было единственным способом попасть в Америку, о чем вожделенно мечтали все средиземноморские официантки, – попасть туда, где вдоволь еды и красивой одежды, где круглый год тепло, а дома – не развалюхи. Папаше пришлось приврать иммиграционным властям насчет ее возраста. Впрочем, Паола при желании вполне могла сойти за особу любого возраста и, как это ни странно, любой национальности, поскольку болтала, похоже, на всех языках помаленьку.

Развлекая собравшихся в боцманском закутке матросов описанием Паолы, Папаша Ход говорил о ней с какой-то не свойственной ему нежностью, будто только сейчас – раскручивая повествование – начинал понимать, что отношения полов таят в себе больше загадок, чем он предполагал, и что ему, в конечном счете, не дано постигнуть всей глубины этого таинства, ибо она не поддается измерению. Впрочем, после сорока пяти лет никакому пройдохе заниматься этим уже недосуг.

– Хороша, – произнес Хряк в сторону. Профейн посмотрел в дальний конец зала и увидел, как к нему сквозь густой табачный дым приближается Паола. Выглядела она как самая что ни на есть заурядная официантка с Ист-Мэйч. И куда

только подевались стремительность зайчихи прерий на снегу и ленивая грация тигрицы на запитой солнцем лужайке?

Она улыбнулась ему – печально и как бы через силу:

– Решил снова записаться на флот?

– Нет, я здесь проездом, – ответил Профейн.

– Давайте махнем на Западное побережье, – предложил Хряк. – Береговому патрулю на их драндулетах в жизни не догнать мой «харлей».

– Смотрите, смотрите, – закричал коротышка Плой, подпрыгивая на одной ноге. – Перестаньте, ребята. Уймьтесь. – И он показал пальцем на облаченную е кимоно миссис Буффо, которая внезапно возникла за стойкой бара. Зал затих, и моментально был заключен мир в сражении на подступах к двери между морскими и сухопутными силами.

– Ребятки, наступил сочельник, – возвестила миссис Буффо и, достав из кимоно боцманскую дудку, заиграла. В воздухе затрепетала страстная мелодия, и при первых же звуках, подобных нежным трелям флейты, у изумленных слушателей расширились глаза и приоткрылись рты. Благоговеино влияя божественной музыке, посетители «Матросской могилы» но сразу осознали, что миссис Буффо извлекает из скромных возможностей боцманской дудки мелодию «Это случилось в ночь глухую»⁶. Где-то в глубине зала юный ре-

⁶ «Это случилось в ночь глухую» («It Came Upon a Midnight Clear») – традиционный английский рождественский гимн. Слова Эдмунда Сирса, музыка Ричарда Стора Уиллиса.

резервист, которому доводилось выступать в ночных клубах Филадельфии, негромко запел. Взор Пляя просветлел.

– Какой ангельский голос, – прошептал он.

Когда песнопение дошло до слов: «Мир на земле, в чело-
веках благоволение дарует всеблагой Господь» ⁷, Хряк, бу-
дучи воинствующим атеистом, решил, что больше не может
выносить эту дребедень.

– От этой музыки брюхо сводит, – гаркнул он. Миссис
Буффо и резервист озадаченно смолкли.

И какое-то время никто не мог понять, в чем дело.

– Выпить пора, – возопил Пляй.

Этот вопль вывел всех из недоуменного оцепенения. Рас-
торопные ребята с «Порывистого» тут же объединенными
усилиями образовали сутолоку вокруг пивных грудей и,
взметнув тщедушного Пляя над головами, авангардом бро-
сились на штурм ближайшего соска.

На миссис Буффо, стоявшую в полный рост, как краков-
ский трубач на башне ⁸, обрушился мощный натиск атакую-
щих, первая же волна которых смыла ее в таз со льдом. Пляя,
простершего руки вперед, перенесли через стойку. Он ухва-

⁷ «Мир на земле, в человеках благоволение дарует всеблагой Господь» – пятая строчка гимна «*Это случилось в ночь глухую*», одновременно – евангельская цитата (Лука 2:14). Одно из самых популярных в США пожеланий на рождественских поздравительных открытках.

⁸ С начала XVI в. колокольне церкви Девы Марии в Кракове использовалась как сторожевая башня. Впоследствии каждый час на ней играл трубач, внезапно обрывая мелодию в память о погибшем от татарской стрелы часовом.

тился за один из пивных кранов, и в тот же момент морячки его отпустили. Повиснув на ручке, он затем вместе с ней по дуге опустился вниз. Из резиновой титьки пенистой струей хлынуло пиво, поливая Пляя, миссис Буффо и две дюжины головорезов, которые обходным маневром зашли с тыла и теперь лупили друг друга до потери пульса. Передовая группа, которая забросила Пляя на пивную грудь, рассредоточившись, пыталась овладеть остальными кранами. Пловеский старшина, стоя на карачках, держал Пляя за ноги, готовый в любой момент отдернуть своего подчиненного и занять его место. Отряд с «Порывистого», выстроившись клином, протаранил толпу жаждущих. Вслед за ним сквозь пробитую брешь с безумным воем устремились но крайней мере еще шестьдесят изошедших слюной матросов, которые, орудуя руками и ногами – а кое-кто и пивными бутылками, – принялись расчищать себе путь.

Из своего угла Профейн какое-то время обзревал месиво матросских башмаков, расклешенных брючин и закатанных рукавов; из этой кучи то и дело выпадали бездыханные тела с расквашенными мордами, которые, взметая опилки, валились на усеянный битым стеклом пол.

Отведя взгляд от этого зрелища, Профейн посмотрел на Паолу, которая сидела на полу рядом с ним, обхватив руками его ногу и прижавшись щекой к черной штанине.

– Жуть, – произнесла она.

– Да, – согласился Профейн и погладил ее по голове.

– Ни секунды покоя, – вздохнула она. – Мы же все этого хотим, правда? Хоть немного покоя. И чтобы никто не цапал тебя зубами за задницу.

– Не переживай, – сказал Профейн. – Смотри-ка, Дьюи Гланде заехали в поддых его же собственной гитарой.

Паола, что-то пробормотав, уткнулась ему в ногу. Они тихонько сидели, не поднимая глаз на бушевавшее вокруг кровавое побоище. Миссис Буффо закатила пьяную истерику. Ее нечеловеческий рев доносился из-под стойки, отделанной под красное дерево.

Хряк, отодвинув в сторонку батарею пивных кружек, взгромоздился на полку позади стойки. В критические моменты он предпочитал роль наблюдателя. С высоты он жадным взглядом созерцал, как внизу его коллеги, подобно диким зверям, ведут борьбу за место у одного из семи пивных гейзеров. Хлеставшее пиво обильно смочило опилки, которыми был посыпан пол около стойки, и теперь на нем отчетливо рисовались замысловатые иероглифы, выводимые ногами дерущихся.

Снаружи раздался вой сирен, свистки и топот ног.

– Ой-ёй-ёй, – встревожился Хряк. Затем спрыгнул с полки и по стеночке пробрался в угол к Профейну и Паоле.

– Эй, старик, – произнес он с ледяным спокойствием, прищурив глаза, будто от сильного ветра, – шериф на подходе.

– Сматываемся, – сказал Профейн.

– Бабу возьми, – распорядился Хряк.

И они втроем пересекли зал, петляя между поверженными телами. По пути к ним присоединился Дьюи Гланда. К тому времени, как береговой патруль вломился в «Матросскую могилу», молотя дубинками направо и налево, четверка беглецов уже мчалась по переулку, параллельному Ист-Мэйн.

– Куда идем? – спросил Профейн.

– Куда глаза глядят, – ответил Хряк. – Шевели задницей.

II

Квартиру в Ньюпорт-Ньюс, где они в конце концов оказались, занимали четыре лейтенанточки и стрелочник угольного пирса по имени Морис Тефлон (друг Хряка), который был чем-то вроде главы этого семейства. За неделю от Рождества до Нового года все вместе выпили вполне достаточно, чтобы разобраться, кто же здесь обитает. Похоже, никто в доме и не заметил, что въехали еще трое.

Дурная привычка Тефлона свела вместе Паолу и Профейна, хотя ни один из них этого не желал. У Тефлона был фотоаппарат: «лейка», полулегально провезенная флотским приятелем. По выходным, когда дела шли хорошо и дорогое красное вино плескалось кругом, как волна от тяжелого торгового судна, Тефлон вешал аппарат на шею и, переходя от кровати к кровати, делал снимки. А потом продавал их охочим морякам в дальнем конце Ист-Мэйн.

Получилось так, что Паола Ход, урожденная Мейстраль, по собственной дурости выпрыгнув из безопасной постельки Папаши Хода, а затем вылетев из «Матросской могилы», которая стала ей вторым домом, оказалась теперь в шоковом состоянии и, ища сочувствия, наделила Профейна всяческими целительными способностями, каковыми он в действительности не обладал.

– Ты – это все, что у меня есть, – предупредила она, –

Обращайся со мной ласково.

Они сидели за столом на Тefлоновой кухне; Хряк Бодайн и Дьюи Гланда расположились напротив, словно партнеры по бриджу. В центре стола стояла бутылка водки. Все разговоры сводились к обсуждению, что смешать с водкой, когда будет выпито намешанное сейчас. На этой неделе они испробовали молоко, консервированный овощной суп и – напоследок – засохший кусок арбуза – больше в холодильнике у Тefлона ничего не нашлось. Попробуйте как-нибудь, когда ваши рефлексy заторможены, выжать арбуз в маленький узкий бокал. Это почти невозможно. Вылавливание семечек из водки также составляет немалую проблему и ведет в результате к взаимному недовольству.

Вдобавок ко всему и Хряк, и Дьюи положили глас на Паолу. Каждый вечер они образовывали комитет, подступали к Профейну и просились в очередь.

– Она решила попробовать обойтись без мужчин – пытался объяснить Профейн.

Хряк либо с ходу отвергал объяснение, либо воспринимал его как оскорбление Папаше Ходу, своему прежнему начальнику.

Правду сказать, самому Профейну пока ничего не обломилось. Впрочем, трудно было понять, чего же хочет Паола.

– Что значит – обращаться с тобой ласково? – спросил Профейн.

– Не так, как Папаша Ход, – ответила она. Профейн вско-

ре отказался от попыток расшифровать некоторые из ее намеков. Временами она выплескивала на него всяческие байки о бесчисленных изменах, зуботычинах и пьяных приставаниях. Профейн, который четыре года под началом Папашаи Хода скреб, драил, соскабливал, красил и вновь соскабливал, – наполовину ей верил. Наполовину, поскольку женщина – это только половина того, что, как правило, состоит из двух частей.

Она научила их французской песенке. Подхватил; ее у одного парашютиста, удирая от заварушки в Алжире.

*Demain le noir matin,
Je fermerai la porte
Au nez des années mortes;
J'irai par les chemins.
Je mendierai ma vie
Sur la terre et sur l'onde,
Du vieux au nouveau monde...*

Он был в точности как сам остров Мальта: маленький, крепенький и твердокаменный. Она была с ним только одну ночь. Затем его услали в Пирей⁹.

«Завтрашним темным утром закрою я двери пред чередой мрачных лет. Я выйду на дорогу и стану слоняться по землям и водам от старого к новому миру».

Она показала Дьюи Гланде аккорды, и вот так они сиде-

⁹ Пирей – крупный греческий порт, пригород Афин.

ли за столом в холодной Тefлоновой кухне, где пылали, пожирая кислород, все четыре конфорки, и пели, пели, пели. Когда Профейн ловил ее взгляд, ему казалось, что она грезит о своем парашютисте – вероятно, человеке вне политики, храбром в бою как никто, но уставшем от всего: от череды туземных деревень и от придумывания поутру жестокостей, не менее чудовищных, чем совершенные накануне бойцами ФИО ¹⁰. Она носила на шее Чудотворный Образок ¹¹ (вероятно, подаренный неким случайным матросом, которому она напомнила добродетельную девушку-католичку, оставленную в Штатах, где сексом занимаются даром – или ради женитьбы?). Была ли она доброй католичкой? Профейн, который был католиком лишь наполовину (мать еврейка) и о нравственности имел весьма смутное представление (сложившееся в результате не слишком богатого опыта), не мог взять в толк, какие изощренные иезуитские аргументы подвигли ее уйти с ним, требуя «быть ласковым», но при этом отказываясь разделить постель.

В ночь перед Новым годом они выбрались из кухни и за-

¹⁰ *ФИО* – Фронт Национального Освобождения Алжира, организация, возглавившая в 1954 г. войну за независимость от Франции.

¹¹ *Чудотворный Образок* – медаль, образ которой был явлен св. Катерине Лабору (St. Catherine Labouré) 27 ноября 1830 г. На лицевой стороне медали изображена Дева Мария, попирающая ногой змея, на другой – буква М, крест и двенадцать звезд. Альфонс Ратисбон, крещеный еврей, основатель Ордена Богоматери Сионской, организации, призванной содействовать взаимопониманию евреев и христиан, придавал этой медали особое значение.

шли в кошерную бакалею в нескольких кварталах от дома. По возвращении они обнаружили, что Хряк и Дьюи пропали. Записка гласила: «Ушли бухать». Дом сиял новогодними огнями. В одной спальне по радио пел Пэт Бун ¹², в другой что-то все время падало. Каким-то образом наша юная пара забрела в полутемную комнату, где обнаружилась кровать.

– Нет, – сказала она.

– Значит, да.

Вздыхнув, направились к кровати. И прежде, чем успели осознать...

Клик, сказала Тефлонова «лейка».

Профейн сделал то, что от него ожидалось: сжав кулаки, с рычанием соскочил с кровати. Тефлон легко уклонился.

– Ша, ша, – хихикал он.

Собственно, не столь уж важно, что вторглись в интим, однако удручало, что прервали перед Самым Главным Моментом.

– Не переживай, – успокаивал Тефлон. Паола поспешно натягивала одежду.

– Наружу, в снега, – провозгласил Профейн, – вот куда гонит нас твоя камера, Тефлон.

– На, – Тефлон открыл аппарат и протянул Профейну пленку. – Лезешь в бутылку из-за ерунды. Жопа ты, а не матрос.

¹² *Пэт Бун* (р. 1934) – популярный в 1950-х гг. американский певец и киноактер, снимавшийся в вестернах.

Профейн взял пленку, но возвращаться к начатому не имело смысла. Поэтому он оделся и напялил ковбойскую шляпу. Паола набросила флотскую шинель, которая оказалась ей слишком велика.

– Прочь отсюда! – кричал Профейн. – В снег!

На улице действительно шел снег. Они поднялись на паром до Норфолка и уселись в салоне, прихлебывая кофе из бумажных стаканчиков и глядя на снежные хлопья, бесшумно шлепавшие в большие окна. Больше смотреть было не на что, если не считать задницы на скамье перед ними и друга друга. Ягодицами они ощущали мерное постукивание работающего мотора. Говорить тоже было не о чем.

– Ты хотела остаться? – спросил Профейн.

– Нет, нет. – Между ними виднелась ножка потертой скамьи. Паола дрожала. Он не испытывал желания прижать ее к себе. – Как ты решишь.

«О, Мадонна, – подумал Профейн. – Вся ответственность на мне».

– Почему ты дрожишь? Здесь довольно тепло.

Она отрицательно покачала головой (что бы это значило?), глядя на носки своих галош. Через некоторое время Профейн поднялся и вышел на верхнюю падабу.

Снег лениво падал на воду, превращая одиннадцать вечера в сумерки или в солнечное затмение. Каждые несколько секунд прямо над головой раздавался гудок, предупреждавший суда на встречном курсе. Казалось, в этих водах плава-

ют лишь безжизненные и необитаемые корабли, подающие друг другу сигналы, в которых смысла не больше, чем в шуме гребного винта или падении снега на воду. И среди них – Профейн в полном одиночестве.

Одни из нас боятся умереть, другие – остаться в одиночестве. Профейн боялся вот таких ландшафтов и морских пейзажей, где все мертво, кроме него самого. И похоже, как раз к таким он всегда и приходил: поворачиваешь за угол или открываешь дверь на верхнюю палубу – и оказываешься в неведомой стране.

Однако дверь позади отворилась еще раз. Вскоре Профейн почувствовал, как ладони Паолы проскользнули у него под мышками, а щекой она прижалась к его спине. Профейн мысленно, взором стороннего наблюдателя окинул получившийся натюрморт. Она не смогла хоть немного оживить сцену. Так они простояли всю переправу, пока паром не подошел к причалу. Громыкнули цепи, с жалобным скрежетом завелись моторы съезжающих с парома автомобилей.

Не произнеся ни слова, они сели на автобус до города, сошли возле отеля Монтичелло и направились к Ист-Мэйн искать Хряка и Дьюи. В «Матросской могиле» было темно – впервые на памяти Профейна. Должно быть, полиция закрыла заведение.

Хряк обнаружился рядом, в баре «Честер Хиллбилли». Там же, среди музыкантов, сидел и Дьюи. «Праздник! Пьянка!» – выкрикивал Хряк.

Несколько дюжин бывших матросов «Эшафота» пожела-ли отпраздновать встречу друзей. Хряк, назначивший себя общественным распорядителем, выбрал для этого «Сюзанну Сквадуччи», роскошный итальянский лайнер, который сей-час заканчивали отделывать на Нью-портской верфи.

– Назад, в Ньюпорт-Ньюс? – (Решив не рассказывать Хря-ку о разногласиях с Тефлоном.) – Итак, снова йо-йо, снова болтаться.

– Надо это прекратить, – сказал Профейн, но никто его не слушал.

Хряк ушел отплясывать с Паолой непристойные буги-ву-ги.

III

В ту ночь Профейн остался в Хряковой берлоге у старых паромных доков, и спать ему пришлось в одиночестве. Паола встретила одну из Беатрис и решила переночевать у нее, заверив Бенни, что пойдет с ним на новогоднюю вечеринку.

Где-то около трех ночи Профейн проснулся на полу в кухне со страшной головной болью. Из-под двери тянуло холодным ночным воздухом, а с улицы доносился низкий монотонный рев.

– Хряк, – прохрипел Профейн, – где у тебя аспирин? Ответа не последовало. Профейн поплелся в комнату.

Хряка там не было. Рев становился зловещим. Бенни подошел к окну и в проулке между домами увидел Хряка, который, сидя на мотоцикле, прогревал мотор. Снег сыпался маленькими сверкающими кристалликами, и весь переулок озарялся таинственным светом, в котором Хряк выглядел как шут в черно-белом наряде на нейтрально-сером фоне заснеженных стен из старинного кирпича. На нем была вязаная шапочка, закрывавшая лицо так, что ею голова торчала, как черный шар. Он весь был окутан клубами выхлопных газов. Профейн вздрогнул.

– Что ты там делаешь, Хряк? – крикнул он.

Хряк не отвечал. Эта жутковато-таинственная картина – Хряк на «харлей-дэвидсоне» посреди пустынного переулка

в три часа ночи – внезапно напомнила Профейну о Рэйчел, думать о которой ему вовсе не хотелось – по крайней мере, на большую голову и особенно в такую холодную ночь, когда случайные снежинки залетают в комнату.

В 54-м у Рэйчел Оулгласс был роскошный «МГ»¹³, подарок ее папочки. Обкатав машину в районе Гранд-Сен-трал (где располагался папочкин офис) и основательно пообтерев ее о телеграфные столбы, пожарные гидранты и незадачливых пешеходов, Рэйчел на лето отправилась в Кэтскилские горы. Там миниатюрная и понуро-сладоэротичная Рэйчел гоняла на «МГ» по кровожадным изгибам, подъемам и спускам шоссе номер 17, высокомерно виляя задом своего автомобиля остававшимся позади повозкам с сеном, урчащим грузовичкам и стареньким «фордам», доверху набитым стриженными гномами-недоучками.

В то лето Профейн только что уволился из флота и работал подручным зеленщика в Трокадеро Шлоцхауэра в девяти милях от городка Либерти в штате Нью-Йорк. Его шефом был некто Даконьо, полоумный бразилец, который хотел отправиться в Израиль, чтобы сражаться с арабами. Както под вечер, незадолго до начала сезона, в Фиеста-холл (так назывался бар в Трокадеро) забрел подвыпивший морской пехотинец, у которого из сумки торчал ручной пулемет 30-го калибра. Парень и сам толком не знал, как у него ока-

¹³ «МГ» («MG») – марка английского спортивного автомобиля, выпускавшегося в 1946 – 1955 гг.

залась эта штука; Даконьо склонялся к мысли, что пулемет был контрабандой но частям провезен с острова Паррис ¹⁴ – именно так поступили бы бойцы хаганы ¹⁵. Схлестнувшись с барменом, который тоже хотел заполучить пулемет, Даконьо в конце концов восторжествовал, выложив за эту пукалку три артишока и баклажан. Таким образом, он добавил еще один трофей к мезузе ¹⁶, прибитой к стене над холодильником, и сионистскому флагу, висевшему над разделочным столом. В течение последующих недель во; кий раз, когда шеф повар не видел, Даконьо собирал свой пулемет, маскировал его с помощью салата-латука, кресса и бельгийского цикория, а затем шутя пугал посетителей в обеденном зале. «Ибл-ибл-ибл, – верещал он, целясь в кого-нибудь из них. – Тебе конец, Абдул Сайд. Ибл-ибл. Мусульманская свинья». Во всем мире только пулемет Даконьо стрелял с таким звуком: «ибл-ибл». Где-нибудь в пятом часу утра бразилец чистил свое оружие, Предаваясь мечтам о лунных пейзажах пустыни, о заунывном дребезжании арабской музыки и о йе-

¹⁴ *Паррис...* – остров в Атлантическом океане, у берегов Южной Калифорнии. С 1915 г. там находится база ВМС США.

¹⁵ *Хагана* (*иврит*, «оборона») – военизированная сионистская организация, с 1920 г. действовавшая в Палестине. После образования государства Израиль (1948 г.) преобразована в регулярную армию.

¹⁶ *Мезуза* – в иудаистской традиции – специальная коробочка, содержащая свиток со стихами из Второзакония 6:4-9 и 11:13 – 21; ее прибивают над дверью еврейского дома. Мезуза выполняет, в частности, функции амулета, защищающего дом от злых духов.

менских девушках чьи головы изящно укутаны платками, а лона изнывают по любви. Даконьо дивился, как могли американские евреи просиживать целыми днями в обеденном зале, в то время как в соседнем полушарии трупы их соплеменников заносило неумолимыми песками пустыни. Какими словами мог он пронять бесчувственные желудки? Умачивать их маслом и уксусом или ублажать сердцевиной пальм? Он мог сделать лишь одно: предоставить слово пулемету. Но способны ли желудки услышать его, способны ли они слушать? Нет. И вы никогда не услышите выстрел, который убьет вас. Можно было бы нацелить пулемет на скрытый под костюмом от Харта Шафнера и Маркса пищеварительный тракт, издающий похабные звуки вслед снующим официанткам, но все равно пулемет останется всего лишь неодушевленным предметом и будет направлен под действием любой случайной силы. Куда же, однако, целился Даконьо: в Абдул Сайда, в пищеварительный тракт или в самого себя? К чему спрашивать? Даконьо знал лишь то, что он сионист; страдая и недоумеая от собственного бессилия, он лелеял безумную мечту: пройтись босиком по жирному суглинку в каком-нибудь киббуце на другом конце света.

Профейна поразило отношение Даконьо к пулемету. Он впервые столкнулся с такой любовью к неодушевленному предмету. Когда вскоре после этого он увидел то же самое в отношении Рэйчел к «МГ», Профейн осознал, что нечто

странное происходит под розой ¹⁷, причем, возможно, уже очень давно и с гораздо большим числом людей, чем он мог предположить.

Профейн познакомился с Рэйчел благодаря «МГ» – именно так с ней все знакомились. Как-то раз, неторопливо выходя из кухни через заднюю дверь, чтобы вынести мусорный бак, наполненный листьями латука, которые Даконьо счел никуда не годными, справа от себя Бенни услышал свирепый рык «МГ». Профейн продолжал свой путь, пребывая в полной уверенности, что автомобиль должен пропустить пешехода с грузом. Однако не успел он и глазом моргнуть, как правое крыло автомобиля отбросило его в сторону. К счастью, машина ехала со скоростью всего пять миль в час – то есть не так быстро, чтобы нанести серьезную травму, но вполне достаточно, чтобы Профейн с мусорным баком совершил головокружительный полет вверх тормашками в зеленом ворохе латука.

Бенни и Рэйчел, осыпанные листьями латука, настороженно посмотрели друг на друга.

– Как романтично, – произнесла Рэйчел. – Сдается мне, что ты можешь оказаться мужчиной моей мечты. Сними-ка этот листок, чтобы я как следует разглядела твое лицо.

Профейн – памятуя о своем месте – сдвинул листок, слов-

¹⁷ *Под розой* (от *лат. sub rosa*) – по секрету, в тайне. Роза у древних римлян была эмблемой тайны. Если розу подвешивали к потолку над пиршественным столом, то все, что «под розой» говорилось и делалось, не должно было разглашаться. Также название раннего рассказа Пинчона, тесно связанного с «К».

но забрало.

– Нет, – сказала она. – Не то.

– Тогда, может быть, – предложил Профейн, – в следующий раз надо это проделать с фиговым листком?

– Ха-ха, – хохотнула Рэйчел и с ревом умчалась прочь.

Бенни нашел грабли и принялся сгребать в кучу салатные листья, размышляя о том, что еще один неодушевленный предмет чуть было не убил его. Правда, он никак не мог решить, был ли это автомобиль или сама Рэйчел. Он зачихнул кучу листьев обратно в мусорный бак, а затем пошел и вывалил их в небольшой овражек позади автостоянки, который кухонные работники Тро-кадеро использовали в качестве выгребной ямы. Когда он возвращался на кухню, снова появилась Рэйчел. Аденоидный хрип «МГ» разнесся, казалось, по всей округе до самого Либерти.

– Эй, толстячок, поехали прокатимся, – позвала Рэйчел.

Профейн кивнул в знак согласия. Готовить зелень к ужину нужно было только через пару часов.

Пяти минут на шоссе номер 17 вполне хватило, чтобы Профейн решил, что, если ему суждено вернуться обратно целым и невредимым, он выкинет Рэйчел из головы и впредь будет интересоваться только мирными пешеходными девушками. Рэйчел вела машину, как черт в отпуске. Бенни не сомневался, что она знала и собственные способности, и возможности автомобиля, но откуда ей было известно, например, что после очередного слепого поворота на этом шоссе с

двусторонним движением идущий навстречу молоковоз окажется на достаточном расстоянии – по меньшей мере в одну шестнадцатую дюйма, – чтобы она успела вильнуть обратно на свою полосу?

Профейн слишком боялся за свою жизнь, чтобы по обыкновению чувствовать себя неловко в обществе девушки. Он протянул руку, открыл «бардачок», нашел сигарету и закурил. Рэйчел не обратила на это ни малейшего внимания. Она сосредоточенно вела машину, забыв о том, что рядом кто-то сидит. Она раскрыла рот лишь однажды, чтобы сообщить Профейну, что за сиденьем стоит ящик с холодным пивом. Бенни покуривал сигарету, размышляя о том, почему у него не возникает позыва к самоубийству. Иногда ему казалось, что он намеренно вставал на пути враждебных предметов, словно стремился раз и навсегда покончить со своим безалаберным существованием. С какой стати он вообще сел в эту машину? Потому что у Рэйчел аппетитная задница? Он покосился на ее попку, которая мерно подпрыгивала на сиденье в такт подрагиванию автомобиля, а затем понаблюдал за гораздо более сложным и менее гармоничным покачиванием ее левой груди под черным свитером.

Наконец Рэйчел остановила машину около заброшенной каменоломни. Повсюду были разбросаны обломки камней. Профейн не знал, что это за камни, впрочем выглядели они все равно безжизненно. Рэйчел проехала еще немного вверх по грунтовой дороге на площадку в сорока футах от дна ка-

меноломни.

День был какой-то нескладный. Солнце безжалостно падало с безоблачного неба. Профейн, не отличавшийся художбой, вспотел. Рэйчел затеяла игру «угадай, кого я знаю из тех ребят, что учились в твоей школе», и Профейн проиграл. Потом она рассказывала о всех ухажерах, которые подвернулись ей этим летом. Похоже, все они были из высшего общества и учились в колледжах «Лиги плюща»¹⁸. Время от времени Профейн соглашался, что это действительно здорово.

Поговорив немного о Беннингтоне¹⁹, своей альма-матер, Рэйчел рассказала о себе.

Она была родом из района Пяти Городов, расположенного на южном берегу Лонг-Айленда и включавшего в себя Малверн, Лоуренс, Седархерст, Хьюлет и Вудмир, а иногда также Лонг-Бич и Атлантик-Бич, впрочем никто и не думал называть это место Семь Городов. Хотя тамошние жители не принадлежали к числу сефардов²⁰, местность эта, казалось, пострадала от географического инцеста. Их черноглазые доче-

¹⁸ «Лига плюща» – ассоциация восьми старейших и наиболее престижных частных университетов США, образования в сентябре 1945 г. Ассоциация «Лиги плюща» включает в себя Брауновский, Колумбийский, Корнелльский, Дартмутский, Гарвардский, Пенсильванский, Принстонский и Йельский университеты.

¹⁹ *Беннингтон* – частный колледж в г. Беннингтоне, штат Вермонт. Основан в 1925 г. как экспериментальный гуманитарный колледж для женщин.

²⁰ *Сефарды* – испанские и португальские евреи, считаются беженцами из Палестины. В отличие от ашкенази (т. е. выходцев из Германии и Восточной Европы) практиковали эндогамные браки (т. е. запрещающие брак вне пределов общины) – что, собственно, и имеется в виду.

ри были вынуждены ходить потупив взор, как рапунцели ²¹, в волшебных пределах тех кварталов, где феерическая архитектура китайских ресторанчиков, морских забегаловок и синагог порой завораживает, как море. Когда девушки созревали, их отправляли в горы или в колледжи северо-востока – но не для охоты за мужьями (поскольку в Пяти Городах всегда существовало равенство и достойные юноши могли быть предназначены в мужья уже в возрасте 16 – 17 лет), а для того, чтобы они по крайней мере получили иллюзию «выезда в свет», столь необходимую для их эмоционального развития.

Только самые храбрые осмеливались бежать. Воскресными вечерами, когда сыграны все партии в гольф, когда чернокожие служанки, наведя порядок после вчерашних пиршеств, отправляются навестить родню в Лоуренс, когда до Эда Салливана ²² остается еще несколько часов, аристократы этого королевства покидают свои огромные дома, садятся в автомобили и отправляются в деловые районы. Там они отводят душу, поедая бесконечные вереницы креветок и яйца фу-юнь ²³; китайцы кланяются, улыбаются и суетятся в сумеречном свете, а голоса их звучат как щебет летних птиц.

²¹ *Рапунцель* – растение семейства колокольчиковых, полевой салат. Также Рапунцель – героиня сказки братьев Гримм, очень скромная принцесса с длинными-длинными косами.

²² *Эд Салливан* (1902 – 1974) – американский журналист и популярный телеведущий; с 1948 по 1971 г. ведущий еженедельного телевизионного ток-шоу.

²³ *Фу-юнь* – яйца, приготовленные особым способом; блюдо китайской кухни.

Вечер завершается короткой прогулкой по улице: торс отца семейства в костюме от Дж. Пресса внушителен и строг, глаза дочерей скрыты темными очками в оправе, украшенных фальшивыми бриллиантами. Ягуар, давший имя автомобилю их матушки, снабдил пятнистой расцветкой своей шкуры брюки, плотно облегающие ее крутые бедра. Кто бы решился бежать от всего этого? Кому бы это вообще могло прийти в голову?

Рэйчел решила. Профейн работал на ремонте дорог около Пяти Городов и мог понять, почему она пошла на это.

Незадолго до захода солнца они выпили почти все пиво. Профейн был вдребезги пьян. Он вылез из машины, отошел за дерево и, повернувшись на запад, вознамерился помочиться на солнце, чтобы погасить его раз и навсегда – в данный момент это представлялось ему необычайно важным. (Неодушевленные предметы могли делать все, что хотели. Вернее, не хотели, поскольку предметы, в отличие от людей, не испытывают никаких желаний. Предметы не живые и ничего не делают, – именно поэтому Профейн мочился на солнце.)

И солнце зашло, словно он действительно потушил его и стал бессмертным божеством темного мира.

Рэйчел с любопытством наблюдала за Профейном. Он застегнул брюки и пошатываясь вернулся к ящику с пивом. Там оставалось еще две банки. Открыв их, он протянул одну Рэйчел.

– Я потушил солнце, – сказал он. – Давай выпьем за это.

Пиво в основном пролилось ему на рубашку. Две пустые банки полетели на дно карьера, за ними последовал ящик.

Рэйчел оставалась в машине.

– Бенни, – произнесла она, коснувшись его лица ногтем.

– Что?

– Хочешь быть моим парнем?

– Судя по всему, у тебя их и так предостаточно. Она посмотрела на дно каменоломни.

– Почему бы нам не вообразить, что все остальное нереально? – спросила она. – Что нет ни Беннингтона, ни Шлопхауэра, ни Пяти Городов. Только этот карьер, мертвые камни, которые существовали до нас и будут существовать после нас.

– Зачем?

– Таков мир, разве нет?

– Ты что, усвоила это из вводного курса геологии? Рэйчел, похоже, обиделась.

– Я и так это знаю, – сказала она и потом чуть слышно воскликнула: – Бенни, будь моим другом, только и всего.

Он пожал плечами.

– Пиши мне.

– Надеюсь, ты не ждешь, что...

– О твоём пути. О твоём юношеском пути, которого я никогда не увижу, о грузовиках и пыльных дорогах, о придорожных поселках и закусочных. Вот и все. Напиши о том,

что увидишь к западу от Итаки и к югу от Принстона, о местах, которых я иначе не узнаю.

Он почесал живот.

– Ладно.

До конца лета Профейн то и дело натыкался на Рэйчел по крайней мере раз в день. Они неизменно беседовали в автомобиле, и Бенни все время пытался в глубине глаз Рэйчел найти ключ к ее собственному зажиганию, пока сама она, сидя за рулем справа, говорила и говорила без умолку – машинными, холодными словами, на которые Профсйну, в сущности, ответить было нечего.

Вскоре случилось то, чего он так боялся: его угораздило влюбиться в Рэйчел, и оставалось только удивляться, почему на это потребовалось столько времени. Лежа по ночам на своей койке, Профейн курил в темноте и разговаривал с горящей сигаретой. Где-то около двух часов с ночной смены возвращался обитатель верхней койки – Дюк Клин, прыщавый бабник из Челси, который всякий раз начинал хвастать, сколько удовольствия он получает, а получал он действительно немало. Его бахвальство убаюкивало Профсйна. Как-то раз вечером он и впрямь увидел Рэйчел с этим негодяем Клином – они сидели в «МГ», припаркованном около ее коттеджа. Профейн тихонько отправился спать, не испытывая особого беспокойства по поводу ее измены, так как был уверен, что Клин ничего не добьется. Он даже решил дождаться Клина и насладиться детальным отчетом о том,

как тот почти что достиг успеха, хотя и не совсем. Как обычно, Профейн уснул посреди рассказа.

Профейн так и не проник в суть болтовни Рэйчел о ее мире, который он высоко ценил и жаждал познать, задыхаясь в атмосфере тайны. Последний раз они встретились вечером в День труда²⁴. Утром она должна была уехать. В тот вечер, перед самым ужином, у Даконьо украли пулемет. Обливаясь слезами, Даконьо шарил по трактиру в поисках своего любимца. Шеф-повар велел Профейну заняться салатами. Профейн умудрился засунуть мороженую клубнику во французский гарнир, рубленую печенку – в уолдорфский салат, а потом случайно уронил дюжину редисок в жарившуюся картошку (и хотя это блюдо вызвало бурю восторга у посетителей, Профейн поленился принести им еще). Время от времени по кухне, рыдая, проносился безутешный бразилец.

Он так и не нашел свой возлюбленный пулемет. На следующий день убитого горем и нравственно опустошенного Даконьо уволили. Впрочем, сезон все равно подошел к концу, и бразилец, насколько его знал

Профейн, скорее всего, в один прекрасный день все-таки сел бы на корабль и отправился в Израиль, где стал бы до посинения копать во внутренностях какого-нибудь трактора, тщетно, как и многие работающие на чужбине, стараясь забыть оставшуюся в Штатах любовь.

²⁴ *День труда* – праздник и выходной день, отмечается в США и Канаде в первый понедельник сентября.

Получив расчет, Профейн отправился на поиски Рэйчел. Ему сказали, что она ушла с капитаном гарвардской команды арбалетчиков. Слоняясь неподалеку от ночлежки, Профейн обнаружил угрюмого Клина, который, против обыкновения, в этот вечер остался без подружки. Они до полуночи играли в очко на презервативы, которые Клин не успел использовать за лето. Таковых было около сотни. Профейн взял 50 штук в долг и провел беспроигрышную серию. Когда он вконец обчистил Клина, тот побежал одалживать презервативы у соседей. Минут через пять он вернулся и, мотая головой, изрек: «Никто мне не поверил». Профейн одолжил ему несколько штук и в полночь сообщил, что долг Клина достиг 30 презервативов. Клин выразился подобающим образом. Профейн сгреб выигранные презервативы в кучу. Клин бухнул головой об стол. «Ему ни за что их не использовать, – пожаловался он столу. – Вот что обидно. Никогда в жизни!»

Профейн снова побрел к коттеджу Рэйчел. Там он услышал плеск воды, доносившийся с заднего дворика, и пошел посмотреть, в чем дело. Рэйчел мыла свой автомобиль. Мало того, что она делала это посреди ночи, она еще и разговаривала с ним.

– Ах ты мой жеребеночек, – говорила она, – я так люблю гладить тебя. – Ничего себе, подумал Профейн. – Знаешь, что я чувствую, когда мы одни на дороге, только ты и я? – И она ласково провела губкой по переднему бамперу. – Я думаю о твоём милом норове, который так хорошо мне

знаком. О том, что тормоза немножечко заносят тебя влево, и о том, как ты начинаешь подрагивать при пяти тысячах оборотов, когда разгорячишься. А когда ты сердишься на меня, твоё масло начинает подгорать, не так ли? Знаю я тебя. – В её голосе не слышалось никакого безумия; скорее все это было похоже на какую-то детскую игру, которая, однако, показалась Профейну довольно-таки странной, – Мы с тобой никогда не расстанемся, – приговаривала Рэйчел, протирая капот замшей, – и можешь не переживать насчет этого черного «бьюика», который мы сегодня обогнали. Фу, какой он был жирный и толстый – настоящий мафиозный автомобиль. Мне все время казалось, что из задней двери вывалится труп. А тебе? Зато ты у меня весь такой поджарый и такой английский, твидовый и респектабельный. Я ни за что тебя не брошу, милый мой.

Профейну стало ясно, что еще немного – и его стошнит. Открытое выражение чувств часто действовало на него подобным образом. Рэйчел села в машину и откинулась назад на водительском сиденье, подставив шею свету летних созвездий. Профейн хотел было подойти к ней, но вдруг увидел, как её левая рука бледной змеей скользнула на рычаг переключения скоростей. Понаблюдав какое-то время, он обратил внимание на то, с какой нежностью она касается рукоятки. Только что пообщавшись с Клином, Профейн уловил связь. Больше смотреть ему не хотелось. И он потрусил обратно через холм и через лес, а когда вернулся к Трокаде-

ро, то не мог сказать наверняка, какими путями он туда вышел. В коттеджах все окна были темными. Только в главном офисе все еще горел свет. Клерк куда-то вышел. Профейн прокрался внутрь и, обшарив ящики стола, нашел коробку кнопок. Потом он снова направился в поселок и до трех часов утра бродил при свете звезд от одного коттеджа к другому, прикрепляя к дверям выигранные у Клина презервативы. Никто ему не помешал. Бенни чувствовал себя Ангелом Смерти, метящим кровью дома будущих жертв. Для того чтобы отвадить Ангела Смерти от дома, нужна была мезуза. Однако ни на одном из сотни помеченных им коттеджей Профейн мезузы не обнаружил. Что ж, тем хуже.

Лето кончилось, и теперь Профейна и Рэйчел связывали только письма – его угрюмо-мрачные, полные неправильных слов, а ее остроумные, отчаянные и страстные. Через год она закончила Беннингтон и переехала в Нью-Йорк, где начала работать секретаршей в агентстве по трудоустройству. Бенни два раза встречался с ней в Нью-Йорке, когда был там проездом, и хотя думали они друг о друге не часто, а непоседливая Рэйчел, как обычно, занималась множеством самых разных дел, время от времени между ними возникала незримая, утробная связь, которая, как, например, в эту ночь, внезапно будила в нем воспоминания и заставляла задуматься, насколько он вообще владеет собой. Рэйчел – надо отдать ей должное – никогда не называла все это «Взаимоотношениями».

– Тогда что же это такое? – как-то раз спросил у нее Профейн.

– Это тайна, – ответила она со своей детской улыбочкой, от которой сердце Профейна начинало трепыхаться в ритме вальса, а сам он размякал, как от мюзиклов Роджерса и Хаммерстайна ²⁵.

Как и сейчас, Рэйчел изредка являлась ему по ночам, влетая в дом вместе со снегом, словно суккуб. И Профейн не знал, как избавиться от нее со снегом вместе.

²⁵ Ричард *Роджерс* – популярный американский композитор, автор (в сотрудничестве с либреттистом Оскаром *Хаммерстайном*) известных мюзиклов: «Оклахома!» (1943), «Карусель» (1945), «Король и я» (1951) и др.

IV

Судя по всему, новогодняя вечеринка, по крайней мере на время, должна была положить конец бесцельному брожению и шатанию. Подкупив ночного сторожа бутылкой вина, веселая компания проникла на «Сюзанну Скавадуччи», и там (после бурных словопрений) было решено пустить па борт загулявшую команду со стоявшего по соседству эсминца.

Поначалу Паола держалась поближе к Профейну, который положил глаз на пышнотелую дамочку, одетую в нечто вроде шубы и утверждавшую, что ее муж – адмирал. На всю катушку звучал портативный радиоприемник, стоял невообразимый гвалт, и вино лилось рекой.

Дьюи Гланда пожелал забраться на мачту. И хотя мачта была только что выкрашена, Дьюи с болтающейся за спиной гитарой невозмутимо карабкался вверх, по мере продвижения становясь все более похожим на зебру. Добравшись до салинга, Дьюи уселся на перекладину, рванул струны и загнусил:

*Depuis que je suis ne
J'ai vu mourir des peres,
J'ai vu partir des freres,
Et des enfants pleurer...*

Опять этот парашютист. Его призрак витал над ними всю

неделю. «С самого рождения, – (пелось в песенке), – я видел, как погибали отцы, как уходили братья и как плакали малые дети...»

– А что такого особенного случилось с этим парашютистом? – спросил Профейн, когда Паола перевела ему слова. – Все это видели. Так бывает не только во время войны. Зачем во всем винить войну? Я родился в Гувервилле еще до начала войны.

– В том-то все дело, – сказала Паола. – Je suis ne. Надо только родиться. Больше ничего.

Голос Дьюи звучал с высоты как завывание холодного ветра. Куда только подевались Ги Ломбарде и «Доброе старое время»²⁶?

В первые минуты 1956 года Дьюи был уже на палубе, а Профейн, оседлав рангоут, смотрел, как прямо под ним Хряк совокупляется с адмиральской женой. Из снежной круговерти спикировала чайка и, сделав круг, опустилась на рангоут рядом с рукой Профейна.

– Эй, чайка, – позвал ее Профейн. Чайка не отзывалась.

– Вот здорово, – сказал он ночи. – Люблю смотреть, как общается молодежь. – Профейн обозрел главную палубу. Паола исчезла.

И тут вдруг началось. На улице взвыла сирена, потом еще

²⁶ Ги Ломбарда (1902 – 1977) – американский дирижер канадского происхождения, известный своими новогодними выступлениями в Нью-Йорке. «Доброе старое время» было одним из его коронных номеров.

одна. На пирс с ревом выехали машины – серые «шеви» с надписями «ВМС США». Вспыхнули прожектора, и пирс закишел человечками в белых касках и черно-желтых нарукавных повязках берегового патруля. Трос самых шустрых бражников пробежали вдоль левого борта и столкнули в воду все трапы. К сгрудившимся на пирсе автомобилям, которых хватило бы на автостоянку средних размеров, присоединился грузовик с громкоговорителем.

– Порядок, ребята, – заорал механический голос 50-ваттной мощности. – Порядок, ребята. – Похоже, сказать ему было больше нечего. Адмиральская жена завопила, что наконец-то ее застукали вместе с мужем. Два-три прожектора высветили место, где (предаваясь греху) возлежала эта парочка; Хряк под одобрительные крики и смех с пирса пытался правильно застегнуть все тринадцать пуговиц на своей куртке – дело почти безнадежное, если вы сильно торопитесь. Несколько патрульных, как крысы, карабкались на борт по швартовым канатам. Пробудившись ото сна в глубинах судна, бывшие моряки с «Эшафота», пошатываясь и спотыкаясь, поднимались на палубу, а Дьюи Гланда, размахивая гитарой, словно абордажной саблей, кричал: «Приготовиться к отражению атаки».

Глядя на все это, Профейн начал слегка беспокоиться о Паоле. Он поискал ее взглядом, но лучи прожекторов металась по главной палубе, мешая смотреть. Снова пошел снег.

– Предположим, – сказал Профейн чайке, которая, под-

мигивая, смотрела на него, – предположим, что я Бог. – Он осторожно спустился на платформу и лег на живот, так что из-за края виднелись только его нос, глаза и ковбойская шляпа, отчего он стал похож на распластанного Килроя²⁷.

– Если бы я был Богом... – Профейн направил палец на патрульного: – Сдохни, сволочь, я попал тебе в жопу.

Патрульный тем временем продолжал заниматься своим делом: лупил дубинкой в живот 250-фунтовому гиганту – старшине группы управления огнем по имени Балбес Пагано.

К скоплению автомобилей на пирсе добавился скотовоз – так моряки называли полицейский фургон «Черная Мария».

– Прочь, скотовоз, – сказал Профейн, – убирайся отсюда, съезжай с пирса. – Так оно и случилось бы, если бы фургон вовремя не затормозил. – Пусть у Балбеса Пагано вырастут крылья и он улетит отсюда. – Однако очередной удар дубинки сбил Балбеса с ног. Полицейский оставил его лежать на палубе. Чтобы сдвинуть с места такую тушу, нужно было по меньшей мере человек шесть.

«В чем же дело?» – удивился Профейн. Чайке, похоже, все это прискучило, и она улетела в направлении морской базы. Возможно, подумал Профейн, Бог должен заниматься чем-нибудь более полезным, а не метать все время громы и

²⁷ Надпись «Здесь был Килрой» американские солдаты во время Второй мировой войны оставляли на стенах домов в освобожденных городах. С тех пор подобным образом американские туристы «увековечивают» свое посещение тех или иных мест. См. рисунок на с. 565.

молнии. Он как можно точнее направил палец на Дьюи:

– Гланда, спой им пацифистскую песенку этого алжирца.

Дьюи, устроившись на спасательном тросе на мостике, ударил по басовым струнам и запел «Синие замшевые туфли» Элвиса Пресли. Профейн откинулся на спину и, часто моргая, стал смотреть на падающий снег.

– Почти то, что надо, – сказал он улетевшей птице или снегу. Затем закрыл лицо шляпой, сомкнул глаза и вскоре уснул.

Внизу все постепенно затихло. Тела были убраны и погружены в скотовоз. Громкоговоритель на грузовике, издав несколько прощальных звуков, заткнулся и покинул место действия. Прожекторы погасли, вой сирен удалился в сторону штаба берегового патруля.

Под утро Профейн, покрытый тонким слоем снега, проснулся, чувствуя, что у него начинается сильная простуда. Он с трудом спустился на палубу, спотыкаясь почти на каждой обледенелой ступеньке. Корабль опустел. Чтобы отогреться, Профейн пошел в глубь судна.

И вновь он оказался внутри некоего неодушевленного существа. Из глубины доносились какие-то звуки: скорее всего, там был ночной сторож. «Невозможно побыть одному», – пробормотал Профейн, крадясь по проходу. Заметив на полу мышеловку, он осторожно поднял ее и швырнул в конец коридора. Мышеловка ударилась о переборку и захлопнулась, громко клацнув. Шаги внизу сразу затихли. Потом послыша-

лись снова, более осторожные, и, протопав под Профейном, направились вверх по трапу, туда, где лежала мышеловка.

– Ха-ха, – сказал Профейн. Прокравшись за угол, он нашел еще одну мышеловку и кинул ее к сходному трапу. КЛАЦ. Шаги загрохотали вниз по трапу.

Еще четыре мышеловки – и Профейн добрался до камбуза, где сторож оборудовал себе местечко, чтобы пить кофе. Рассчитывая, что сторож еще несколько минут пробудет в замешательстве, Профейн поставил котелок с водой на плиту.

– Эй, – крикнул сторож двумя палубами выше.

– О-хо-хо, – вздохнул Профейн. Выскользнув из камбуза, он снова отправился на поиски мышеловок. Он нашел одну на следующей палубе, вышел наружу и запустил мышеловку по высокой невидимой дуге. По крайней мере, таким образом он спасает жизнь мышкам. Сверху раздался приглушенный щелчок, за которым последовал громкий вопль.

– Мой кофе, – фыркнул Профейн и бросился вниз, прыгая через две ступеньки. Он кинул пригоршню кофе в кипящую воду и выскочил из камбуза с другой стороны, чуть не натолкнувшись на ночного сторожа, который с мышеловкой, болтавшейся на левом рукаве, тащился по коридору. Сторож прошел совсем рядом, так что Профейн разглядел у него на лице терпеливо-мученическое выражение. Как только сторож вошел в камбуз, Профейн рванул прочь. Он миновал три палубы прежде, чем услышал донесшийся из камбуза крик.

«Что теперь?» – подумал Профейн. Он побрел по коридору мимо пустых кают. Подобрал мелок, оставленный сварщиком, Профейн написал на переборке: «НАСРАТЬ НА СЮЗАННУ СКВАДУЧЧИ» и: «К ЧЕРТУ ВСЕХ БОГАТЫХ УБЛЮДКОВ». Затем расписался: «ПРИЗРАК» – и почувствовал себя значительно лучше. Интересно, кто поплывет на этом корабле в Италию? Председатели правлений, звезды кино или, может, выдворенные из страны рэкетеры? «Нынче ночью, – замурлыкал Профейн, – нынче ночью ты, Сюзанна, принадлежишь только мне». Она была его, чтобы оставить надписи и повыбрасывать мышеловки. Это гораздо больше, чем мог бы сделать любой пассажир с билетом. Профейн бодро зашагал по коридору, на ходу подбирая мышеловки.

Остановившись у камбуза, он снова принялся разбрасывать их во все стороны.

– Ха-ха, – произнес ночной сторож. – Шумишь? Ну-ну, шуми. А я пока выпью твой кофе.

Так он и сделал. Профейн машинально поднял последнюю мышеловку. Захлопнувшись, она защемила ему три пальца.

«Что делать? – подумал он. – Кричать? Ни к чему». Ночной сторож уже вовсю хохотал. Зубами Профейн разжал мышеловку и освободил пальцы, потом снова зарядил се, метнул в камбузный иллюминатор и убежал. Только он сошел на пирс, как брошенный сторожем снежок угодил ему прямо в затылок и сбил ковбойскую шляпу. Профейн остановился и поднял шляпу, подумывая о том, стоит ли наносить ответ-

ный удар. Нет смысла. И он побежал дальше.

Паола ждала его у парома. Она протянула руку, и они поднялись на борт.

– Мы когда-нибудь сойдем с этого парома? – спросил Профейн и замолчал.

– Ты весь в снегу. – Она помогла ему стряхнуть снег, и Профейн чуть было не поцеловал ее. От холода у него онемели ушибленные мышеловкой пальцы. Со стороны Норфолка задувал сильный ветер. До самого берега они не выходили из салона.

Рэйчел настигла Профейна на автобусной станции в Норфолке. Он ссутулившись сидел рядом с Паолой на деревянной скамье, ставшей мертвенно-бледной и лоснящейся от целого поколения случайных задниц, два билета до Нью-Йорка были засунуты за подкладку ковбойской шляпы. Профейн закрыл глаза, пытаясь заснуть. Он уже начал погружаться в сон, когда по радио его позвали к телефону.

Он сразу же, еще не успев окончательно проснуться, понял, кто это. Просто интуиция. Он как раз думал о Рэйчел.

– Дорогой Бенни, – сказала Рэйчел. – Я обзвонила все автостанции в стране. – Ее голос звучал на фоне шумной вечеринки. Новогодняя ночь. Здесь на автостанции время показывали только старые часы. А на деревянной скамье, стараясь забыться сном, скукожилась дюжина бездомных бродяг. Они ждали автобуса дальнего следования, но только не

компании «Грейхаунд» или «Трейлвейз». Профейн глядел на них и слушал Рэйчел. Она говорила: «Приезжай домой». Только ей он мог позволить говорить такие слова, да еще внутреннему голосу, который он не стал бы слушать, а предпочел бы отвергнуть как излишество.

– Понимаешь... – попытался сказать он.

– Я пришлю тебе денег на билет. С нее станется.

По полу прокатился гулко-дребезжащий звук. Дьюи Гланда, костлявый и понурый, приближался, волоча за собой гитару. Профейн вежливо перебил Рэйчел.

– Тут пришел мой друг Дьюи Гланда, – сказал он почти шепотом. – Он хотел бы спеть тебе одну песенку.

Дьюи запел «Бродягу» – старую песню времен депрессии: «Много угрей в океане, их плавают много в морях, и рыжая девушка рада оставить меня в дураках...»

У Рэйчел были рыжие волосы с преждевременной сединой, такие длинные, что она могла взять их за спиной одной рукой, поднять над головой и перебросить вперед, закрыв лицо с удлинёнными глазами. Движение довольно забавное (или должно таковым казаться), когда его проделывает девушка ростом четыре фута десять дюймов в чулках.

Профейн вновь ощутил, как где-то у него внутри натянулась та невидимая нить, которая связывала его с Рэйчел. Он подумал о ее длинных пальцах, подумал, вероятно, и о том, что хоть изредка он мог бы видеть голубое небо.

«Похоже, мне никогда не удастся остановиться».

– Ты ей нужен, – сказал Дьюи.

Девушка в «Справочном» нахмурилась. Она была широка в кости и вся какая-то пятнистая, девушка из Богом забытого городка, в глазах которой читалась мечта об ослепительном оскале роскошного «бьюика» и обжималочках по пятницам в каком-нибудь мотеле.

– Ты мне нужен, – сказала Рэйчел.

Профейн поскреб подбородком о трубку, громко прошуршав трехдневной щетиной. Ему вдруг подумалось, что под землей на протяжении всех пятисот миль телефонного кабеля копошатся земляные черви или слепые тролли, подслушивая их разговор. Тролли знают толк в магии и, наверное, могут изменять слова и подражать различным голосам.

– Ты так и будешь шляться? – спросила Рэйчел. В трубке было слышно, как кто-то блюет, а остальные истерически смеются. На проигрывателе крутилась джазовая пластинка.

Профейну хотелось воскликнуть: «Господи, вот что нам нужно!» Но вместо этого он сказал:

– Ну как вечеринка?

– Мы у Рауля, – ответила она. Рауль, Слэб и Мелвин принадлежали к кружку отщепенцев, который кто-то окрестил «Вся Шальная Братва». В основном они обитали в баре под названием «Ржавая ложка», на окраине Вест-Сайда. На взгляд Профейна, это заведение мало чем отличалось от «Матросской могилы».

– Бенни, – всхлипнула Рэйчел. Она никогда не плакала,

по крайней мере он не мог вспомнить ничего подобного. Это его беспокоило. Впрочем, вполне вероятно, она притворялась. – Чао, – сказала она. Этим легковесным словечком пользуются обитатели Гринвич-Виллидж, чтобы не говорить «до свидания». Бенни повесил трубку.

– Славная началась заварушка, – мрачно сообщил Дьюи Гланда, мигая покрасневшими глазами. – Бедняга Плой малость перебрал и цапнул какого-то морского пехотинца за жопу.

Если посмотреть со стороны на какую-нибудь планету, покачивающуюся на орбите, и, направив на нее солнечный зайчик, вообразить веревочку, то планета эта станет похожа на йо-йо. Точка наибольшего удаления планеты от солнца называется афелион. По аналогии, точка наибольшего удаления йо-йо от руки называется апохейем.

В ту же ночь Профейн и Паола уехали в Нью-Йорк. Дьюи Гланда вернулся на корабль и навсегда исчез из поля зрения Профейна. Хряк сел на свой «харлей» и умчался в неизвестном направлении. В автобусе подобралась пестрая компания: пара молодоженов, готовых в любой момент заняться своим делом на заднем сиденье, как только сон одолеет остальных пассажиров; коммивояжер, торговавший точилками для карандашей, который объездил всю страну и мог выдать вам интересную информацию о любом городе, вне зависимости от того, ехали вы туда или нет; четыре младенца, каждый в сопровождении некомпетентной мамы, за-

нимали в салоне стратегически важные места и всю дорогу лепетали, ворковали, пускали слюни, рыгали и предпринимали попытки самоудушения. На всем протяжении 24-часового путешествия по крайней мере один из них истошно вопил.

Когда они подъезжали к Мэриленду, Профейн решил, что уже пора объясниться с Паолой.

– Дело не в том, что я хочу избавиться от тебя, – сказал он, протягивая ей конверт от билетов, на котором карандашом был написан адрес Рэйчел. – Просто я не знаю, надолго ли я задержусь в городе.

Он действительно этого не знал. Паола кивнула:

– Значит, ты се любишь?

– Она хорошая женщина. Она найдет тебе работу и какое-нибудь жилье. Не спрашивай, любим ли мы друг друга. Это слово ничего не значит. Вот ее адрес. Ты сможешь добраться до Вест-Сайда на метро прямо от вокзала.

– Чего ты боишься?

– Постарайся уснуть.

Паола уснула, положив голову на плечо Профейна. На автостанции в районе 34-й улицы он помахал ей рукой:

– Возможно, мы увидимся. Но, думаю, вряд ли. Все очень сложно.

– Должна я сказать ей...

– Она и так знает. Вот в чем беда. Ты... или я, мы не можем сказать ей что-либо, чего она уже не знает.

– Позвони мне, Бен. Пожалуйста. Если можно.

– Ладно, – сказал он. – Может быть.

V

Итак, в январе 1956 года Бенни Профейн вновь объявился в Нью-Йорке. Он прибыл в город на исходе короткого периода обманчивой январской весны и в деловом районе получил тюфяк в ночлежке под названием «Наш дом», а в одном из жилых кварталов приобрел в киоске газету; затем до позднего вечера шатался по тротуарам, изучая объявления при свете уличных фонарей. Как и всегда, никто особенно им не интересовался. Если бы знакомые, столкнувшись с Профейном, вспомнили его, то они бы справедливо заметили, что он ничуть не изменился. Все тот же простой, как амеба, спокойный и толстый обалдуй с коротко остриженными клочковатыми волосьями и маленькими, чересчур широко посаженными поросячьими глазками. Скитания нисколько не улучшили внешность Профейна и не обогатили его внутренний мир. Хотя Профейн провел на улицах большую часть жизни, они оставались ему чужими во всех отношениях. Улицы (дороги, переулки, площади, аллеи, проспекты) не научили его ничему: он не мог работать крановщиком или грузчиком, не умел управляться с теодолитом, не знал, как класть кирпичи, разматывать рулетку или действовать подъемным рычагом; он даже не выучился водить машину. Порой ему казалось, что он бродит по огромному светлому супермаркету с единственной целью – хоть чего-нибудь захотеть.

Однажды Профейн проснулся очень рано, не сумел опять погрузиться в сон и решил, повинувшись капризу, провести этот день как йо-йо, курсируя под 42-й улицей в вагоне метро от Таймс-Сквер до Гранд-Сентрал и обратно. По пути в сортир «Нашего дома» он опрокинул два тьюфяка. Он порезался во время бритья, а доставая лезвие, поранил палец. Отправился в душевую, чтобы смыть кровь. Краники не поворачивались. Когда наконец нашлась работающая кабинка, горячая вода в ней сменялась холодной без всякой закономерности. Профейн пританцовывал, зазывал, дрожал, поскользнулся на куске мыла и едва не свернул себе шею. Вытираясь, разорвал истрепанное полотенце пополам, превратив его в бесполезное тряпье. Он надел нижнее белье наизнанку, потратил десять минут, застегивая застрявшую молнию па брюках, и еще пятнадцать минут возился с порвавшимся шнурком на ботинке. Окончание его утренней песни свелось к неслышным ругательствам. Дело было вовсе не в том, что он устал или плохо ориентировался в пространстве. Просто Профейн, будучи шлемилом, уже давно знал, что он и неодушевленные предметы не могут жить в мире.

На Лексингтон-авеню Профейн сел в метро до Гранд-Сентрал. Так получилось, что вагон, в который он попал, был набит сногшибательно пышнотелыми красотками: спешившими на работу секретаршами и малолетними, но соблазнительными школьницами. Их было много, слишком много. Профейн, слабея, уцепился за ременную петлю и повис.

Неземное ощущение затвердения, накатывающее бурными волнами, привело его в то умопомрачительное состояние, когда все женщины определенного возраста и плавных очертаний немедленно становятся до невозможности желанными. Из этого наваждения он выплыл с разбегающимися глазами, горько сожалея, что голова не может поворачиваться на 360°.

После утренней давки метро пустеет, как замусоренный пляж, когда туристы разъезжаются по домам. Между девятью утра и полуднем осторожно и робко выползают постоянные обитатели. После восхода солнца разнообразные людские потоки наполняют пределы этого мира летним ощущением жизни: спящие бомжи и старушечки на пособиях, ранее тихие и неприметные, встряхиваются, охорашиваются и вступают в новый сезон.

На одиннадцатом или двенадцатом проезде Профейна разморило, и он заснул. Ближе к полудню его разбудили три пуэрториканских паренка – Толито, Хосе и Кук (сокращение от Кукарачито)²⁸. Они надеялись таким образом раздобыть денег, хоть и знали, что в будни по утрам подземка по *es bueno*²⁹ для танцев и барабанов. Хосе тащил пустую жестянку из-под кофе, которая, будучи перевернутой вверх дном, служила для отстукивания неистовых ритмов меренги или

²⁸ *Кукарачито* – паучок, или тараканчик (от *исп.* *cucaracha* – таракан).

²⁹ *Noesbueno* – не хорошо, не годится (*исп.*).

байона ³⁰, а в нормальном положении на ее дно сыпались пожертвования благодушной публики: монеты, жетоны, паке-тики жвачки и плевки.

Профейн спросонья хлопал глазами, наблюдая, как они с обезьяньими ужимками выплясывают по вагону и ходят колесом. Они раскачивались на ременных петлях и крутились на стояках; Толито швырял семилетнего Кука взад-вперед по салону, как мешок с бобами, полиритмически перестукиваясь с грохотом колес, а Хосе со скоростью, недоступной взору, ладонями и предплечьями без устали лупил по своему жестяному барабану, во все зубы сияя улыбкой, широкой, как Вест-Сайд.

Они оставили в покое свою жестянку, когда поезд подъезжал к Таймс-Сквер. Профейн закрыл глаза, прежде чем они добрались до него. Ребята уселись на скамье напротив и, болтая ногами, принялись подсчитывать выручку. Кук сидел в центре, двое других пытались спихнуть его на пол. В вагон вошли двое подростков постарше и расположились по соседству: черные *chinos* ³¹, черные рубашки и черные бандитские куртки. На спинах красные надписи с потеками краски: «ПЛЭЙБОИ». Трое мальчишек на сиденье внезапно замерли. Они прижались друг к другу и смотрели во все глаза.

Кук, совсем еще дитя, не умел сдерживаться. «Magicon!»

³⁰ *Меренга, байон* – латиноамериканские танцы.

³¹ *Chinos* – кудри (*исп.*).

³² – радостно завопил он. Профейн разлепил веки. Набойки на каблуках старших подростков мелькнули перед ним и в быстром стаккато понеслись в другой вагон. Толито положил ладонь на голову Кука и попытался вдавить его в пол с глаз долой. Кук вывернулся. Двери закрылись, поезд тронулся и снова поехал к Гранд-Сентрал. Внимание мальчишек переключилось на Профейна.

– Эй, мужик, – сказал Кук. Профейн сонно посмотрел на него.

– Куда едешь? – спросил Хосе. Затем рассеянно надел кофейную банку себе на голову, и она сползла ему на уши. – Ты почему не сошел на Таймс-Сквер?

– Он проспал, – объяснил Толито.

– Да нет, он просто йо-йо, – определил Хосе. – Подожди, сам увидишь.

На некоторое время они забыли о Профейне и двинулись по вагону, выполняя свою работу. Когда поезд в очередной раз отъехал от Гранд-Сентрал, они вернулись.

– Видал? – спросил Хосе.

– Эй, мужик, – сказал Кук. – Куда едешь?

– Он безработный, – предположил Хосе.

– А почему он не охотится на крокодилов, как мой брат? – поинтересовался Кук.

– Его брат лупит их из дробовика, – сказал Толито.

– Если тебе нечего делать, иди охотиться на аллигато-

³² *Maricon* – педераст (исп.).

ров, – посоветовал Хосе.

Профейн почесал живот, глядя в пол.

– Это что, постоянная работа? – спросил он. Поезд вполз на Таймс-Сквер, отрыгнул пассажиров, заглотал новых, захлопнул пасть и с визгом влетел в туннель. На параллельный путь подкатил очередной состав. Людские тела кружили в коричневатом свете, из динамика неслись объявления. Подошло время ленча. Станция загудела, полнясь шумом голосов и движением. Толпами шли туристы. Прибыл еще один поезд. Открылся, закрылся, уехал. Давка на деревянной платформе усиливалась; потянуло удушливыми запахами нужды, голода, болезненных прыщей. Первый шатл приехал обратно.

В этой спрессованной толпе находилась одетая в черный плащ девушка с распущенными волосами. Она осмотрела четыре вагона, прежде чем нашла Кука, который сидел рядом с Профейном и не отрывал от него глаз.

– Он хочет помогать Ангелу забивать аллигаторов, – сообщил Кук девушке.

Профейн спал, улегшись на сиденье по диагонали. Во сне, как и всегда, он был одинок. Гулял вечером по улице, где в поле зрения не было ничего живого, кроме него самого. На этой улице должна была быть ночь. Фонари слабо мерцали, отбрасывая блики на пожарные гидранты; асфальт усеивали крышки канализационных люков. Там и сям вспыхивали неоновые вывески, складываясь в слова, которые он не смог

припомнить, когда проснулся.

Каким-то образом это было связано с давней историей про мальчика, который родился с золотым винтиком вместо пупка. Двадцать лет он консультировался с докторами и специалистами всего мира, пытаясь избавиться от этого украшения, но безуспешно. Наконец он обратился к гаитянскому шаману культа вуду, который дал ему мерзко пахнущее зелье. Юноша выпил жидкость, заснул и увидел сон. Во сне он оказался на улице, освещенной зелеными лампами. Следуя указаниям колдуна, он пошел вперед, дважды свернул направо, один раз налево и возле седьмого фонаря обнаружил дерево, увешанное разноцветными шарами. На четвертой ветке сверху находился красный шар. Человек сбил шар и внутри нашел отвертку с желтой пластмассовой рукояткой. Этой отверткой он вывинтил винтик из живота и сразу после этого проснулся. Было утро. Он глянул на скважину пупка и увидел, что винтик исчез. Страдалец избавился от проклятия, тяготевшего над ним двадцать лет. Вне себя от радости, он соскочил с кровати – и тут же его жопа отвалилась.

Одинокому Профейну на улице всегда казалось, что он словно бы ищет подтверждения тому, что его тоже можно разобрать на части, как любую машину. В такие мгновения на него всегда нападал страх. Сейчас это обернулось кошмаром, так как Профейн, якобы продолжая идти по улице, чувствовал, что не только задница, но также руки, ноги, ноздреватый мозг и каждый удар его сердца остаются на замызган-

ном тротуаре, валяются среди бесчисленных канализационных люков.

Неужели улица, освещенная ртутными фонарями, – это его дом? Неужели он, подобно мамонту, вернулся на свое кладбище, чтобы улечься и превратиться в кучу слоновой кости, где в зачаточном состоянии угадываются очертания спящих шахматистов, неудачников, пустотелых развинчивающихся китайских шариков, помещаемых один в другой.

Больше ему ничего не снилось; только Улица. Вскоре Профейн проснулся, не найдя ни отвертки, ни ключа. Проснувшись, увидел перед собой лицо девушки. Кук стоял сзади, скрестив ноги и свесив голову. Через два вагона, перекрывая стук колес, доносился металлический грохот жестианки Толито.

Ее лицо было милым и юным. На щеке была коричневая родинка. Она заговорила с Профейном, прежде чем он открыл глаза. Она хотела, чтобы он пошел к ней домой. Ее звали Джозефина Мендоса, она была сестрой Кука и жила в городе. Она должна была ему помочь. Профейн понятия не имел, в чем дело.

– Чего, леди? – спрашивал он. – А?

– Тебе что, нравится здесь? – вскричала она.

– Нет, леди, – ответил Профейн. – Не нравится. Переполненный поезд остановился на Таймс-Сквер.

Две пожилые дамы, сделавшие покупки в «Блумингдэй-

ле»³³, враждебно глядели на них из глубины вагона. Фина заплакала. Толито и Хосе примчались назад, распевая во все горло.

– Помогите, – сказал Профейн, сам не зная кому. Он проснулся, полный желанием, полный любви ко всем женщинам города; в данный момент одна из них хотела отвести Профейна к себе домой. На Таймс-Сквер приполз следующий поезд, двери распахнулись. Профейн, повинувшись порыву, схватил Кука в охапку и, с трудом соображая, что делает, ринулся к выходу. Фина, схватив за руки Толито и Хосе, бросилась следом; каждый раз, когда ее черный плащ распахивался, с зеленого платья украдкой смотрели тропические птицы. Они бежали через станцию под чередой зеленых ламп; Профейн неуклюже скакал через урны и налетал на автоматы кока-колы. Кук вырвался и зигзагами помчался сквозь толпу, издавая клич «Луис Апарисио!»³⁴ – восклицание, принятое в их домашнем кругу; «Луис Апарисио!» поверг в смятение группу герл-скаутов. Внизу, у платформы,

³³ «Блумингдэйл» – один из крупнейших универсальных магазинов Нью-Йорка, основан в 1872 г. Дж. и Л. Блумингдэйлами. Первоначально славился отделом товаров по сниженным ценам, а к началу 1960-х гг. стал символом элегантности и роскоши.

³⁴ *Луис Апарисио* (р. 1934) – знаменитый бейсболист, выступавший за команду «Чикаго Уайт Соке». Родился в Венесуэле. Дебютировал в 1956 г. (Странно, что в январе 1956-го о нем уже известно какому-то нью-йоркскому сопляку.) В 1959 г. владелец команды Билл Вик устроил представление, во время которого миниатюрного Апарисио и его партнершу Нелли Фокс похищала группа карликов-марсиан, приземлявшихся на вертолете в чикагском парке Комиски.

стояла пригородная электричка. Фина и дети вскочили в нее. Когда входил Профейн, двери закрылись, и его зажало посередине. Глаза Фины открылись так же широко, как у ее брата. Испуганно вскрикнув, она схватила Профейна за руку, дернула изо всех сил – к произошло чудо. Двери вновь раздвинулись. Она втащила Профейна внутрь, иод прикрытие своего силового поля. Ему сразу стало ясно: здесь увалень Профейн всегда сможет двигаться легко и уверенно. Всю дорогу домой Кук распевал «Tienes Mi Corazon»³⁵, любовную песню, которую он слышал в каком-то фильме.

Они жили на 80-й улице, между Амстердам-авеню и Бродвеем. Фина, Кук, отец с матерью и еще один ее брат по имени Ангел. Иногда приходил приятель

Ангела – Джеронимо и оставался спать на полу в кухне. Отец семейства сидел на пособии. Мать немедленно влюбилась в Профейна. Его поселили в ванне.

Там его, спящего, нашел на следующий день Кук и пустил холодную воду. «Иисусе Христе!» – возопил разбуженный Профейн, брызжа во все стороны.

– Мужик, ты идешь искать работу, – объявил Кук. – Так Фина сказала.

Профейн выпрыгнул из ванны и через крохотную квартиру погнался за Куком, оставляя на полу мокрые следы. В передней он споткнулся и кубарем полетел через Ангела и Джеронимо, которые, лежа на полу, потягивали вино и об-

³⁵ «TienesMiCorazon» – «Сердце мое» (исп.).

суждали девочек, которых видели в Риверсайд-парке. Кук убежал, хохоча и выкрикивая: «Луис Апарисио!» Профейн лежал, прижавшись носом к полу.

– Выпей винца, – предложил Ангел.

Через несколько часов они, шатаясь, спускались по старой лестнице, вдребезги пьяные. Ангел и Джеронимо спорили, не слишком ли холодно сегодня для девочек в парке. Они направились на запад, двигаясь по середине улицы. Небо было облачным и хмурым. Профейн наткнулся на стоящие машины. На углу они заглянули в лавку, где давали горячие сосиски, и выпили *pifia colada*, чтобы протрезветь, но стало только хуже. На Риверсайд-драйв Джеронимо ослаб и упал. Профейн и Ангел подняли его и потащили, как дохлого барана, через дорогу к парку. Там Профейн споткнулся о камень, и все трое рухнули на землю. Они лежали на подмерзшей траве, а рядом с ними дети в толстых шерстяных свитерах носились взад и вперед, перебрасывая друг другу яркую консервную банку. Джеронимо запел.

– Старик, – сказал Ангел, – вот одна.

Она прогуливалась грязного пуделя с удивительно мерзкой мордой. Юная, с длинными блестящими волосами, выпущенными поверх воротника плаща. Джеронимо прервал песню, произнес *sono*³⁶ и прищелкнул пальцами. Зак-м продолжил петь, обращаясь уже к ней. Она не обратила на них ни калейшоо внимания и направилась в центр, безмятежно улы-

³⁶ *Sono* - то же, что по-английски «cunt» (*исч.*).

баясь голым деревьям. Они провожали ее глазами, пока она не скрылась из виду. Погрустнели. Ангел вздохнул.

– Их так много, – сказал он. – Миллионы и миллионы девочек. И здесь, в Нью-Йорке, и в Бостоне, где я разок побывал, и в тысячах других городов... Я от них башку теряю.

– И в Джерси тоже, – заметил Профейн. – Я работал в Джерси.

– В Джерси полно путевой работы, – согласился Ангел.

– На дороге, – сказал Профейн, – Они все были в машинах.

– Мы с Джеронимо работаем в канализации, – сообщил Ангел. – Под улицей. Там вообще ничего не видно.

– Под улицей, – сказал Профейн и повторил через минуту:

– Под Улицей.

Джеронимо перестал петь и растолковат Профейну, о чем речь. Помнишь тех маленьких аллигаторов? В прошлом или позапрошлом году дети всего Нового Йорка покупали этих крокодильчиков в качестве домашних животных. В «Мэйси»³⁷ они стоили по пятьдесят центов штука, и, похоже, каждый малыш хоть одного да купил. Но вскоре крокодильчики деткам наскучили. Некоторые выбросили их на улицу, а большинство спустило в унитаз. Крокодильчики выросли, размножились, питаюсь крысами и отбросами, превратились в

³⁷ «Мэйси» – американская сеть универсальных магазинов. В Нью-Йорке универмаг «Мэйси» занимает целый квартал между 34-й и 35-й улицами, Седьмой авеню и Бродвеем.

здоровенных слепых аллигаторов-альбиносов и расползлись по всей канализационной сети. Один Бог знает, сколько их там внизу. Некоторые стали каннибалами, так как все крысы по соседству либо были съедены, либо бежали в ужасе.

После прошлогоднего канализационного скандала муниципалитет принял решение. Был объявлен набор добровольцев, которые спустятся вниз и истребят крокодилов. Завербовались не многие. Да и те вскоре бросили это дело. Ангел и я, гордо сказал Джеронимо, держимся уже на три месяца дольше других.

Профейн неожиданно протрезвел.

– Они все еще ищут добровольцев? – медленно произнес он. Ангел запел. Профейн перекатился на бок и взглянул на Джеронимо. – Эй?

– Само собой, – ответил Джеронимо. – Ты когда-нибудь стрелял из ружья?

Профейн сказал «да». На самом деле не стрелял и не собирався, по крайней мере на улице. Но под улицей – под Улицей – ружье, возможно, пригодится. Может, Профейну случится убить себя, а может, все обойдется. Надо попробовать.

– Я поговорю с нашим боссом, мистером Цайтсу-сом, – сказал Джеронимо.

Жестянка, ярко и радостно сверкая, на секунду зависла в воздухе.

– Гляди, гляди, – завопили дети, – сейчас шлепнется!

Глава вторая

Вся Шальная Братва

I

Около полудня Профейн, Ангел и Джеронимо, отчаявшись подцепить девочек, покинули парк и отправились на поиски вина. Часом позже мимо того места, где они торчали, прошла Рэйчел Оулгласс, Рэйчел Профейна, которая направлялась домой.

Невозможно описать, как она шла, разве что назвать ее походку порывом страсти и отваги: Рэйчел брела так, словно спешила на свидание с любовником, пробираясь через снежные заносы в рост человека. Она достигла мертвой точки торговой зоны, ее серое пальто слегка трепетало от бриза с побережья Джерси. Высокие каблуки туфель безошибочно попадали точно в перекрестия решетки в середине прохода. По крайней мере этому она научилась за те полгода, что жила в Нью-Йорке. Не раз она теряла каблуки, а порой и самообладание, но зато теперь могла идти, не глядя под ноги. Она специально шла по решетке, чтобы покрасоваться. По крайней мере перед собой.

Рэйчел работала в агентстве по трудоустройству в цен-

тре города. В данный момент она возвращалась из Ист-Сайда, где встречалась с неким Шейлом Шенмэйкером, доктором медицины, специалистом по пластическим операциям. Шенмэйкер был мастером своего дела и достиг известных высот. У него было два ассистента и одна секретарша/регистраторша/медсестра с невероятно курносым носиком и множеством веснушек – все это было делом рук Шенмэйкера. Веснушки были вытатуированы, а сама девушка была его любовницей, и звали ее – в силу какой-то ассоциативной причуды – Ирвинг. Одним из ассистентов был малолетний преступник по имени Тренч, который на глазах у пациентов забавлялся метанием скальпелей в деревянную тарелку, подаренную его работодателю Объединенным еврейским комитетом. Клиника размещалась в лабиринте апартаментов фешенебельного многоквартирного дома между Первой и Йорк-авеню, на окраине немецкого квартала. В соответствии с этим местоположением в клинике через скрытые динамики постоянно гремела музыка пивных баров.

Рэйчел пришла на прием в десять утра. Ирвинг велела ей подождать, и она ждала. У доктора выдалось напряженное утро. В клинике полно народа, решила Рэйчел, потому что прооперированный нос заживает четыре месяца. Через четыре месяца будет июнь, а значит, множество еврейских девушек, которые, по их мнению, вполне были годны для замужества, если бы не уродство их носов, смогут отправиться на всевозможные курорты и начать охоту на мужей, заполу-

чив носовые перегородки единого образца.

Рэйчел все это казалось омерзительным; она считала, что девушки шли на операцию не столько из косметических соображений, сколько из-за того, что нос с горбинкой традиционно считался знаком принадлежности к еврейской национальности, а курносые носы – знаком принадлежности к БАСП, то есть Белым Англосаксонским Протестантам из мира кино и рекламы.

Она сидела, наблюдая за пациентами, проходившими по холлу, и не испытывала особого желания увидеться с Шенмэйкером. Какой-то юнец с жиденькой бородачкой, едва прикрывавшей его слабый подборок, время от времени бросал на нее озадаченно влажные взгляды через широкую полосу ковра неопределенного цвета. На кушетке, закрыв глаза, неловко лежала девушка с марлевой повязкой на носу, по бокам расположились ее родители, которые шепотом обсуждали цены.

Прямо напротив Рэйчел высоко на стене висело зеркало, а под ним полочка, на которой стояли часы рубежа веков. Двойной циферблат был вознесен на четырех золоченых опорах над сложным механизмом, заключенным в прозрачный корпус из шведского хрусталя. Маятник не раскачивался из стороны в сторону – он был сделан в форме диска, расположенного параллельно полу, и приводился в движение валом, стоящим ровно на шесть. Диск поворачивался на четверть оборота сначала в одну, потом в другую сторону,

и при каждом обратном вращении вала храповик сдвигался на один зубец. На диске было два позолоченных то ли чертенка, то ли бесенка в причудливых позах. В зеркале отражались их движения, а также расположенное позади Рэйчел окно высотой от пола до потолка, через которое были видны ветви и хвоя сосны. Ветви безостановочно раскачивались на февральском ветру, поблескивая влагой, и на их фоне бесенята исполняли ритмичный танец под аккомпанемент золотых колесиков и шестеренок, рычажков и пружинок, сиявших теплым светом, как канделябры в бальном зале.

Рэйчел смотрела в зеркало под углом в 45° и поэтому видела оба циферблата: один, повернутый к ней, и второй, с противоположной стороны, отраженный в зеркале. Так что обычное время и время обратное сосуществовали здесь, напроць отменяя друг друга. Много ли было в мире таких точек отсчета? Или они имелись только в местах вроде этой комнаты, временные обитатели которой принадлежали к разряду людей несовершенных и недовольных собой? Если реальное время, сложенное с виртуальным или зеркальным, в результате дает нуль, предполагает ли это некую малопонятную моральную цель? А может, значение имеет только зеркальный мир, только обещание того, что вогнутая переносица или дополнительный выступ хряща на подбородке знаменует конец всем бедам, когда мир преображенных будет жить по зеркальному времени, а любовь и работа в зеркальном свете будут всего лишь танцем бесенят под вековыми канделябрами,

пока смерть тихонько, как угасание дрожащих отблесков, не прервет биение сердец (удары метронома)...

– Мисс Оулгласс, – улыбнулась Ирвинг, появившись у входа в ризницу Шенмэйкера. Рэйчел встала, взяла сумочку, прошла мимо зеркала, поймав взгляд своего двойника из Зазеркалья, и переступила через порог навстречу доктору, который с враждебным и ленивым видом сидел за письменным столом в форме почек. Перед ним на столе лежал счет и листок копирки.

– Это счет мисс Харвитц, – сказал Шенмэйкер. Рэйчел открыла сумочку, вынула пачку двадцаток и бросила ее на бумагу.

– Пересчитайте, – предложила она. – Это остаток.

– Потом, – сказал доктор. – Присядьте, мисс Оулгласс.

– Эстер на мели, – сказала Рэйчел, – и ей чертовски трудно. А вы здесь занимаетесь...

– ... грабежом среди бела дня, – сухо подытожил Шенмэйкер. – Сигарету?

– У меня свои.

Рэйчел села на краешек стула, поправила пару прядей, упавших на лоб, и искала сигарету.

– Делаю деньги на человеческом тщеславии, – продолжил Шенмэйкер, – способствую распространению ложного убеждения, что красота находится не в душе, что ее можно купить. – Он мгновенно взметнул руку с массивной серебряной зажигалкой и пролаял: – Да, красоту можно купить, мисс

Оулгласс, именно ее я и продаю. И отнюдь не считаю себя необходимым злом.

– В вас нет необходимости, – произнесла Рэйчел, скрывшись за облаком дыма. Глаза ее блеснули, как два зуба пилы. – Вы способствуете этой торговле, – добавила она.

Глядя на чувственный изгиб ее носа, он спросил:

– Вы правоверны? Нет. Консервативны? ³⁸ Впрочем, молодежи это несвойственно. Мои родители были правоверными евреями. Насколько я могу судить, они верили, что неважно, кто ваш отец; коль скоро ваша мать еврейка, вы тоже будете евреем, поскольку все мы появляемся на свет из материнской утробы. Непрерывная цепь еврейских матерей, тянущаяся от Евы.

Она посмотрела на него «лицемерно».

– Нет, – сказал он, – Ева была первой матерью-еврейкой, от нее все и пошло. Слова, сказанные ею Адаму, с тех пор повторяют все еврейские девушки: «Адам, – сказала она, – иди сюда, попробуй этот плод».

– Ха-ха, – сказала Рэйчел.

– Что до этой неразрывной цепи и унаследованных качеств, то мы от этого далеки. С годами мы утратили простодушие, мы больше не верим, что Земля плоская. Хотя в Ан-

³⁸ Имеются в виду течения в иудаизме – правоверный (ортодоксальный) иудаизм и во многом наследующий ему консервативный иудаизм настаивают на соблюдении законов Торы – в отличие от реформистского, считающего главным в иудаизме веру в единого Бога и отвергающего большинство традиционных ритуалов и запретов.

глии есть Общество Плоской Земли, и его президент утверждает, что земля окружена ледяным барьером, за которым лежит застывший мир, где люди исчезают навсегда. Или, скажем, по мнению Ламарка, если мыши отрезать хвост, то и ее потомство будет бесхвостым. Но ведь это не так – наука опровергает его, равно как и сделанные со спутника снимки Уайт-Сэндс или Мыса Канаверал ³⁹ опровергают точку зрения членов Общества Плоской Земли. Что бы я ни сделал с носом любой еврейской девушки, ничто не изменит форму носа ее детей, когда она станет, как и положено, еврейской матерью. Так что разве я творю зло? Разве я нарушаю великую неразрывную цепь? Нет. Я не иду против природы и не предаю еврейский народ. Отдельные евреи могут делать все что угодно, но эта цепь продолжается, и никогда слабых сил таких, как я, не хватит, чтобы порвать ее. Это можно сделать, только изменив зародышевую плазму, скажем, с помощью радиации. Тот, кто добьется этого, и станет предателем еврейского народа, быть может сделав их потомков двуносыми или вообще безносыми. Как знать, ха-ха. Они предадут все человечество.

Из-за двери доносились звуки ножеметательных упражне-

³⁹ *Уайт-Сэндс* (Белые Пески) – ракетный полигон, расположен между городами Аламогордо и Лас-Крусес на юге штата Нью-Мексико. В Белых Песках в июле 1945 г. было проведено первое ядерное испытание, а затем – испытания ракет большой дальности. *Мыс Канаверал* – место расположения Восточного испытательного полигона и космического центра им. Кеннеди; находится на востоке полуострова Флорида.

ний Тренча. Рэйчел сидела, плотно закинув ногу на ногу.

– Внутренне, – сказала она, – как влияет на них операция? Вы изменяете их и внутренне. Какими еврейскими матерями они станут? Такими, которые заставят дочь изменить нос, даже если она этого не хочет? Сколько поколений вы уже прооперировали, скольких людей обманули, разыгрывая доброго семейного доктора?

– А вы злая девушка, – сказал Шенмэйкер, – и к тому же симпатичная. Зачем на меня орать? Я всего лишь занимаюсь пластической хирургией. Я не психоаналитик. Возможно, когда-нибудь появятся хирурги, которые смогут делать операции на мозге, смогут сделать из мальчика Эйнштейна, а из девочки – Элеонору Рузвельт. Или даже сделают людей не такими злыми. А так, откуда мне знать, что происходит у них внутри. Это не имеет никакого отношения к великой цепи.

– Вы начали новую цепь. – Рэйчел старалась не кричать. – Вы изменяете их внутри и тем самым создаете новую цепь, которая не имеет никакого отношения к зародышевой плазме. Вы также можете изменить их снаружи. Вы можете передать иное отношение...

– Внутри, снаружи, – сказал он. – Вы непоследовательны и к тому же не слышите меня.

– И не хочу, – сказала она, вставая. – Таких, как вы, я вижу в кошмарных снах.

– Пусть ваш психоаналитик растолкует вам, что они зна-

чат, – сказал он.

– Надеюсь, вы живете в мире снов. – Она задержалась у двери, повернувшись вполоборота к нему.

– У меня достаточно приличный счет в банке, чтобы жить в мире иллюзий, – сказал он.

Будучи девушкой, которая не может удержаться от искушения оставить последнее слово за собой, Рэйчел сказала:

– Я слышала об одном хирурге, который повесился, утратив все иллюзии.

Пройдя мимо зеркальных часов, она вышла навстречу ветру, колыхавшему сосну, оставив позади мягкие подбородки, выпрямленные носы и шрамы, появившиеся на лицах в результате, как она опасалась, некоего взаимоотношения или единения людей.

И вот, миновав решетку, Рэйчел шагала по мертвой траве через парк на Риверсайд, под голыми деревьями на фоне массивных скелетов многоквартирных домов, размышляя об Эстер Харвитц, своей подруге, с которой она давно делила квартиру и которую выручила из большею количества финансовых передряг, чем они обе могли бы вспомнить. У нее на пути оказалась ржавая жестянки из-под пива, и она злобно пнула ее ногой. «Что же это такое? – думала она. – Неужели Нью-Йорк создан для мошенников и жертв? Шенмэйкер обирает мою подругу, а она обирает меня. Неужели и правда существует бесконечная цепь мучителей и жертв, обманщиков и обманутых? И если да, то кого обманываю я?» Пер-

вым, кто пришел ей на ум, был Слэб, Слэб из триумвирата Рауль – Слэб – Мэлвин – между этой троицей и презрением к мужчинам она постоянно металась с тех пор, как приехала в этот город.

– Почему ты все время даешь ей деньги? – спросил он. – Всегда даешь.

Это было в его студии, вспомнила она, во время очередной идиллии Рэйчел – Слэб, вслед за которой, как правило, начинался очередной роман Слэб – Эстер. «Кон Эдисон»⁴⁰ отключил электричество, и они могли видеть друг яруга только при свете единственной газовой горелки на плите, пламя которой вздымалось голубовато-желтым минаретом, превращая лица в маски, а глаза – в пустые блики.

– Дружок, – сказала она, – Слэб, деле в том, – по малышка сидит без гроша, так почему бы мне не помочь ей, если я могу себе это позволить.

– Нет, – сказал Слэб, по его щеке взметнулся нервный тик – впрочем, возможно, это был всего лишь отблеск газового света. – Нет. Думаешь, я не понимаю, в чем дело? Ты нужна ей из-за денег, которые она без конца из тебя тянет, а тебе она нужна для того, чтобы чувствовать себя матерью. Каждый гривенник, полученный ею от твоих щедрот, добавляет новую нить в канат, который связывает вас обоих, как пуповина, и чем дальше, тем труднее его перерезать и тем про-

⁴⁰ «Кон Эдисон» – компания, в течение последних ста лет снабжающая газом и электричеством Нью-Йорк.

блематичнее становится ее выживание в случае, если эта пу-
повина все же будет перерезана. Сколько она тебе вернула?

– Она вернет, – сказала Рэйчел.

– Конечно. Теперь еще восемьсот долларов. Чтобы изме-
нить это. – Он показал рукой на небольшой портрет, присло-
ненный к стене возле мусорного ведра. Изогнувшись, он под-
нял его и повернул к синему пламени так, чтобы они оба мог-
ли его разглядеть. – «Девушка на вечеринке». – Картина, ве-
роятно, была предназначена для созерцания только при си-
нем свете. На ней была изображена Эстер, которая, присло-
нившись к стене, глядела прямо с полотна на приближающе-
го к ней человека. Главное в ней было выражение глаз –
наполовину жертвы, наполовину хозяина положения.

– Вот, посмотри на нос, – сказал Слэб. – Зачем ей пона-
добилось его изменять? С таким носом она похожа на чело-
века.

– Это всего лишь прихоть художника, – сказала Рэйчел. –
Ты возражаешь с эстетических или социальных позиций.
Только и всего.

– Рэйчел, – крикнул он, – она получает 50 в неделю, 25
платит психоаналитику, 12 за квартиру, и остается 13. На
что? На туфли с высокими каблуками, которые она ломает
о решетки метро, на губную помаду, серьги, одежду. Иногда
на еду. А ты даешь ей 800 на пластическую операцию. Что
за этим последует? «Мерседес-бенц» 300-SL? Картина Пи-
кассо, аборт, так?

– Она как раз вовремя успела, – холодно заметила Рэйчел, – если тебя это так уж беспокоит.

– Детка, – вдруг как-то ребячески задумчиво улыбнулся он, – ты добрая женщина, представительница вымирающей расы. Конечно, ты должна помогать менее удачливым. Но ты уже достигла предела.

Обсуждение вяло тянулось еще какое-то время, не выводя из себя ни ту, ни другую сторону, и к трем часам утра подошло к неизбежному финалу – постели, где они любовными ласками пытались приглушить накопившуюся головную боль. Ничего так и не было решено; как всегда – ничего. Это было еще в сентябре. Марлевая повязка была снята, и нос Эстер теперь горделивым серпом изгибался вверх, казалось, указуя на север в направлении Вестчестера⁴¹ на небо, где рано или поздно оказываются все избранники Божьи.

Выйдя из парка, Рэйчел пошла по 112-й улице в сторону от Гудзона. Мучители и жертвы. На этом основании, возможно, и покоился остров – от канализационных труб до антенн на крыше Эмпайр Стейт Билдинг⁴².

Она вошла в подъезд, улыбнувшись древнему привратнику, проехала семь этажей на лифте и очутилась перед квартирой 7-Джи, своим домом, ха-ха. Первое, что она увидела через открытую дверь, была приколотая к стене кухни за-

⁴¹ *Вестчестер* – округ на восточном берегу Гудзона, к северу от Нью-Йорка.

⁴² *Эмпайр Стейт Билдинг* – знаменитый 102-этажный небоскреб в Нью-Йорке на Пятой авеню, построенный в 1930 – 1931 гг.

писка со словом «ВЕЧЕРИНКА» в окружении нарисованных карандашом карикатур на Всю Шальную Братву. Она бросила сумочку на кухонный стол, закрыла дверь. Работа Паолы. Паолы Мейстраль, третьей обитательницы квартиры. Она оставила записку также и на столе. «Уинсом, Харизма, Фу и я. "Нота V" ⁴³, МакКлинтик Сфера. Паола Мейстраль». Сплошные имена собственные. Девушка жила в мире имен собственных. Имена людей, названия мест. Никаких нарицательных. Неужели никто не говорил ей о предметах? Похоже, самой Рэйчел приходилось иметь дело только с предметами, главным из которых в данный момент был нос Эстер.

Стоя под душем, Рэйчел пела сентиментальную песенку голосом разбитной бабенки, усиленным кафельными стенами. Она знала, что многим нравилась эта песенка, поскольку ее пела такая крошка:

*От мужиков нам проку нет,
Они лишь шляются по бабам,
Бордель для них – весь белый свет,
Блудить они повсюду рады.
Для них все средства хороши,
Они в постель нас тащат рьяно,
Но нас не купишь за гроши,*

⁴³ «Нота V» – название этого клуба, помимо аллюзий на V., отсылает к двум известным джазовым клубам, находящимся в богемной части Манхэттсена, Гринвич-Виллидж, – «Half Note*» и (поскольку V означает также римское „пять“) „Five Spot“.

*Уж я-то им не по карману,
Меня так просто не обманут.
Мужчину верною найти
Не так-то просто. На пути
Стеной препоны дружно встанут.
Хороший муж, как ни крути, –
Дивиться я не перестану...*

Тем временем через окно в комнате Паолы потек свет, устремляясь в небо по вентиляционной шахте под аккомпанемент бутылочного перезвона, журчания воды по трубам и клокотанья унитаза. И затем в наступившей тишине слышались лишь едва уловимые звуки, доносившиеся из комнаты, где Рэйчел причесывала свои длинные волосы.

Когда Паола Мейстраль ушла, повсюду выключив за собой свет, светящиеся стрелки часов возле ее кровати показывали почти шесть. Часы были электрические и поэтому не тикали. Движение минутной стрелки было совсем незаметным. Но вскоре стрелка миновала двенадцатичасовую отметку и начала путь вниз по правой стороне циферблата – словно она, проникнув сквозь поверхность зеркала, должна была повторить в зеркальном времени путь, пройденный по стороне реального времени.

II

Наконец вечеринка, будто неодушевленный предмет, раскрутилась, как часовая пружина, по углам шоколадной комнаты в поисках ослабления напряжения и установления равновесия. Почти в центре комнаты на деревянном полу скрючилась Рэйчел Оулгласс, бледно сияя ногами сквозь черные чулки.

Казалось, тысячи косметических ухищрений сделали ее глаза непостижимо-загадочными. Им не требовалась завеса сигаретного дыма, чтобы призывно и сексуально глядеть на вас, поскольку ее взгляд был сам по себе как бы окутан дымкой. Должно быть, Нью-Йорк был для нее городом дыма, где улицы были преддвериями ада, а люди походили на призраков. Казалось, дым пропитывал ее голос и движения, делая ее более реальной и земной, словно слова, взгляды и легкие непристойности лишь мешали и дымно путались в ее длинных волосах, где бесцельно блуждали, пока она мимоходом не избавлялась от них, потряхнув головой.

Моложавый искатель приключений Стене ил сидел в кухонной раковине, поводя лопатками, как крыльями. Перед ним была спина Рэйчел. Через дверь кухни он видел тень ее позвоночника, змеившуюся на фоне черного свитера; наблюдал, как она слушала собеседника, следил за движениями головы и волос.

Я ей не нравлюсь, решил Стенсил.

– Он точно так же смотрит на Паолу, – как-то сказала она Эстер. Эстер, само собой, передала Стенсилу.

Но дело было не в сексе. Это лежало глубже. Паола была с Мальты.

Стенсил, родившийся в 1901-м, в год смерти королевы Виктории, успел стать ребенком своего века. Рос без матери. Отец, Сидней Стенсил, молчаливо и компетентно служил стране в Министерстве иностранных дел. Никаких фактов об исчезновении матери. Умерла родами, сбежала с другим, покончила с собой – некоторые причины могли быть достаточно болезненны, чтобы удержать Сиднея даже от упоминания о них в той корреспонденции, которая была доступна его сыну. В 1919-м отец умер при невыясненных обстоятельствах, расследуя Июньскую Заварушку на Мальте ⁴⁴.

Однажды вечером 1946 года его сын, отделенный от Средиземного моря каменной балюстрадой, сидел с Маргравинди Чаве Лоуэнстайн на террасе ее виллы на западном берегу Майорки. Солнце, просвечивающее сквозь густые облака, превращало всю морскую гладь в жемчужно-серый лист. Возможно, они чувствовали себя двумя последними божеествами – последними обитателями затопленной земли; а может... Впрочем, чего там гадать. Так или иначе, разыгрывалась следующая сцена:

МАРГ: Итак, ты уезжаешь.

⁴⁴ Подробнее об этом в других главах.

СТЕН: Стенсил должен быть в Люцерне до конца недели.

МАРГ: Терпеть не могу военных приготовлений.

СТЕН: Это ведь не шпионаж.

МАРГ: А что тогда?

(Стенсил смеется, глядя в сумерки.)

МАРГ: Ты так близко.

СТЕН: К кому? Далек даже от себя, Маргравин. Терраса, остров – всю жизнь он только и делал, что скакал с острова на остров. Зачем? А разве должна быть причина? Вот что он тебе скажет: он не работает ни на один из мыслимых белых залов Уайтхолла, кроме как – ха-ха – на сеть белых залов своего мозга; на эти беспорядочные коридоры, которые он подметает и обустроивает для редких посетителей. Для агентов из зон страдания распятых и из легендарных районов людской любви. Но кто наниматель? Только не он; должно быть, это безумие, умопомрачение самозваного пророка...

(Долгая пауза, во время которой свет прорывается сквозь облака, падает на их лица и, слабея, омывает их, уродуя и лишая сил.)

СТЕН: Через три года после смерти старого Стенсила Стенсил достиг совершеннолетия. Часть доставшегося ему наследства составляли толстые рукописные тетради, переплетенные в телячью кожу и покоробленные влажным воздухом множества европейских городов. Дневники, протоколы, неофициальный послужной список агента. В гроссбухе «Флоренция, апрель 1899» молодому Стенсилу запомнилось

одно место: «Внутри и позади V. кроется больше, чем подзревает кто-либо из нас. Имя не играет роли, но что она за человек? Даст Бог, мне не придется давать ответ ни здесь, ни в официальном отчете».

МАРГ: Женщина.

СТЕН: Другая женщина.

МАРГ: Так это за ней ты гоняешься? Ее ищешь?

СТЕН: Дальше ты спросишь, не думает ли он, что это его мать. Дурацкий вопрос.

Начиная с 1945 года Герберт Стенсил повел осознанную борьбу со сном. До 1945-го он был ленив и принимал сон как одно из величайших благодеяний Господних. Он беспечно провел время между двумя войнами, причем источники его доходов были тогда так же туманны, как и сейчас. В смысле фунтов и шиллингов Сидней оставил не много, но он пробудил добрую волю среди своего поколения едва ли не в каждом городе западного мира. Это поколение все еще верило в Семью, что было добрым предзнаменованием для молодого Герберта. Ему не приходилось все время бить баклуши. Он работал крупье на юге Франции, надсмотрщиком на плантации в Восточной Африке, управляющим борделем в Греции и по возвращении домой вкалывал на нескольких административных должностях. Падение доходов он компенсировал удачной игрой в покер, хотя, поднявшись пару раз к вершинам благосостояния, вновь скатывался вниз.

Период междоусобия и развала гибнущих королевств

Герберт провел, изучая папашины тетради – всего лишь затем, чтобы выяснить, как извлечь выгоду из кровнородственных «связей» своего наследства. Пассаж о V. оставался незамеченным.

В 1939-м он обитал в Лондоне, работал в Министерстве иностранных дел. Сентябрь пришел и ушел, встряхнув Герберта, словно неведомый странник, стоящий выше границ сознания. Он не особенно стремился проснуться, но понял, что иначе скоро будет спать один. Будучи животным общественным, Герберт записался добровольцем. Его послали в Северную Африку со смутно определенными полномочиями шпиона/переводчика/связника, и далее он мотался из Тобрука в Эль-Агейлу, назад через Тобрук в Эль-Аламейн и снова через Тобрук в Тунис. К концу всего этого он был сыт смертями по самое горло. В момент подписания мира он заигрывал с мыслью возобновить сонное довоенное существование. В Орне, сидя в кафе, завсегдатаями которого были главным образом бывшие американские рядовые, решившие пока не возвращаться в Штаты, он бесцельно листал Флорентийскую тетрадь, как вдруг перед ним засияли строки, где упоминалась V.

– V. значит виктория, – шутливо предположила Маргрэвин.

– Нет. – Стенсил покачал головой. – Скорее, Стенсил был одинок и нуждался в общении.

Как бы то ни было, он вдруг открыл, что сон отнимает

время, которое можно провести бодрствуя. Вялые предвоенные перемещения привели к единому мощному прорыву от инертности – если не к жизненности, то по крайней мере к активности. Работа и погоня (поскольку он таки охотился за V.) шли не во славу Господа и не ради собственного благочестия (как полагают пуритане) и потому были для Стенсила мрачны и безрадостны. Он выслеживал V. лишь ради нее самой и занимался этим с осознанным отвращением.

Найти ее – и что дальше? Сейчас вся любовь Стенсила целиком ушла внутрь и обратилась к зарождающемуся ощущению оживания. Поймав это ощущение, он бы вряд ли сумел от него освободиться; оно было ему слишком дорого. Чтобы его поддерживать, надо было искать V., но стоит ее найти – и придется возвращаться в полусонное состояние, так как больше идти некуда. Поэтому Стенсил старался не думать об исходе поисков. Лишь приблизиться и отойти.

Здесь, в Нью-Йорке, Стенсил остро почувствовал тупик. Он пошел на вечеринку, куда его пригласила Эстер

Харвитц, потому что ее хирург Шенмэйкер обладал важной частью V.-мозаики, но по неведению это отрицал.

Стенсил ждал. В районе 30-х улиц (Ист-Сайд) он снял дешевую мебелирашку, временно освобожденную египтологом по фамилии Бонго-Шафтсбери, сыном другого египтолога, с которым был знаком Сидней. Они как-то столкнулись перед войной, и для Герберта, как и ранее для Сиднея, это был один из многих «контактов», – случайных, конечно, но удач-

ных, поскольку они удваивали шансы на пробуждение к жизни. Весь прошлый месяц Герберт пользовался этой *pied-a-terre*⁴⁵, урывая время для сна между визитами других «связей», которые все множились и включали в себя сыновей и друзей обоих отцов. С каждым посещением чувство кровного родства слабело. Стенсил уже видел день, когда его станут просто терпеть. И тогда он и V. останутся одни в мире, который как-то потерял их из виду.

А пока он ждал Шенмэйкера, оружейный король Чиклиц и врач Эйгенвэлю (характерные фамилии, выплывшие во времена Сиднея, хотя Сидней лично не знал их обладателей) заполняли собой время. Это раздражало, наступил момент застоя, и Стенсил это понимал. Ждать целый месяц, пока подвернется что-нибудь стоящее для дальнейших поисков, – слишком долгий срок для любого города. Он бесцельно блуждал по Нью-Йорку, полагаясь на случай. Ничего и никого. Поэтому он ухватился за приглашение Эстер, надеясь обнаружить хоть какую-нибудь улику, след, намек. Но Вся Шальная Братва ничего не могла предложить.

Общее умонастроение наиболее ярко выражал хозяин квартиры. Он являл собой нечто вроде предвоенного «я» Стенсила, и потому Стенсилу было жутко на него смотреть.

Фергус Миксолидиец, ирландско-американский еврей, претендовал на звание самого ленивого существа в Новом Йорке. Его вечно не завершающиеся творческие потуги про-

⁴⁵ *Pied-u-terre* – временная квартира (фр.)

стирались от сценария вестерна белыми стихами до перегородки, которую он утащил из мужского туалета на Пенн-Стейшн и приволок в художественную галерею в качестве того, что старые дадаисты называли «готовым произведением». Критика была довольно резкой. Фергус был настолько ленив, что за исключением естественных потребностей проявляю! активность лишь раз в неделю, колдуя над кухонной раковиной с колбами, ретортами, гальваническими батареями и солевыми растворами. Так он производил водород, которым затем наполнял здоровенный воздушный шар с нарисованной на нем громадной буквой Z. Шар привязывался веревкой к ножке кровати всякий раз, когда Фергус собирался лечь спать. Для гостей это был единственный способ узнать, на каком уровне вменяемости он находится.

Другим его развлечением стал телевизор. Он придумал оригинальное устройство, получавшее сигнал от двух электродов, которые крепились на внутренней стороне предплечья. Когда Фергус проваливался ниже определенного порога сознательного бытия, то сопротивление кожи превышало заранее установленный уровень, и выключатель срабатывал. Фергус, таким образом, становился приставкой к телевизору.

Остальная Братва пребывала в таком же полунетаргическом состоянии. Рауль пописывал для телевидения, горько жалуясь на необходимость всегда помнить, что в этой индустрии главным фетишем является спонсор. Слэб спора-

дически раздражался живописными полотнами, называя себя кататоническим экспрессионистом, а свои работы – «последним словом некоммуникабельности». Мелвин брэнчал на гитаре и распевал вольнолюбивые фольклорные песенки. То есть образец известен – богема, творцы, художники – только еще более далек от реальности. Романтизм в крайней степени декаданса; лишь вымученное изображение нищеты, бунтарства и артистической «души», поскольку большинство из них трудились ради денег и находили темы для бесед на страницах журнала «Тайм» и в подобных изданиях.

Они выживали лишь потому, считал Стенсил, что не были одиноки. Одному Богу известно, сколько их ютилось в тепличных условиях своего времени, не имея представления о жизни и существуя по милости Фортуны.

Вечеринка сама собой распалась на три части. Фергус с подружкой и еще одна пара, взяв галлон вина, предприняли долгое отступление в спальню, где заперлись и предоставили остальной Братве приводить квартиру в полный беспорядок. Раковина, занятая Стенсилом, станет насестом Мелвина. Он будет играть на гитаре, и ближе к полуночи в кухне раздадутся дикие вопли и пойдут пляски африканского ритуала плодородия. Лампочки в гостиной одна за другой погаснут, на автоматическом проигрывателе, беспрестанно повторяясь, будут крутиться квартеты Шёнберга (полное собрание)⁴⁶; точки сигарет сигнальными огнями усеют комна-

⁴⁶ Шёнберг, Арнольд (1874 – 1951) – австрийский композитор. В 1934 г. эми-

ту, а любвеобильная Дебби Сенси (к примеру) уляжется на полу, ласкаемая Раулем или, скажем, Слэбом, и будет гладить по ноге парня, сидящего на кушетке с ее подружкой, так что любовный пир будет тянуться по цепочке, сплетаясь как венок маргариток; вино прольют, мебель переломают; Фергус на следующее утро ненадолго проснется, обозреет разрушения и оставшихся гостей, расплзшихся по квартире, обложит их всех и отправится досыпать.

Стенсил раздраженно передернул плечами, вылез из раковины и нашел свой плащ. У выхода он натолкнулся на группу из шести человек: Рауль, Слэб, Мелвин и три девушки.

– Приятель, – сказал Рауль.

– Картина маслом, – произнес Слэб, жестом обозначая размах вечеринки.

– Потом, – сказал Стенсил и вышел за дверь. Девушки стояли молча. Они чем-то смахивали на девиц по вызову:

грировал в США, в 1941-м получил американское гражданство. Один из основоположников и крупнейших представителей современной классической музыки. После короткого увлечения вагнеровским романтизмом обратился к экспрессионизму и постепенно разработал собственную двенадцатитоновую систему атональной музыки – додекафонию (Шёнберг обязал Томаса Манна, описавшего эту систему в романе «Доктор Фаустус», помещать на первом листе всех изданий уведомление о том, что додекафоническая система является духовной и интеллектуальной собственностью Шёнберга; т. е. первый копирайт на музыкальное произведение в художественном тексте). Систему Шёнберга развивали его ученики (Антон фон Веберн и Альбан Берг), ею широко пользуются современные композиторы. Если играть все струнные квартеты Шёнберга от струнного квартета D Major (1897) до Струнного Квартета № 4 (1936), то энтропия будет возрастать.

недурны и готовы к употреблению. А также взаимозаменяемы.

– Да, – сказал Мелвин.

– Окраины, – провозгласил Слэб, – затопляют мир.

– Ха-ха, – откликнулась одна из девиц.

– Усохни, – велел Слэб и натянул шляпу. Он всегда был в шляпе: на улице, дома, в постели или в стельку пьяным. Костюмы носил с чудовищно огромными острыми лацканами в духе Джорджа Рафта ⁴⁷. С туго накрахмаленными стрельчатыми отложными воротничками. С подбитыми прямыми плечами. Весь был из острых углов. Кроме лица, отметила девушка, довольно мягкого, как у развратного ангела: вьющиеся волосы, двойные и тройные лилово-красные круги и мешки под глазами. Сегодня она целовала эти подглазья, эти печальные окружности.

– Извиняюсь, – пробормотала она, дрейфуя к пожарной лестнице. Взглянув через окно на реку, она не увидела ничего, кроме тумана. Чья-то рука тронула ее спину точно в том месте, где рано или поздно оказывались руки всех мужчин, которых она знала. Она выпрямилась, сдвинула ло-

⁴⁷ *Джордж Рафт* (1895 – 1980) – американский киноактер. Приобрел известность в 1930-х гг. в ролях гангстеров и «типичных американцев»; в частности, играл сыщика Неда Бомонта в первой экранизации романа Д. Хэммета «Стеклянный ключ» (1935, реж. Ф. Таттл). В 1950-х гг. перешел на характерные роли (гангстер Коломбо Белые Гетры в комедии «В джазе только девушки»). На протяжении всей карьеры был связан с мафией – ходили слухи, что только после его переговоров с Аль Капоне фильм Говарда Хоукса «Лицо со шрамом» (1932), где Рафт играл одного из гангстеров, смог выйти на экраны.

патки, чтобы выпятить груди, и неожиданно посмотрела на оконное стекло. Увидела его отражение, глядящее на их отражение. Обернулась. Он покраснел. Короткая стрижка, костюм, твид от Хэрриса.

– А-а, ты новенький, – улыбнулась она. – Я Эстер.

Он залился краской и стал много симпатичнее.

– Брэд, – назвалса он. – Извини, я тебя напугал. Она инстинктивно почувствовала, что он неплох как член студенческого братства «Лиги плюща», который знает, что не перестанет быть членом братства в течение всей своей жизни. Но он ощущает, как что-то проходит мимо него, и потому пытается одним боком прилепиться ко Всей Шальной Братве. Собираясь заняться менеджментом, он пробует писать. Если он инженер или архитектор, то почему-то рисует или ваяет. Он будет болтаться по обе стороны границы, терзаясь мыслью, что выбрал худшее в обоих мирах, но не перестанет интересоваться, почему должна быть какая-то граница и существует ли она вообще. Он научится жить двойной жизнью и станет, колеблясь, тянуть эту игру, пока от напряжения не порвет задницу чуть ли не пополам, после чего погибнет. Она встала в четвертую балетную позицию, расположив груди под углом в 45° к линии его взгляда, уткнулась носом ему в сердце и взглянула через опущенные ресницы.

– Ты давно в Нью-Йорке?

Перед баром «Нота V» толпилась кучка бездельников, ко-

которые заглядывали в окно, туманя стекло своим дыханием. Время от времени какой-нибудь студентоподобный тип (как правило, с подружкой) выкатывался через вращающуюся дверь, и зеваки, выстроившись в шеренгу на тротуаре короткой улочки этого квартала Бауэри, стреляли у него сигаретку, мелочь на метро или на пиво. Февральский ветер, продувавший широкую Третью авеню, всю ночь нес на них обрезки, замасленную стружку и грязь нью-йоркских токарных станков.

Внутри МакКлинтик Сфера выдавал неистовый свинг. Его кожа была тверда, как черепная кость; каждый волос на голове торчал, каждая жилка четко проступала даже сквозь зеленоватые младенческие прыщи. По обеим сторонам нижней губы – от постоянного прижимания мундштука саксофона – тянулись одинаковые морщины, выглядевшие как продолжение его усов. Он играл на инкрустированном слоновой костью альте, который был настроен в увеличенную кварту. Звук получался какого никто никогда не слышал. Слушатели привычно разделились на группы: студенты не врубались, поскольку отставали в среднем на полтора такта. Музыканты других ансамблей, которые заскакивали откуда-нибудь из центра в свободный вечер или большой перерыв, слушали внимательно и пытались врубиться. «Надо еще подумать», – говорили они, когда их спрашивали. Посетители бара все поголовно смотрели так, будто уже врубались и все понимают, одобряют и поддерживают; впрочем, возможно, так толь-

ко казалось, потому что у этих завсегдатаев был одинаково непроницаемый взгляд,

В глубине бара находился столик, на который обычно ставились пустые бутылки и стаканы. Однако никто не возражал, если кто-то успевал запясть его пораньше, а бармен, как правило, был слишком занят, чтобы орать на весь зал. Сейчас столик занимали Уинсом, Харизма и Фу. Паола вышла в туалет. Все сидели молча.

Группа на сцене работала без фортепиано: бас, ударные, МакКлинтик и парень, которого он нашел в Озарке. Парень играл на настоящем рожке, настроенном в фа. Барабанщик группы избегал пиротехнических эффектов, что, видимо, раздражало толпу студентов. Басист был маленький и злобный, а в зрачках у него мерцали желтые точки. Разговаривал со своим контрабасом. Контрабас был выше хозяина и, похоже, не желал слушать.

Когда рожок и альт-саксофон складывали вместе шестые и четвертные, – это смахивало на поножовщину или на перетягивание каната: звучало гармонично, но некое взаимонепонимание витало в воздухе. Соло самого МакКлинтика были иными. Слушателям, среди которых были в основном люди, писавшие для журнала «Даунбит»⁴⁸ или для пластиночных конвертов, казалось, что он совершенно игнорирует гармонию. Они много толковали о душе, об антиинтеллектуальности и о входящих в моду африканских национальных

⁴⁸ «Даунбит» – первый американский журнал, посвященный джазу.

ритмах. Новая концепция, говорили они, а некоторые провозглашали: Птичка Паркер жив ⁴⁹.

С тех пор как душа Чарли Паркера около года назад истаяла во враждебном мартовском ветре, о нем было сказано и написано немало всякой ерунды. И ее будет еще больше, а что-то пишется прямо сейчас. Паркер был величайшим альт-саксофонистом послевоенной сцены, и после его смерти странный дух противоречия – неприятие и нежелание уверовать в факт холодной кончины – овладел его лунатическим окружением, заставляя поклонников на каждой станции метро, на тротуарах и в писсуарах корябать опровержение: Птичка Паркер жив. Так что в этот вечер среди посетителей бара, по самым скромным подсчетам, вшивались десять процентов мечтателей, которые еще не усвоили эту истину и рассматривали МакКлинтика как разновидность реинкарнации.

– Он берет все те ноты, которые не успел сыграть Птичка Паркер, – прошептал кто-то перед Фу. Фу мысленно разбила о край стола бутылку, воткнула «розочку» говоруну в спину и повернула.

Близилось время закрытия, звучали последние такты.

– Пора сматываться, – сказал Харизма. – Где Паола?

– Вон она, – ответил Уинсом.

⁴⁹ *Паркер*, Чарли, по прозвищу *Птичка* (Bird) (1920 – 1955) – крупнейший джазовый саксофонист (альт и тенор), один из создателей (вместе с Диззи Гиллеспи и Телониусом Монком) стиля «би-боп». Умер от наркотиков.

На улице ветер вертелся волчком. И дуло без перерыва.

Глава третья, в которой Стенсил, изменчивый художник, проходит восемь имперсонаций

Как раздвинутые ноги манят распутника, как стаи перелетных птиц притягивают взор орнитолога, как рабочая часть инструмента приковывает внимание слесаря, так буква V влекла за собой молодого Стенсила. Примерно раз в неделю ему снился один и тот же сон, в котором эта страсть представлялась ему сновидением, и он просыпался, понимая, что в конце концов поиски V. были всего лишь научным исследованием, приключением ума в духе «Золотой ветви» или «Белой богини»⁵⁰.

Но вскоре он вновь – на сей раз действительно – просыпался и с тоской осознал, что и на самом деле одержим все той же наивной погоней за V., призрачно-сладоэрот-

⁵⁰ «Золотая ветвь» – фундаментальный труд известного английского этнографа и религиоведа Джеймса Джорджа Фрэзера (1854 – 1941), вышедший в 1922 г. «Белая богиня» – исследование поэтики мифов, опубликованное в 1948 г. Робертом Грэйвзом (1895 – 1986). В большой степени обрзная структура романа Пинчона сформирована этими книгами: внимательный читатель не может не заметить огромного количества мифологических и фольклорных отсылок, проявляющихся, в частности, в именах и фамилиях почти всех героев.

ной тварью, которую он преследовал, как зайца, как лань или оленя, преследовал, как некую непристойную, причудливую и запретную форму чувственного наслаждения, И шутоподобный Стенсил с нелепым видом гнался за ней, звеня колокольчиками и размахивая игрушечным пастушьим посохом. Развлекая тем самым только самого себя и больше никого.

Основанием для его ответа Маргравин ди Чаве Лоуэнстайн: «Это не шпионаж» – было и оставалось чувство горького разочарования, а не желание оправдать чистоту своих помыслов (подозревая, что естественной средой обитания V. должен быть населенный пункт в состоянии осады, он прямо из Толедо отправился на Майорку, где провел неделю, совершая ежевечерние прогулки по альказару ⁵¹, занимаясь расспросами и сбором бесполезной информации). Он сожалел, что его занятие не было столь же респектабельным и ортодоксальным, как шпионаж. Впрочем, в его руках традиционные орудия и средства всякий раз использовались не по назначению: плащ – чтобы отнести грязное белье в прачечную, кинжал – чтобы почистить картошку, досье – чтобы заполнить пустоту воскресных дней; и что самое плохое, даже перевоплощениями он пользовался не в силу профессиональной необходимости, а как неким трюком, только для того, чтобы как можно меньше чувствовать себя вовлеченным

⁵¹ *Альказар* (исп. *alcazar* – крепость, замок) – название укрепленных замков или дворцов в Испании, чаще всего построенных арабами (маврами) – завоевателями.

в погоню, перенося часть мучительной дилеммы на персонажей своих разнообразных «имперсонаций».

Герберт Стенсил всегда говорил о себе в третьем лице, как это нередко делают дети определенного возраста и Генри Адаме в «Воспитании»⁵², а также разного рода правители с незапамятных времен. Таким образом, «Стенсил» был всего лишь еще одной маской из обширного репертуара его личин. «Вынужденное вытеснение личности» – так он называл этот универсальный прием, а это отнюдь не одно и то же, что «становиться на чужую точку зрения», поскольку его применение предполагало, к примеру, ношение такой одежды, в какой Стенсил бы и в гроб не лег, или поедание пищи, от которой Стенсила тошнило, а также проживание в неизведанных халупах или посещение баров и кафе, явно не соответствующих его характеру, – все это по несколько недель кряду, и ради чего? Ради того, чтобы Стенсил мог чувствовать себя в своей тарелке, то есть пребывать в третьем лице.

В результате вокруг каждого зернышка истины, найденного в досье, накапливалась перламутровая масса измышлений и поэтических вольностей, ведущих к вынужденному вытеснению личности в прошлое, которого он не помнил и, следовательно, не имел на него никаких прав, кроме права на разгул воображения или исторический интерес, права, кото-

⁵² Имеется в виду книга «Воспитание Генри Адамса», автобиография американского писателя и историка *Генри Адамса* (1838 – 1918), впервые опубликованная в 1907 г. «Воспитание» оказало большое влияние на Пинчона (см. также его рассказ «Энтропия»).

рое никем не признается. Он нежно и заботливо ухаживал за каждым моллюском на своей подводной ферме, неуклюже двигаясь по огороженному заповеднику на морском дне, тщательно избегая темных впадин, зиявших между скоплениями ручных моллюсков, впадин, в мрачных глубинах которых обитали Бог знает какие существа: остров Мальта, где умер его отец и где сам Герберт никогда не был, страна, о которой он ничего не знал, поскольку что-то мешало ему туда поехать, что-то в ней пугало его.

Как-то вечером, лениво развалившись на диване в квартире Бонго-Шафтсбери, Стенсил принялся рассматривать единственный сувенир, оставшийся от мальтийской авантюры старика Сиднея. Это была яркая, в четыре цвета открытка с батальным снимком из «Дейли Мэйл» времен Великой Войны, запечатлевшим взвод запаренных шотландских пехотинцев-гордонцев в юбках: они тащили носилки, на которых возлежал огромный немецкий унтер-офицер с пышными усами, нога у него была в шине, а на лице расплылась блаженная улыбка. На открытке рукой Сиднея было написано: «Я кажусь себе стариком и в то же время чувствую себя кем-то вроде жертвенной девственницы. Пиши, мне нужна твоя поддержка. Отец».

Юный Стенсил так и не ответил на это послание: ему было восемнадцать, и он никогда не писал писем. Это тоже было одним из побудительных мотивов его нынешней охоты: он ощутил это, узнав через полгода о смерти Сиднея, и только

тогда осознал, что после этой откровения между ними не было никакой связи.

Некто Порпентайн, коллега его отца, был убит в Египте на дуэли с Эриком Бонго-Шафтсбери, отцом владельца этой квартиры. Может, Порпентайн поехал в Египет так же, как Стенсил-старший на Мальту; возможно, он тоже написал сыну, что кажется себе каким-то другим шпионом, который, в свою очередь, отправился умирать в Шлезвиг-Гольштейн, Триест, Софию или куда-нибудь еще. Апостольская преемственность. Должно быть, они знали, когда это сделать, часто думал Стенсил, но затруднялся сказать, действительно ли смерть дается человеку, как некий харизматический дар. В его распоряжении были лишь туманные упоминания Порпентайна в дневниках отца. Все остальное – перевоплощения и сон.

I

После полудня над площадью Мохамеда Али начали собираться желтые облака, плывшие со стороны Ливийской пустыни. По улице Ибрагима и через площадь бесшумно мчался поток воздуха, неся в город холодное дыхание пустыни.

Для П. Аиеля, официанта и вольнодумца-любителя, облака предвещали дождь. Его единственный клиент, англичанин и, по всей видимости, турист, поскольку лицо его было обожжено солнцем, сидел, парясь в твидовом костюме, легком пальто, и пялился на площадь, кого-то поджидая. Хотя он провел за чашечкой кофе не более пятнадцати минут, казалось, что он уже превратился в столь же неотъемлемую часть пейзажа, как и конная статуя Мохамеда Али. Аиель знал, что некоторые англичане обладали подобным талантом. Но в таком случае они обычно не были туристами.

Аиель расположился у входа в кафе; внешне он казался равнодушным, но внутри его переполняли печальные философские раздумья. Ждал ли этот тип женщину? Как глубоко ошибаются те, кто надеется найти в Александрии романтические приключения или внезапную любовь. Нелегко обрести этот дар в городах, предназначенных для туристов. Аиелю на это потребовалось – сколько лет назад он покинул Миди? лет двенадцать? – да, пожалуй, никак не меньше. Пусть туристы думают, что город таит в себе нечто, кроме того, что

говорится в «Бедекере»⁵³. Форос, погребенный землетрясением и затопленный морем; живописные, но безликие арабы; памятники, гробницы, современные отели. Насквозь фальшивый, ублюдочный город, застывший – для «них» – как и сам Аиель.

Он смотрел, как мрачнеет солнце и трепещут на ветру листья акаций вокруг площади Мохамеда Али. Вдалеке кто-то громко выкрикивал имя: Порпентайн, Порпентайн. Голос тоскливо врывался в пустоты площади, как зов далекого детства. Еще один англичанин, упитанный, светловолосый и краснорожий (все они на одно лицо), шагал по улице Шериф-Паши в вечернем костюме и пробковом шлеме, который был велик ему на два размера. Не доходя футов двадцати до клиента Аиеля, он что-то залопотал по-английски. Что-то о женщине и консуле. Официант пожал плечами. За долгие годы службы он усвоил, что в болтовне англичан мало любопытного. Однако дурная привычка взяла верх.

Начался дождь, совсем мелкий, едва отличимый от влажного тумана.

– Хат фингал, – заорал толстяк, – хат финган кава бисуккар, иа велед⁵⁴.

⁵³ «Бедекер» – общее название разнообразных туристических справочников-путеводителей по имени Карла Бедекера (1801 – 1859) – немецкого издателя, выпускавшего справочники подобного рода, первый из которых вышел в 1839 г. в Кобленце.

⁵⁴ См. прим. к рассказу «Под розой» (Т. Пинчон. Выкрикивается лот 49. СПб., 2000).

Две красные морды злобно смотрели друг на друга через стол.

Merde, подумал Аиель. У столика же произнес: «M'sieu?» – А, – улыбнулся здоровяк, – нам кофе. Cafe, понятно?

Когда Аиель вернулся, англичане вяло обсуждали предстоящий прием в консульстве. В каком консульстве? Аиель мог разобрать лишь имена. Виктория Рен. Сэр Аластэр Рен (отец? муж?). Какой-то Бонго-Шафтсбери. Что за нелепые имена у жителей этой страны. Аиель поставил кофе и вернулся на свое место.

Этот толстяк вознамерился соблазнить девушку, Викторию Рен, очередную туристочку, путешествующую с папочкой-туристом, но мешал ее любовник – Бонго-Шафтсбери. Пожилой тип в твиде – Порпентайн – был *masquerade*⁵⁵. Эти двое, за которыми Аиель сейчас наблюдал, были анархистами, замышлявшими убить сэра Аластэра Рена, влиятельного члена английского парламента. Бонго-Шафтсбери занимался тем, что шантажировал жену пэра Викторию, поскольку располагал сведениями о ее тайных анархистских симпатиях. Они походили на артистов мюзик-холла, стремившихся получить роли в грандиозном водевиле, срежиссированном Бонго-Шафтсбери, который околачивался в городе в надежде получить средства от тупоумного рыцаря Рена. Для этой цели Бонго-Шафтсбери использовал блистательную актрису Викторию, любовницу Рена, выдававшую себя за его жену,

⁵⁵ *Masquereau* – сводник (фр).

дабы отдать дань фетишу англичан – респектабельности. Сегодня вечером Толстяк и Твид войдут в консульство рука об руку, напевая веселые куплеты, расшаркиваясь и закатывая глаза...

Дождь усилился. Между сидевшими за столиком промелькнул белый конверт с гербом. Вдруг Твид вскочил на ноги, как механическая кукла, и заговорил по-итальянски.

Солнечный удар? Но солнце было скрыто тучами. Между тем Твид запел:

Pazzo son!

*Guardate, come io piango ed imploro...*⁵⁶

Итальянская опера. Аиель почувствовал приступ тошноты. Криво улыбаясь, он смотрел на англичан. Этот фшляр взвился в воздух, прищелкнув каблуками; потом встал в позу, прижав одну руку к груди, а другую выставив вперед, и пропел:

*Come io chiedo pieta!*⁵⁷

Дождь лил на них. Обожженное солнцем лицо раскачивалось, как воздушный шар, – единственной яркое пятно на тусклой площади. Толстяк сидел под дождем, прихлебыв-

⁵⁶ Безумен я... Услышите мой плач и мои мольбы (*итал.*). Первые слова известной арии из третьего акта оперы Дж. Пуччини «Манон Леско».

⁵⁷ снисхождения прошу я (*итал.*).

вая кофе и наблюдая за своим развеселым приятелем. Аиель слышал, как дождь барабанит по пробковому шлему. Наконец Толстяк как бы очнулся: оставил один пиастр и милльем на столике (*avare!*)⁵⁸ и кивнул собутыльнику, который теперь устался на него. На площади никого не было, кроме Мохамеда Али на коне.

(Сколько раз они вот так стояли: перекрестие вертикали и горизонтали, неправдоподобно крохотное на фоне любой площади и предзакатного неба? Если бы аргумент замысла основывался только на этом мгновении, то этими двумя наверняка можно было бы легко пожертвовать, как второстепенными шахматными фигурами, на любом участке шахматной доски Европы. Оба одного цвета, хотя один слегка склонился по диагонали из почтения к другому, оба скользят по паркету какого-нибудь посольства в поисках малейших признаков едва ощутимой оппозиции: любовника, приглашения на обед, объекта политического убийства – порой им достаточно взгляда на лицо статуи, чтобы удостовериться в собственном предназначении, а может быть, к несчастью, и в собственной человечности. Возможно, они стремились забыть, что любая площадь в Европе, как ее ни пересекай, в конечном счете остается неодушевленным предметом?)

Они любезно раскланялись и разошлись в противоположные стороны: Толстяк – обратно к отелю «Хедиваль», а Твид – по улице Раз-э-Тэн в направлении турецкого квартала.

⁵⁸ *Avare* – скупец (*итал.*).

«Bonne chance, – подумал Аиель. – Что бы вас ни ожидало сегодня вечером, желаю вам удачи. Я вас больше не увижу, чего мне, по правде говоря, совсем и не хочется». Наконец, убаюканный дождем, он уснул, прислонившись к стене, и увидел во сне женщину по имени Мариам, предстоящую ночь и арабский квартал...

Ложбинки на площади превратились в лужи, по которым, как обычно, в произвольной последовательности разбежались концентрические круги. Около восьми дождь затих.

II

Многоопытный и высококлассный слуга Юзеф, временно позаимствованный из отеля «Хедиваль», бросился под дождь через улицу к Австрийскому консульству и устремился ко входу для прислуги.

– Опаздываешь, – рявкнул Мекнес, главный распорядитель на кухне. – Пошел к столику для пунша, отродье педерастического верблюда.

Не худшее назначение, подумал Юзеф, надевая белый пиджак и расчесывая усы. Место за пуншевым столиком в мезонине позволяло видеть все представление в целом: заглядывать в декольте хорошеньким женщинам (итальянские сиськи круче всех – ах!) и глазеть на кучу блестящих побрякушек, звезд, лент и экзотических орденов.

Сознавая свое преимущество, Юзеф позволил себе усмешку хорошо осведомленного человека – первый раз за этот вечер, но не последний. Пусть пока повеселятся. Скоро, скоро эти шикарные одеяния превратятся в лохмотья, а элегантная мебель покроется коркой засохшей крови. Юзеф был анархистом.

Анархистом, но не дураком. Он постоянно был в курсе последних событий и чутко улавливал новости, благоприятствующие внесению хаоса, пусть даже незначительного. Нынешняя политическая ситуация обнадеживала: Сирдар Кит-

ченер, новый колониальный герой Англии ⁵⁹, недавно одержавший победу при Хартуме, продвинулся на 400 миль ниже по Белому Нилу, опустошая джунгли. Генерал Маршан ⁶⁰, по слухам, болтался поблизости. Британия не желала допустить присутствия Франции в долине Нила. Месье Делькасе, министру иностранных дел вновь сформированного правительства Франции, было все равно, начнется война при столкновении двух армий или нет. А когда они столкнутся, то, как всем теперь было ясно, без неприятностей не обойдется. Россия поддержит Францию, в то время как

Ам лия временно возобновит дружественные отношения с Германией, читай – также с Италией и Австрией.

В ружье, сказали англичане. Поднять аэростаты. Юзеф, полагавший, что у анархиста или энтузиаста разрушения для душевного равновесия должны быть кое-какие ностальгические воспоминания детства, обожал аэростаты и воздушные

⁵⁹ *Сурдар* – в XIX в. – титул главнокомандующего англоегипетской армией; *Китченер* Хартумский, Горацио Герберт (1850 – 1916) – английский полководец, фельдмаршал (с 1909 г.); в 1892 г. стал главнокомандующим англо-египетской армии, в 1895 – 1898 гг. руководил подавлением восстания махдистов в Судане. Был главнокомандующим во время англо-бурской войны (1900 – 1902 гг.) и проводил предельно жесткую политику, в частности создавая концентрационные лагеря для буров. С 1911 по 1914 гг. Китченер был проконсулом (фактическим правителем) Египта и Судана, а впоследствии – военным министром Великобритании.

⁶⁰ *Маршан*, Жан Батист (1863 – 1934) – французский военачальник и исследователь; после экспедиции в Нигер, Западный Судан и Берег Слоновой Кости он во главе французской армии оккупировал 10 июля 1898 г. форт Фашода.

шары. Часто на краю сновидений он, словно спутник, вертелся в воздухе вокруг весело разрисованного свинячьего пузыря, надутого его собственным горячим дыханием.

И вдруг краем глаза – что за диво? Если к и во что не веришь, то как можно рассчитывать на...

Воздушная девушка. Девушка на шаре. Похоже, едва касается зеркального пола. Протягивает пустую чашу Юзефу. Месикум бильхер, добрый вечер; есть ли еще какие-нибудь емкости, которые вы желали бы заполнить, моя английская леди? Возможно, такое дитя он бы пощадил. Пощадил бы? Если бы это случилось утром, таким утром, когда все муэдзины молчат, а голуби улетели прятаться в катакомбы, – смог бы он подняться голым в рассветное Ничто и сделать то, что должен? И должен ли, по совести?

– О, – улыбнулись она, – О, спасибо. Лельтак лебен. Да будет твоя ночь бела, как молоко.

Поскольку живот твой... Хватит. Она отодвинулась, светлая, как сигарный дымок, поднимавшийся снизу из зала. Свои «о» она произносила с легким придыханием, словно изнемогая от любви. На лестнице к ней присоединился пожилой седоватый мужчина крепкого сложения – вылитый уличный громила, только в вечернем костюме.

– Виктория, – гаркнул он.

Виктория. Названа в честь королевы. Он тщетно пытался сдерживать смех. Не скрашивайте, что позабавило Юзефа.

На протяжении всего вечера Юзеф время от времени по-

глядывал на девушку. Приятно было найти среди этой мишуры то, на чем можно сосредоточить внимание. Она явно выделялась. Ее сияние и даже голос были ярче остального мирка, дымным туманом поднимавшегося к Юзефу, чьи руки стали липкими от пунша и шабли, а усы печально обвисли – он бессознательно жевал их кончики, по привычке.

Каждые полчаса прибежал Мекнес и отчаянно бранил его. Когда никто не слышал, они обменивались оскорблениями, иногда вульгарными, иногда остроумными, во всем следуя левантийскому образцу, поминая на каждом шагу созданных экспромтом предков все более давних поколений и изобретая все менее вероятные и причудливые мезальянсы.

Австрийский консул граф Хевенхеллер-Метш большую часть времени проводил со своим русским коллегой-двойником месье де Вилье. Юзеф недоумевал, как могут два человека столь непринужденно шутить, а завтра стать врагами. Наверное, они были врагами вчера. Юзеф решил, что слуги общества – это не люди.

Он потряс черпаком для пунша, отгоняя от себя Мекнеса. Вот настоящий слуга общества. А он, Юзеф, разве не слуга общества? Был ли он сам человеком? До принятия доктрины политического нигилизма – несомненно. Но здесь, сегодня и для «них»... С тем же успехом он мог быть стеной росписью.

Но скоро это пройдет. Юзеф зловеще усмехнулся. И через мгновение уже снова грезил о воздушных шарах.

Внизу на ступеньках, являя собой центр странной живой картины, сидела та девушка, Виктория. Рядом с ней развалился круглолицый блондин, чей вечерний костюм, казалось, сел от дождя. Перед ними, составляя вершины равнобедренного треугольника, стояли седовласый здоровяк, назвавший девушку по имени, девочка лет одиннадцати в бесформенном белом платье и мужчина, лицо которого словно обгорело на солнце. Юзеф слышал только голос Виктории. «Моя сестра обожает окаменелости и ископаемых, мистер Гудфеллоу». Блондин рядом с нею учтиво кивнул. «Покажи им, Милдред». Девочка извлекла из сумочки камень, повертела его и протянула сначала седому приятелю Виктории, а затем краснорожему. Тот смущенно попятился. Юзеф подумал, что этот тип, возможно, умеет краснеть по желанию, но никто об этом не догадывается. Еще несколько слов, и краснорожий вприпрыжку ускакал по ступенькам.

Подлетев к Юзефу, он поднял пятерню. «Хамсех»⁶¹. Пока Юзеф наполнял чаши, кто-то, подойдя сзади, тронул англичанина за плечо. Англичанин резко повернулся, сжал кулаки и стал в стойку. Брови Юзефа чуть подпрыгнули вверх. Еще один уличный боец. Давненько он не видел подобных рефлексов. Пожалуй, в восемнадцатом году у Тюфика-убийцы, подмастерья изготовителя надгробных плит.

Но этому-то лет сорок или сорок пять. Юзеф понимал, что никто не может так долго поддерживать форму, если то-

⁶¹ пять (арабск.).

го не требует профессия. И какая же профессия совмещает талант убийцы с присутствием на приеме в консульстве? В частности, в Австрийском консульстве?

Кулаки англичанина разжались. Он кивнул успокоенно.

– Славная девочка, – сказал подошедший, у которого на фальшивом носу сидели синие очки.

Англичанин, улыбаясь, повернулся, подхватил свои пять чаш с пуншем и пошел вниз. На второй ступеньке споткнулся и с грохотом покатился по лестнице, сопровождаемый звоном бьющегося стекла и потоком сабли. Юзеф заметил, что краснорожий знает, как падать. Второй громила расхохотался, развеивая общее смятение.

– Я однажды видел, как это проделывает парень из мюзик-холла, – проорал он. – Но ты куда лучше, Порпентайн, честное слово.

Порпентайн вытащил сигарету и закурил с таким видом, будто прилег отдохнуть.

Наверху в мезонине человек в синих очках лукаво выглянул из-за колонны, снял нос, спрятал его в карман и исчез.

Странное сборище. За этим что-то кроется, подумалось Юзефу. Связано это как-то с Китченером и Маршаном? Как пить дать. Должно. Однако... Тут его размышления прервал вернувшийся Мекнес, который описал прапрапрадедушку и пра– такую же бабушку Юзефа как беспородного одного пса, вскормленного обезьяньим дерьмом, и сифилитичную слониху, соответственно.

III

В ресторане Финка стояла тишина: посетителей почти не было. Лишь несколько английских и немецких туристов – из тех, что лишнего пенни не потратят, к которым и соваться бесполезно, – сидели в пустом зале, и шуму от них было не больше, чем на площади Моха-меда Ачи в жаркий полдень.

Максвелл Раули-Багг – волосы напомажены, усы завиты, костюм безупречен до последнего стежка – сидел в углу напротив входа, чувствуя, как в животе у него начинают судорожно приплясывать первые позывы панического страха. Ибо под ухоженной оболочкой из прически, кожи и ткани скрывалось дырявое грязное белье и сердце вечного неудачника. Старина Макс был чужестранцем и к тому же без гроша в кармане.

Посижу еще четверть часа, решил он, и, если ничего не подвернется, отправлюсь в L'Univers.

Он пересек границу страны Бедекера лет восемь назад, в 90-м, после неприятностей в Йоркшире. В те годы он звался МакБерджессом и был таким юным Лохинваром ⁶², явившимся покорять тогда еще необъятные просторы английского водевиля. Он немного пел, немного танцевал, мог рассказать несколько вполне сносных анекдотов. Но у Макса, или Ральфа, была одна проблема: он был помешан на девочках.

⁶² *Лохинвар* – герой баллады Вальтера Скотта (1771 – 1832) «Мармион» (1808).

А та девчущка Алиса уже в десять лет проявляла те же полусознанные реакции (какая-нибудь игра, она водит – и всем весело), что и ее предшественницы. Но они знают – неважно, сколько им лет, – они знают, полагал Макс, что делают. Просто не слишком об этом задумываются. Именно поэтому он установил возрастной предел примерно в шестнадцать лет: чуть старше – и, словно неуклюжие рабочие сцены, появлялись романтика, религия, угрызения совести, которые и губили невинный *pas de deux*.

Но она все рассказала своим друзьям, которые вспыхнули ревностью – и по крайней мере один в такой степени, что тут же привлек к этому делу священников, родителей, полицию, – о, Господи. Ситуация не из приятных. Впрочем, он и не стремился стереть из памяти эту картину: гримерная в театре «Атенеум», в небольшом городке под названием Лардвик-на-Фене. Голые трубы, потрепанные платья с блестками, висевшие в углу. Сломанная бутафорская колонна из романтической трагедии, которую сменил водевиль. Сундук с костюмами вместо ложа, Шаги, голоса и медленный поворот дверной ручки...

Она хотела этого. Даже потом, выплакавшись, в защитном кругу ненавидящих лиц, ее глаза говорили: все равно я хочу этого. Алиса, погубившая Ральфа МакБерджесса. Кто знает, чего все они на самом деле хотят?

Как он попал в Александрию и куда отправится потом, – для туристов это не имело никакого значения. Он был из

числа тех бродяг, которые, сами того не желая, существуют исключительно в бедекеровском мире, будучи столь же неотъемлемой чертой местной топографии, как и прочие автоматы: официанты, носильщики, таксисты, клерки. Нечто само собой разумеющееся. Всякий раз, когда он приступал к делу – выпрашивал еду, выписку, ночлег, – между Максом и его «объектом» заключалось временное соглашение, согласно которому Макс считался состоятельным туристом, временно попавшим в затруднительное положение из-за какого-то сбоя в машинерии Кука.

Распространенная игра среди туристов. Они знали, кто он такой, и участвовали в этой игре по той же причине, по которой торговались б лавках или давали бакшиш нищим, – так велел неписаный закон страны Бедекера. Мачх же был лишь одним из мелких неудобств, существовавших в почти идеально устроенном государстве туризма. Это неудобство сполна возмещалось «местным колоритом».

Ресторан Финка начал оживать. Макс с любопытством смотрел по сторонам. От здания, похожего на посольство или консульство, через Рю-де-Розетт валила веселая толпа. Должно быть, там только что закончилась вечеринка. Ресторан быстро заполнялся. Макс оглядывал каждого входящего в надежде уловить незаметный кивок, знак судьбы.

В конце концов он выбрал группу из четырех человек – двое мужчин, девочка и молодая женщина, которая, как и ее платье, казалась неуклюже пышной и провинциальной. Ра-

зумеется, все англичане. У Макса были свои принципы.

Глаз у него был наметан, но что-то в этой компании его тревожило. Прожив восемь лет в этом наднациональном мире, он с первого взгляда мог распознать туриста. Насчет девочки и девушки он был почти уверен, но вот их спутники вели себя как-то странно: им не доставало некой уверенности, инстинкта принадлежности туристическому сообществу, существующему в Александрии, равно как и в других городах, инстинкта, который проявляют даже зеленые новички, впервые оказавшиеся за границей. Но уже вечерело, а ночевать Максу было негде, да и поесть до сих пор не довелось.

Начальная реплика не имела значения, годилась любая стандартная фраза, которая могла достичь эффекта при благоприятном раскладе. Главное – ответная реакция. Все вышло почти так, как он предполагал. Эти двое смахивали на пару комиков – один белобрысый и толстый, другой с красной мордой, темноволосый и тощий, – и, похоже, были не прочь поразвлечься. Что ж, пусть потешатся. Макс умел развлекать. Во время знакомства его взгляд, пожалуй, чуть дольше положенного задержался на Милдред Рен. Впрочем, она была близорука и приземиста – ничего общего с его Алисой.

Идеальный расклад: все вели себя так, будто давно были с ним знакомы. Но почему-то казалось, что сейчас в результате какой-то жуткой диссеминации повсюду пойдут слухи.

Весть о том, что компания Порпентайна и Гудфеллоу с сестрами Рен сидит за столиком в ресторане Финка, дойдет до всех александрийских нищих и бродяг, всех добровольных изгнанников и бесцельных скитальцев. Возможно, вскоре все эти голодранцы начнут по одному подтягиваться в ресторан, и каждый найдет такой же сердечный прием и будет как ни в чем не бывало принят в компанию, словно старый знакомый, отлучившийся на четверть часа. Макс был подвержен внезапным видениям. Нищие будут идти – сегодня, завтра, послезавтра; будут так же весело кричать официантам, чтобы те принесли еще стульев, еды, вина. Тогда прочих туристов придется выпроводить вон; все стулья у Финка займут бродяги, рассаживаясь кругами все дальше и дальше от этого столика – точно годовые кольца на древесном стволе или круги от дождевых капель на луже. А когда запас стульев в ресторане будет исчерпан, обалдевшим официантам придется бежать и одалживать стулья в соседнем заведении, потом на соседней улице, в соседнем квартале, районе. Воссевшие нищие заполонят улицу, толпа будет расти и расти... гвалт достигнет громкости несусветной; каждый участник этого многотысячного сблища возжелает вернуть в разговор собственные воспоминания, шутки, мечты, безумные идеи, эпиграммы – словом, что-нибудь веселенькое. Грандиозный водевиль! Так они и будут сидеть, что-нибудь сеть, почувствовав голод, спать, напившись, и снова пить, проспавшись. Чем все это кончится? Как такое может кончиться?

Говорила старшая из сестер – Виктория, – белый «Феслауэр», похоже, ударил ей в голову. На вид лет восемнадцать, предположил Макс, медленно избавляясь от кошмарного видения сборища бродяг. Примерно столько сейчас и Алисе.

Было ли в ней хоть что-то, напоминавшее Алису? Для него Алиса, разумеется, была еще одним критерием. Разве что то же чудное сочетание девочки-в-игре и девочки-в-душе. Такой веселой и юной...

Виктория была католичкой, училась в монастырской школе неподалеку от дома. Это было ее первое путешествие за границу. Она, пожалуй, слишком много говорила о религии; по ее словам, она одно время даже о Сыне Божьем думала так же, как любая юная особа, размышляющая о подходящем женихе. Но вскоре поняла, что никакой он не жених. Он держит целый гарем монашек в черном, единственным украшением которых являются четки. Не в силах противостоять такой конкуренции, Виктория через несколько недель покинула монастырь – но не лоно церкви. Церковь, с печальными ликами ее статуй, ароматом свечей и ладана, да еще дядюшка Ивлин стали средоточием ее безмятежной жизни. Ее дядя – бывший разбитной бродяга – раз в несколько лет приезжал из Австралии, откуда вместо подарков привозил бесподобные байки. Насколько Виктория могла судить, он никогда не повторялся. И главное, она получала достаточно материала, чтобы в промежутках между его наездами творить собственный игрушечный мирок, колониальный миф, с которым и в

котором она могла играть – совершенствуя, исследуя и переиначивая его. Особенно во время мессы, ибо здесь уже имелась сцена, драматическое поле, готовое принять зерна фантазии. Дело дошло до того, что Бог у нее носил широкополую шляпу и сражался с туземным дьяволом из числа антиподов земли – во имя и ради благополучия всех Викторий.

А что Алиса – у нее был «свой» священник, вер. -го? Она принадлежала АЦ ⁶³, истинная англичанка, будущая мать, яблочный румянец и все такое. Куда тебя га;с-. лэ, Макс? – спросил он себя. Давай-ка, выбирайся из сундука безрадостного прошлого. Это всего лишь Виктория, Виктория... и что в пен особенного?

Обычно в такого рода компании Макс мог и поговорить, и позабавить. Не столько в виде платы за еду и ночлег, сколько для того, чтобы поддержать форму, сохранить порох сухим, не утратить умение рассказать хороший анекдот и связь с аудиторией на случай, если...

Он мог бы скова заняться делом. За границей было полно туристических компаний, да и кто бы узнал его теперь, когда он состарился на восемь лет, перекрасил волосы и отпустил усы, когда черты его лица так изменились? К чему оставаться изгоем? Сперва слух дошел до труппы, а затем через артистов распространился по всем городкам и весям провинциальной Англии. Но ведь там все любили его, очаровательного симпатягу Ральфа. Так что по прошествии восьми лет,

⁶³ АЦ – англиканская церковь.

даже если бы его узнали...

А сейчас ему и сказать было нечего. Виктория полностью взяла разговор в свои руки, да и сам разговор был таким, что все уловки Макса были бесполезны. Никакого анатомирования прошедшего дня – увиденных пейзажей, гробниц, экзотических нищих, – ни малейшего восторга по поводу мелких сувениров, найденных в лавчонках и на базарах, никаких предположений относительно завтрашнего маршрута – только вскользь упомянутый прием в Австрийском консульстве. Вместо всего этого – односторонние излияния; Милдред, разглядывающая камень с ископаемым трилобитом, найденный ею неподалеку от Фароса ⁶⁴, и двое мужчин, с отсутствующим видом слушающих Викторию и время от времени бросающих взгляды друг из друга, на дверь, на соседние столики. Обед был подан, съеден, убран. Но несмотря на полный желудок, Макс никак не мог развеселиться. Что-то угнетало его, и на душе было беспокойно. Во что же он вляпался? Он поступил опрометчиво, сделав ставку ни эту компанию.

– Боже мой, – раздался возглас Гудфеллоу.

Подняв глаза, они увидели, как позади них материализовалась изнуренная фигура в вечернем костюме и, как оказалось, с головой рассерженного сокола. Голова загоготала,

⁶⁴ *Фарос* – остров неподалеку от Александрии, на котором находилось одно из семи чудес света – знаменитый Александрийский 137-метровый маяк, построенный во время правления Птолемея II (ок. 280 г. до н. э.). Александрийский маяк разрушился во время землетрясения 1375 г.

сохраняя злобное выражение. Виктория прыснула смешком.

– Это Хью! – радостно воскликнула она.

– Он самый, – гулко прозвучал голос откуда-то изнутри.

– Хью Бонго-Шафтсбери, – бесцеремонно уточнил Гудфеллоу.

– Хармахис – Бонго-Шафтсбери показал на глиняную голову сокола. – Бог Гелиополя и верховное божество Нижнего Египта. Вещь подлинная, маска использовалась в древних ритуалах. – Он уселся рядом с Викторией. Гудфеллоу нахмурился. – Буквально значит «Хор на горизонте», изображаемый также в виде льва с человеческой головой. Как Сфинкс.

– О, – сказала Виктория (ах, это томное «с»), – Сфинкс.

– Как далеко вы намерены спуститься по Нилу? – спросил Порпентайн. – Мистер Гудфеллоу говорил, что вас интересует Луксор.

– Полагаю, это совершенно неосвоенная территория, – ответил Бонго-Шафтсбери. – С тех пор как Гребо в 91-м году раскопал гробницу фиванских жрецов ⁶⁵, там практически не велось серьезных работ. Конечно, стоит посмотреть на пирамиды в Гизе, но все это жутко устарело после дотошного исследования мистера Флиндерса Питри ⁶⁶ лет шестнадцать-семнадцать назад.

⁶⁵ *Гребо*, Эжен – известный французский египтолог XIX в., проводил раскопки в египетской Долине Царей; автор нескольких книг по египтологии.

⁶⁶ *Флиндерс Питри*, Уильям Мэтью (1853 – 1942) – британский археолог и египтолог, автор «Атласа орудий труда всех народов» (1917).

Что это за тип, подумал Макс. То ли египтолог, то ли профан, цитирующий Бедекера? Виктория, изящно балансируя между Гудфеллоу и Бонго-Шафтсбери, старалась сохранить некое кокетливое равновесие.

На поверхности – все нормально. Соперничество двух мужчин за внимание юной леди, Милдред – младшая сестра, Порпентайн, по-видимому, личный секретарь, поскольку Гудфеллоу выглядел солиднее. Но что под этим кроется?

Макс с трудом пришел в себя. В стране Бедекера не должно быть самозванцев. Двуличие – вне закона; вести двойную игру значит быть Плохим Парнем.

Однако они лишь прикидывались туристами. Вели отнюдь не ту игру, что Макс; это его и пугало.

Разговор за столом закончился. Лица мужчин утратили какие бы то ни было признаки озарявшей их страсти. Причиной послужило приближение к столику ничем не примечательной фигуры в капюшоне и синих очках.

– Привет, Лепсиус⁶⁷, – сказал Гудфеллоу. – Что, устали от климата Бриндизи?

– Срочные дела призвали меня в Египет.

Итак, компания увеличилась с четырех до семи человек. Максу вспомнилось его видение. Что за чудная у них манера скитаться по свету, у этих двоих? Он заметил, как ново-

⁶⁷ Имя, данное Пинчоном этому немецкому агенту, носил Карл Ричард *Лепсиус* (1810 – 1884), немецкий египтолог и автор множества книг, включая перевод «Египетской книги мертвых» на немецкий.

прибывшие перекинулись взглядами – и так же молниеносно почти одновременно с ними перемигнулись Порпентайн и Гудфеллоу.

Неужели таким способом определялись союзники? Да и были ли здесь союзники?

Гудфеллоу понюхал вино.

– А ваш спутник? – произнес он наконец. – Мы так надеялись снова его увидеть.

– Уехал в Швейцарию, – сказал Лепсиус, – страну свежих ветров и белоснежных гор. Приходит день, и вам надоедает этот грязный Юг.

– Но можно отправиться еще дальше на юг. Думаю, если спуститься по Нилу достаточно далеко, можно вернуться к первозданной чистоте.

Неплохое чувство ритма, отметил Макс. И жесты, сопровождающие фразы, на должном уровне. Кто бы ни были эти люди, они отнюдь не актеры-любители.

Лепсиус размышлял вслух:

– Разве там не царят звериные законы? Право частной собственности отсутствует. Идет драка. Победитель получает все. Славу, жизнь, власть, собственность – все.

– Может быть. Но в Европе, знаете ли, цивилизованное общество. К счастью, закон джунглей у нас не действует.

Странно, и Порпентайн, и Бонго-Шафтсбери молчали. Каждый пристально смотрел на своего партнера, сохраняя невозмутимое выражение лица.

– Что ж, увидимся в Каире, – сказал Лепсиус.

– Вполне возможно, – кивнул Гудфеллоу. И Лепсиус удалился.

– Какой странный джентльмен, – улыбнулась Виктория, удерживая Милдред, которая уже занесла руку, чтобы бросить камень в удалявшуюся фигуру.

Бонго-Шафтсбери повернулся к Порпентайну:

– Странно отдавать предпочтение чистоте, а не грязи?

– Это зависит от вашей работы, – возразил Порпентайн, – и работодателя.

Ресторан Финка закрывался. Бонго-Шафтсбери схватил чек с поспешностью, которая всех приятно удивила. Хороший знак, подумал Макс. На улице он коснулся рукава Порпентайна и начал извиняющимся тоном поносить агентство Кука. Виктория ускакала вперед через улицу Шериф-Паши к отелю. Позади них из проезда у Австрийского консульства с грохотом выехал закрытый экипаж и во весь опор помчался по Рю-де-Розетт.

Порпентайн оглянулся.

– Кто-то очень торопится, – заметил Бонго-Шафтсбери.

– Да уж, – сказал Гудфеллоу. Все трое поглядели вверх на несколько освещенных окон консульства – Однако все тихо.

Бонго-Шафтсбери издал короткий и слегка скептический смешок:

– Здесь. На улице...

– Пятерка меня бы выручила, – продолжил Макс, еще раз

попытавшись привлечь внимание Порпентайна.

– О, – прозвучало как-то неопределенно, – конечно, я бы мог вам одолжить. – Рука инстинктивно потянулась к бумажнику.

Виктория смотрела на них с противоположного тротуара.

– Идемте, – позвала она. Гудфеллоу осклабился:

– Сейчас, дорогая. – И зашагал через улицу вместе с Бонго-Шафтсбери.

Она топнула ножкой:

– Мистер Порпентайн. – Порпентайн, сжимая в пальцах пятифунтовую бумажку, оглянулся. – Кончайте с этим калеккой. Дайте ему шиллинг и идите сюда. Уже поздно.

Белое вино, призрак Аписы, первые сомнения насчет искренности Порпентайна – все это привело к нарушению кодекса, единственное правило которого гласило: «Макс, бери все, что дают». Макс отвернулся от банкноты, трепетавшей на ветру, и захромал прочь, подставив лицо ветру. Тащась до следующего островка света, он чувствовал, что Порпентайн глядит ему вслед. И осознавал, как выглядит он сам: заплетающиеся ноги, неуверенность в надежности собственных воспоминаний и в том, сколько еще освещенных островков можно ожидать от ночной улицы.

IV

Утренний экспресс «Александрия – Каир» опаздывал. Тяжело пыхая, он неторопливо вполз на Каирский вокзал, испуская черный дым и белый пар, которые оседали на пальмах и акациях парка напротив станции.

Разумеется, прибыли с опозданием. Проводник Вальдетар добродушно хмыкнул, разглядывая толпу на платформе. Туристы и бизнесмены, портье из отелей Кука и Гейза, пассажиры победнее из третьего класса с целыми обозами пожитков – ну прямо восточный базар – чего они, спрашивается, ожидали? Уже семь лет он спокойно ездит этим рейсом, и еще ни разу поезд не пришел вовремя. Расписания существовали для владельцев железных дорог, для тех, кто подсчитывал прибыль и убытки. А сам поезд ездил по другим часам, своим собственным, которые не мог пенять ни один человек.

Вальдетар не был уроженцем Александрии. Он родился в Португалии и сейчас жил с женой и тремя детьми в Каире, неподалеку от железнодорожного депо. Течение жизни неумолимо несло его на восток. Сумев каким-то образом избавиться от охмуряющего влияния единоверцев-сефардов, Вальдетар впал в другую крайность и нынче был одержим тягой к древним историческим местам. Земля триумфа, земля Божья. А также земля страданий. Места жестоких гонений

евреев навевали печальные мысли.

Но Александрия представляла особый случай. В 3554 году по иудейскому летосчислению Птолемей Филопатор, которому было отказано в посещении храма Иерусалимского, вернувшись в Александрию, побросал в тюрьмы почти всех тамошних евреев. Христиане были отнюдь не первыми, кого выставили на потеху толпе и обрекли на массовое уничтожение. Птолемей, приказав собрать александрийских евреев на ипподроме, устроил двухдневную оргию. Царь, гости и стадо боевых слонов накачивались вином и возбуждателями. Достигнув определенного уровня опьянения, все возжаждали крови, и тогда слонов выпустили на арену и направили на осужденных. Однако животные (гласит легенда), развернувшись, бросились на зрителей и стражников и многих затоптали насмерть. На Птолемея это произвело такое впечатление, что он освободил узников, восстановил их в правах и позволил расправиться с врагами.

Вальдетар, человек глубоко религиозный, слышал эту историю от своего отца и был склонен рассматривать ее с точки зрения здравого смысла. Если невозможно предсказать поведение пьяного человека, то еще менее вероятно предугадать поведение окосевших слонов. При чем тут божественное провидение? В истории и так хватало примеров, наводивших на Вальдетара ужас и заставлявших чувствовать свое ничтожество: предупреждение Ноя о потопе, расступившиеся воды Красного моря, спасение Лота из обреченно-

го Содома. Люди, считал Вальдетар, даже сефарды, во многом зависят от земных и водных стихий. Случайно происходит катаклизм или планируется заранее, – Бог нужен, чтобы уберечь людей от беды.

Шторм и землетрясение лишены разума. Душа не может общаться с бездушной стихией. Может только Бог.

Однако у слонов душа есть. Любой, кто способен надраться, считал Вальдетар, должен иметь душу. Возможно, в этом вся суть понятия «душа». А общение душ входит в сферу деятельности Господа опосредованно: на него влияет либо фортуна, либо добродетель⁶⁸. На ипподроме евреев спасла фортуна.

Случайный пассажир видел в нем лишь часть интерьера экспресса, но внутренняя жизнь Вальдетара была туманным сплетением философии, воображения и постоянной тревоги за взаимоотношения не только с Богом, но и с Нитой, детьми, а также с историей. История, не прилагая к тому особых усилий, оставалась грандиозной насмешкой над посетителями мира Бедекера: туземцы и постоянные жители оказывались переодетыми людьми. Это хранилось в глубокой тайне, как и то, что статуи умеют говорить (хотя на рассвете песенки Мемнона Фиванского⁶⁹ порой были не слишком пристой-

⁶⁸ Имеется в виду теория Маккиавели о противодействии двух сил – *virtu* и *fortuna*. Эта теория подробно обсуждается в рассказе «Энтропия» и в гл. 7.

⁶⁹ Древние греки называли колоссами Мемнона статуи царя Аменофиса III в Фивах. Согласно легенде, когда богиня утренней зари Эос появлялась на горизонте, ее сын Мемнон начинал стонать и жаловаться, и звуки его голоса, походя-

ны), правительственные здания сходят с ума, а мечети занимаются любовью.

Пассажиры уселись, багаж погружен – поезд с трудом тронулся с места и двинулся навстречу восходящему солнцу – всего на четверть часа отставая от расписания. Дорога из Александрии в Каир шла по дуге, конец которой скрывался на юго-востоке. Но сначала поезд должен был повернуть на север и обогнуть озеро Мареотис. Пока Вальдетар собирал билеты в купе первого класса, поезд проезжал мимо богатых вилл и садов, где росли пальмы и апельсиновые деревья. И вдруг все это осталось позади. Вальдетар протиснулся мимо немца с голубыми линзами в глазах, увлеченно беседовавшего с арабом, и, входя в следующее купе, по пути на юг мельком увидел переход к смерти – пустыню. Древний Элевсин⁷⁰, могильный курган, подобный безобразному пятну на лице земли, какого никогда не видела богиня плодородия Деметра.

Проехав станцию Сиди-Габер, поезд наконец повернул на юго-восток, двигаясь так же неторопливо, как и солнце. В сущности, когда солнце достигнет зенита, – тут и Каир должен появиться. Через канал Махмудов въезжаем в ленивую пышную зелень дельты, и с берегов Мареотиса поднимают-

щего на звериный рев, приводили в трепет на всех, кто их слышал. В 130 г. н. э. жалобу Мемнона услышали император Адриан со своей супругой Сабиной. По приказу императора Септимия Севера верхняя часть статуй была восстановлена, и звук, доносившийся из статуй, пропал.

⁷⁰ Вообще-то Элевсинские мистерии в честь Деметры устраивались в Аттике.

ся вспугнутые тучи уток и пеликанов. В 1801-м, во время осады Александрии, англичане перекопали пустынный перешеек и, впустив в озеро воды Средиземного моря, рукотворным потопом уничтожили 150 деревень, стоявших на берегах. Вальдетар тешил себя мыслью, что водяные птицы, густо парящие в небе, были душами утопших феллахов. Что за чудеса скрыты на дне Мареотиса! Затерянный мир: дома, лагуны, фермы, водяные колеса – все в целости и сохранности.

Может, там нарвалы тянут плуги? А осьминоги крутят колеса мельниц?

Возле дамбы слонялись арабы, добывали соль, выпаривая озерную воду. Ниже по каналу стояли грузовые суденышки. Их паруса храбро белели под солнцем.

Под тем же солнцем беременная Нита сейчас, наверное, тяжело идет через их маленький дворик. Будет мальчик, надеялся Вальдетар. Тогда получится два на два. Женщин и так больше, чем мужчин; чего ради усугублять дисбаланс?

– Хотя я не против, – сказал он однажды, когда еще только ухаживал за Нитой (дело было в Барселоне, где он работал портовым грузчиком). – Господь это одобряет, верно? К примеру, Соломон и другие великие цари. Мужчина один, а жен несколько.

Великий царь! – вскричала она. – Кто? – И они расхохотались как дети. – Да ты одну крестьянку не сможешь прокормить.

Однако для молодого человека, собравшегося жениться,

это никакого значения не имеет. Собственно, поэтому Вальдетар вскоре влюбился в нее, и они оставались влюбленными после семи лет моногамного брака.

Нита, Нита... В мыслях он всегда видел ее сидящей в сумерках за домом, где плач детей заглушался свистом поезда на Суэц; где угольная пыль въедалась в кожу и расширяла поры, чему способствовали немалые нагрузки на сердце («Цвет лица у тебя становится все хуже, – говаривал Еальдетар. – Придется побольше уделять внимания прелестным молотым француженкам, которые вечно строят мне глазки». – «Отлично, – отпарировала она. – Завтра, когда булочник предложит мне переспать, я скажу ему об этом. Это его вдохновит»); где всякая ностальгия по Иберийскому побережью: кальмары, вывешенные сушиться; сети, растянутые утром и вечером над каждым очагом; песни и пьяные выкрики рыбаков и матросов, доносившиеся из маячившего поблизости пакгауза (слышите, слышите? Это голоса невзгод, которыми полны ночи всего мира), – все это исчезло, стало нереальным, перешло в символический план, как удар в аут или вздохи бездыханных тел, и теперь лишь притворялось, что обитает среди тыкв, огурцов, роз, одиноких пальм и портулака в их саду.

На полдороге к Даманхуру Вальдетар услышал в одном из купе детский плач. Заинтересовавшись, он заглянул внутрь. Девочка лет одиннадцати, англичанка, мокрые глаза искажены толстыми очками. Напротив разглагольствовал мужчина

лет тридцати. Второй, похоже, смотрел сердито, судя по побагровевшему лицу. Девочка прижимала к плоской груди камень.

– Разве ты никогда не играла с заводной куклой? – приглушенно доносился через приоткрытую дверь голос мужчины. – С куклой, которая все прекрасно умеет делать, потому что у нее внутри механизм. Она ходит, поет, прыгает через скакалку. Настоящие мальчики и девочки, как ты знаешь, плачут, плохо себя ведут, не желают слушаться. – Его худые длинные нервные руки спокойно лежали на коленях.

– Бонго-Шафтсбери, – начал второй. Бонго-Шафтсбери раздраженно отмахнулся.

– Иди сюда. Хочешь, я покажу тебе механическую куклу? Электромеханическую игрушку.

– А у вас есть...

Она напугана, подумал Вальдетар, ощущая прилив жалости и вспоминая своих дочерей. Черт бы побрал этих англичан.

– У вас она с собой?

– С собой. – Бонго-Шафтсбери улыбнулся и, подтянув рукав плаща, вынул запонку из манжеты. Закатав рукав рубашки, он протянул девочке обнаженную по локоть руку. На внутренней стороне предплечья в кожу был вшит черный и блестящий миниатюрный переключатель. Тумблер с двумя возможными положениями. Вальдетар отпрянул и заморгал. Тонкие серебряные проводки отходили от клемм вверх по

руке и исчезали под рукавом.

– Видишь, Милдред? Эти провода идут в мой мозг. Когда переключатель стоит в этом положении, я веду себя так, как сейчас. А если поставить вот так...

– Папа! – вскрикнула девочка.

– ... То я работаю на электричестве. Просто и ясно.

– Перестань, – сказал второй англичанин.

– Почему, Порпентайн? – И злобно: – Почему? Из-за нее? Тебя волнует се испуг, да? Или из-за себя самого?

Порпентайн, похоже, смутился и отступил.

– Не следует пугать ребенка, сэр.

– Ура. Снова общие принципы. – Безжизненные пальцы пронзили воздух. – Но наступит день, когда я, Порпентайн или кто другой застанет тебя врасплох. Ты проявишь любовь, ненависть или пусть даже незначительную симпатию. Я буду следить за тобой. Когда ты забудешься настолько, что допустишь человечность другого существа, увидишь его как личность, а не как символ, и тогда, возможно...

– Что такое человечность?

– Ответ очевиден, ха-ха. Человечность – это то, что надо искоренить.

Позади Вальдетара раздался шум. Порпентайн метнулся вперед и столкнулся с Вальдетаром. Милдред, сжимая свой камень, убежала в соседнее купе.

Дверь в тамбур была открыта. Перед нею толстый и румяный англичанин боролся с арабом, который ранее беседо-

вал с немцем. У араба был пистолет. Порпентайн осторожно двинулся к ним, выбирая удобный момент. Вальдетар, опомнившись, бросался разнимать драку. Прежде чем он подоспел, Порпентайн нанес арабу резкий удар в горло, прямо по кадыку. Араб рухнул на пол.

– Вот так, – подытожил Порпентайн. Толстый англичанин подобрал пистолет.

– Что случилось? – спросил Вальдетар наилучшим голосом слуги общества.

– Ничего. – Порпентайн выудил соверен. – Ничего, что нельзя уладить за этот соверен.

Вальдетар пожал плечами. Поддерживая араба с обеих сторон, они отвели его в купе третьего класса, велели проводнику присмотреть за ним (поскольку араб болен) и ссадить в Даманхуре. На горле у него синела отметина. Несколько раз он силился заговорить. Выглядел вполне больным.

После того как англичане наконец вернулись на свои места, Вальдетар впал в задумчивость, которая продолжалась и после Даманхура (где он вновь увидел араба беседующим с голуболинзым немцем): когда проехали сужающуюся дельту; когда вместе с солнцем вползли на Главный вокзал Каира; когда стайки ребятишек помчались вдоль поезда, выклянчивая бакшиш; когда девушки в синих хлопчатобумажных юбках, с налитыми солнцем коричневыми грудями, закрыв лица вуалями, поплелись к Нилу, чтобы наполнить водой кувшины; когда водяные мельницы и поблескивающие иррига-

ционные каналы уплыли за горизонт; когда феллахи развалились под шумами и когда быки – как и каждый день до этого – бродили и бродили вокруг хижин. Вершиной зеленого треугольника был Каир. Допустив, что поезд сюит неподвижно, а земля вертится, это примерно означало, что пустыни-близняшки – Ливийская и Аравийском, наползая слева и справа, неизбежно суживали плодородную и оживленную часть мира, пока не оставался лишь небольшой проход к ближайшему большому городу. Так и на Вальдетара накачивали мрачные мысли с унылым привкусом пустыни.

Если они те, за кого я их принимаю, то что же это за мир, в котором должны страдать дети?

Подразумевая, конечно, своих собственных: Маноэля, Антонию и Марию.

V

Пустыня медленно надвигается на его землю. Хоть он и не феллах, у него есть клочок земли. Был. Еще мальчиком он начал ремонтировать стену: замешивал раствор, таскал камни тяжелее, чем он сам, поднимал их, укладывал. Но пустыня по-прежнему наступает. Может, стена предает его, пропуская песок? Или в мальчика вселился джинн, который портит всю работу? Или наступление пустыни столь мощное, что его не остановить ни стене, ни мальчику, ни его мертвым родителям?

Нет. Пустыня захватывает землю. Это неизбежно, только и всего. Нет ни джинна, ни предательства стены, ни злого умысла пустыни. Ничего.

Скоро – совсем ничего. Скоро – только пустыня. Две козы задохнутся, роя мордами песок в поисках белого клевера. И ему уже не суждено пить их кислое молоко. Дыни гибнут под песком. И не будет больше летом случая угостить друзей прохладными абделавами, напоминающими формой трубы ангелов! Маис гибнет, и нет больше хлеба. Жена становится неласковой, дети растут хилыми. И он, мужчина, однажды ночью бежит из дома на то место, где была стена, поднимает и раскидывает воображаемые камни, клянет Аллаха, потом молит Пророка о прощении, и мочится на песок в надежде оскорбить то, что оскорбить невозможно.

Его находят утром в миле от дома, кожа посинела, он дрожит во сне, больше похожем на смерть, а на песке – замерзшие слезы.

И вот уже дом наполняется песком, словно нижняя половина песочных часов, которые никогда не будут перевернуты вновь.

Чем занимается человек? Оглянувшись, Джibraил бросил взгляд на своего пассажира. Здесь, в саду Эзбекия, даже середь бел.; дня стук копыт звучал гулко. Вы чертовски правы, англичане: человек приезжает в Сити и возит вас и всех прочих иностранцев, у которых есть земля, куда можно вернуться. Его семья ютится в комнатухе размером меньше ваших ватерклозетов, в арабской части Каира, где никто из вас не бывает, потому что там слишком грязно и нет ничего «любопытного». Где улицы такие узкие, что там не хватает места для тени идущего, – бесчисленные улочки, которых нет ни в одном путеводителе. Где дома громоздятся друг на друга так, что верхние окна противоположных домов едва не соприкасаются через улицу, закрывая солнце. Где золотых дел мастера живут в грязи и, поддерживая огонь в крохотных плавильных печах, изготавливают украшения для английских туристов.

Пять лет Джibraил ненавидел их. Ненавидел каменные дома и железные дороги, чугунные мосты и сверкающие окна отеля «Шепард» – это, как ему казалось, были лишь различные формы того мертвого песка, который заносил его

дом. «Город, – часто повторял Джибраил жене в моменты, когда уже признал, что пришел домой пьяным, но еще не начал орать на детей (пять крошечных существ, которые, как щенята, копошились в комнате без окон над брадобреем), – город – это пустыня – джибел – только в ином облике». Джибел, Джибраил. Может, ему стоит называть себя именем пустыни? Почему бы и нет?

Ангел Господень Джибраил диктовал Коран Мухаммеду, Пророку Его. Хорошая была бы шутка, если бы священная книга оказалась всего лишь итогом двадцатитрехлетнего внимания пустыне. Безмолвной пустыне. Если Коран – ничто, значит, Ислам тоже ничто. Значит, Аллах – выдумка, а Рай – пустая мечта.

– Приехали. Жди здесь. – Пассажир наклонился к нему, обдав запахом чеснока. Воняет как итальянец, но одет как англичанин. Какая жуткая физиономия: мертвая кожа белыми ошметками шелушится на обожженном лице. Они остановились у отеля «Шепард».

С полудня ездили по фешенебельному району города. От отеля «Виктория» (откуда его пассажир, как ни странно, вышел со стороны входа для прислуги) они поехали сначала в квартал Россетти, затем несколько остановок вдоль Муски, потом вверх на Рон-Пуэн, где Джибраил ждал англичанина, который на полтора часа исчез в прямом лабиринте Базара. У шлюхи был, надо полагать. Джибраил уже видел эту девочку, точно. Девушка из квартала Россетти, похоже копт-

ка. Невероятно большие подведенные глаза, слегка изогнутый нос с горбинкой, вертикальные складки у уголков рта, вышитая шаль, закрывающая волосы и спину, высокие скулы, кожа тепловато-коричневого оттенка.

Конечно, он уже возил ее. Лицо всплыло в памяти. Она была любовницей какого-то клерка в Британском консульстве. Как-то Джibraил заезжал с ней за юношей, который ждал ее напротив отеля «Виктория». В другой раз они ездили к ней. Хорошая память на лица помогала Джibraилу в работе. Можно было получить больше бакшиша, здороваясь с людьми, которых вез второй раз. Но разве их можно назвать людьми: пассажиры – это деньги. Какое ему дело до любовных утех англичан? Благотворительность – от чистого сердца или от похоти – такая же ложь, как и Коран. Ее не существует.

Или тот торговец в Муске, его он тоже знал. Торговец украшениями, который давал деньги махдистам ⁷¹, а теперь, когда их восстание было подавлено, боялся, что о его симпатиях узнают. Зачем англичанин заходит к нему? Он не купил никаких украшений, хотя пробыл в магазине почти час. Джibraил пожал плечами. Оба они болваны. Единственный Махди – это пустыня.

⁷¹ *Махдисты* – последователи Мохамеда Ахмеда, называвшего себя аль Махди (от арабского «тот, кого ждали», то есть мессия). Войны с махдистами продолжались с 1881 г. почти до конца XIX в. Важнейшим эпизодом этих войн был захват махдистами в 1885 г. столицы Судана – Хартума, который был отбит Китченером только в сентябре 1898 г., за несколько недель до времени действия этой главы.

Некоторые верили, что Мохамед Ахмед ⁷², Махлл 83-го года, не умер, но спит в пещере около Багдада.

И в Последний День, когда пророк Христос восстановит Ислам как мировую религию, Ахмед вернется к жизни, чтобы убить Даджжала, антихриста, у церковных ворот где-то в Палестине. Ангел Исрафил первым звуком трубы погубит всех живущих на земле, а вторым – воскресит мертвых.

Но Джibraил/Джибел, ангел пустыни, зарыл все трубы в песок. Пустыня сама по себе была убедительным пророчеством Последнего Дня.

Джibraил устало откинулся на сиденье своего обшарпанного фаэтона. Уставился на круп лошаденки. Зад задрипанной клячи. Он чуть не рассмеялся. Это и есть божественное откровение? Над городом навис туман.

Вечером он напьется с приятелем, торговцем смоквами, имени которого не знает. Этот торговец верил в Последний День, в сущности, видел его приближение.

– Слухи, – мрачно произнес он, улыбаясь женщине с шитыми зубами, которая с ребенком на руках шлялась по арабским кафе в поисках похотливых иностранцев.

– Политические сплетни.

– Политика – ложь.

– Далеко в Бахр-эль-Абиад, в языческих дебрях, есть ме-

⁷² Точнее, Мохамед Ахмед ибн Аль-Саид абд Аллах, глава восстания махдистов, убитый в июне 1885 г.

сто сод названием Фашода ⁷³. Там франки – англичане, французы – начнут великую битву, которая распространится повсюду и охватит весь мир.

– И труба Исафила призовет всех к оружию, – усмехнулся Джибраил. – Не выйдет. Исафил – выдумка, его труба – выдумка. Единственная истина – это... Это пустыня, пустыня. Вахиат абук! Господи, помилуй.

И торговец смоквами исчез в табачном дыму за новой порцией бренди.

Ничто не приближалось. «Ничто» уж; было здесь.

Вернулся англичанин с гангренозным лицом. За ним из отеля вышел его толстый приятель.

– Я заждался, – весело позвал пассажир.

– Ха-ха. Завтра вечером я иду с Викторией в оперу. И уже в экипаже:

– К аптеке около «Лионского кредита».

Джибраил понуро взялся за поводья.

Быстро приближалась ночь. Туман скроет звезды. Бренди будет кстати. Джибраил любил беззвездные ночи. Казалось, будто наконец должен открыться великий обман...

⁷³ *Фашода* – город в Египетском Судане. В июле 1898 г. оккупирован французской армией под командованием генерала Маршана. 18 сентября 1898 г. к Фашоде подошла англо-египетская армия под командованием Китченера. Т. н. «Фашодский инцидент (или кризис)» чуть было не привел к мировой войне; в этом случае Россия вступила бы в войну на стороне Франции, а Германия, Австрия и Италия – на стороне Англии. Кризис продлился до 1905 г., когда между Англией и Францией были заключены союзнические отношения и создана Антанта.

VI

Три часа утра, на улицах ни души, пора фокуснику Джирджису уделить время своему ночному призванию – грабежу.

Ветерок шевельнул акации – и тишина. Джирджис шуршал в кустах позади отеля «Шепард». В дневное время он вместе с группой сирийских акробатов и трио из Порт-Саида (цимбалы, нубийский бубен и камышовая дудка) выступал под открытым небом возле канала Исмаила и в трущобах неподалеку от бойни абассидов. Балаган. У них были качели и устрашающая карусель для детей, заклинатель змей и лоточник со всякой всячиной: жареными зернами абделава, лимонами, патокой, лакричной водой или оранжадом и мясным пудингом. Зрителями, как правило, были дети Каира и эти взрослые дети Европы – туристы.

Бери от них днем, бери у них ночью. Вот только ломота в костях последнее время дает себя знать. Фокусы с шелковым платком, со складными ящичками, с вынутой из кармана волшебной мантией, украшенной по краям иероглифами, скипетрами, клюющими ибисами, лилиями и солнцами, – и жонглирование, и воровство требуют ловкости рук и костей из резины. Но эта клоунада все испортила. Кости твердеют. Они должны быть гибкими, а эти – прямо каменные стержни, покрытые плотью. Оно и понятно, если прыгаешь с вершины пестрой пирамиды из сирийцев, в падении почти все-

рьез подвергая себя смертельному риску; или когда стоишь внизу и держишь ее с таким напряжением, что вся конструкция шатается и грозит обрушиться, отчего на лицах остальных появляется насмешливо-испуганное выражение. А дети тем временем смеются, взвизгивают и замирают, закрывая глаза от восторга. Вот единственная настоящая награда – видит Бог, не деньги, считал Джирджис, а реакция детей. Вознаграждение фигляра.

Хватит, хватит. Сейчас закончу здесь, решил он, – и в постель, как можно скорее. Недавно он взобрался на эту пирамиду таким вымотанным, что все рефлексy притупились, и, падая, он без всякого притворства едва не свернул себе шею. Джирджис вздрогнул под ветром, шелестевшим в акациях. Вверх, приказал он телу. Вверх. Вон к тому окну.

Он поднялся почти до половины, прежде чем заметил конкурента. Еще один комик-акробат вылез из окна десятью футами выше листвы, в которой притаился Джирджис.

Спокойно. Посмотрим на его технику. Учиться никогда не поздно. В профиль у него лицо какое-то странное. Или это просто свет уличных фонарей? Встав на узкий карниз, человек стал дюйм за дюймом карабкаться к углу здания. Через несколько шагов остановился и принялся мять лицо. Что-то белое и тонкое порхнуло вниз, в кусты.

Кожа? Джирджис снова вздрогнул. Должно быть, какая-то болезнь, тоскливо подумал он.

К углу карниз неожиданно сузился. Вор покрепче при-

жался к стене. Добрался до угла. И когда стоял, перенес ногу на другую сторону, словно разделенный пополам от бровей до живота, то вдруг потерял равновесие и сверзился вниз. Падая, выкрикнул непристойное английское ругательство. Затем с треском рухнул в кустарник, перевернулся и некоторое время лежал тихо. Вспыхнула и погасла спичка, остался пульсирующий огонек сигареты.

Джирджис проникся симпатией. Однажды такое может случиться и с ним, прямо на глазах у детей, и маленьких, и больших. Если бы он верил в приметы, то бросил бы сегодняшнюю затею и вернулся в палатку, которую они поставили возле бойни. Но как можно рассчитывать выжить при ежедневных прыжках с точностью до тысячных долей? «Фокусник – умирающая профессия, – думал Джирджис в моменты просветления. – Все нормальные люди идут в политику».

Англичанин отбросил сигарету, встал и полез на ближайшее дерево. Джирджис сидел, бормоча древние проклятия. Он слышал, как англичанин, пыхтя и разговаривая с собой, вскарабкался по ветке, выпрямился и, покачиваясь, заглянул в окно.

Секунд через пятнадцать до Джирджиса с дерева отчетливо донеслось: «Толстовата немного». Появился еще один сигаретный огонек, затем внезапно описал короткую дугу и застрял несколькими фугами ниже. Англичанин держался за хлипкую ветку одной рукой.

Это смешно, подумал Джирджис.

Крак. Англичанин снова шлепнулся в кусты. Заинтригованный Джирджис встал и направился к нему.

– Бонго-Шафтсбери? – спросил англичанин, услышав шаги Джирджиса. Он лежал, глядя в беззвездное небо, и машинально обдирал с лица чешуйки мертвой кожи. Джирджис остановился в нескольких шагах.

– Пока нет, – продолжил англичанин. – Пока что ты ничего не понял. Они там, наверху, в моей постели. Гудфеллоу и эта девчонка. Мы вместе целых два года, и я не могу даже сосчитать всех девчонок, с которыми он это проделал. Словно любая европейская столица была для него Маргейтом⁷⁴ и любая прогулка растягивалась на целый континент.

И он запел:

*Другую девчонку я в Брайтоне видел с тобой,
Так кто же, скажи мне, подружка твоя?*

Псих, с жалостью подумал Джирджис. Солнце не только сожгло ему кожу на морде, но и выжгло мозги.

– Она будет его «любить», неважно, в каком смысле этого слова. А он ее бросит. Думаешь, меня это волнует? Партнерш надо использовать как инструменты, со всеми их характерными особенностями. Я читал досье Гудфеллоу, я знаю, что говорю... Впрочем, возможно, солнце и то, что

⁷⁴ *Маргейт* – курортный город в графстве Кент на юго-востоке Англии.

случилось на Ниле, а также этот выключатель у тебя на руке для выбрасывания ножа – вот уж чего не ожидал, – испуганная девочка, а теперь еще... – он показал на окно, – все это выбило меня из колеи. У каждого свой предел. Убери револьвер, Бонго-Шафтсбери, – там только наш славный парень – и жди, просто жди. Она все еще безлика и взаимозаменяема. Боже, кто знает, скольких из нас принесут в жертву на будущей неделе? О ней я меньше всего беспокоюсь. О ней и о Гудфеллоу.

Как мог Джирджис его успокоить? Английский он знал плохо, понял лишь половину слов. Псих лежал не двигаясь и все время пялился в небо. Джирджис открыл было рот, но подумал получше и потихоньку отступил. Он вдруг осознал, насколько устал, как измотала его эта каждодневная акробатика. Не окажется ли однажды эта чужая фигура на земле им самим?

Старею, подумал Джирджис. Видел собственный призрак. И все же надо в любом случае наведаться еще в Отель-дю-Нил. Туристы там не так богаты, но каждый делает что может.

VII

Биерхалле к северу от сада Эзбекия был создан туристами Северной Европы на собственный лад. Как еще одно напоминание о доме среди темнокожих аборигенов и тропической растительности. Но получился он таким немецким, что, по сути дела, был пародией на родной дом.

Ханну держали на работе только потому, что она была толстушкой и блондинкой. Миниатюрная брюнетка с юга, проработав какое-то время, была уволена, поскольку вид у нее был недостаточно немецкий. У крестьянки из Баварии – и недостаточно немецкий вид! Причуды Беблиха, владельца пивной, вызывали у Ханны лишь легкое похихатывание. С молоком матери впитав терпеливую покорность судьбе, Ханна, работавшая официанткой с тринадцати лет, усвоила и довела до совершенства безграничное коровье спокойствие, благодаря которому прекрасно чувствовала себя в атмосфере разгульного пьянства, любви на продажу и всепроникающей скуки, царившей в биерхалле.

К парнокопытным этого мира – мира туристов, по крайней мере, – любовь приходит и, пройдя своим чередом, уходит, насколько это возможно, необременительно. Такой была и любовь Ханны к торговцу Лепсиусу, продавцу дамских украшений, как он себя называл. У кого ей было спросить совета? Пройдя через это (как она выражалась), Ханна, усвоив-

шая нравы бесчувственного мира, прекрасно знала, что мужчины одержимы политикой почти так же, как женщины – за мужеством. Знала, что биерхалле – это нечто большее, чем место, где можно выпить или подцепить женщину, и что в число завсегдатаев этого заведения входят личности, явно чуждые образу жизни, исповедуемому Карлом Бедекером.

Библих пришел бы в ярость, увидев ее любовника. Сейчас, в период затишья между обедом и серьезной пьянкой, Ханна по локоть в мыльной воде возилась на кухне. Внешность Лепсиуса явно была «недостаточно немецкой». На пол головы ниже Ханны, тонюсенькие ножки и ручки, а глаза такие чувствительные, что даже в полумраке заведения Библиха он носил темные очки.

– У меня в городе появился конкурент, – поведал он ей, – который по дешевке сбывает второсортный товар. Это неэтично, понимаешь?

Она кивнула.

Что ж, если он прядет... все, что ей удастся подслушать... темные дела... не то чтобы он хотел подставить женщину, но...

Ради его слабых глаз, его громкого храпа, его мальчишеских наскоков на нее и долгих содроганий в объятиях ее толстых ног... Конечно, она готова выследить любого «конкурента». Англичанина, которой сильно обжег лицо на солнце.

В течение дня, начиная с неспешных утренних часов, ее слух, казалось, становился все острее. Так что к полудню сре-

ди бедлама, в который плавно превратилась кухня, – ничего особенного: несколько задержанных заказов, разбитая тарелка, сотрясая ее нежные барабанные перепонки, – Ханна сумела услышать, пожалуй, больше, чем предназначалось для ее ушей. Фашода, Фашода... Это слово шуршало в пивной Беблиха, словно ядовитый дождь. Даже лица у всех изменились: шеф-повар Грюне, бармен Венгер, Муса и мальчик, которые подметали пол, Лотта, Еза и другие девушки – казалось, они обрели загадочный вид и все время старались скрыть некие тайны. Даже обычный шлепок по заднице, которым Беблих удостаивал проходящую мимо Ханну, таил в себе нечто зловещее.

Все это воображение, говорила сна себе. Ханна была девушкой практичней и не склонной к фантазиям. Неужели это побочные явления любовной лихорадки: неожиданные видения, несуществующие голоса, затрудненное жевание и переваривание пищи? Это беспокоило Ханну, которая считала, что знает про любовь все. Лепсиус был совершенно другим: никакой не первосвященник бизнеса – спокойнее, слабее, ничуть не загадочнее и не примечательнее, чем любой из дюжины незнакомцев.

К черту мужчин с их политикой. Она для них, наверное, вроде секса. Они даже пользуются одним словом для обозначения того, что мужчина делает с женщиной, и того, что делает добившийся успеха политик со своим менее удачливым оппонентом. Какое ей дело до Фашоды, Китченера, Марша-

ка, или как их там, тех двоих, которые «встретились» – для чего? Ханна затряслась от смеха. Ей представилось, для чего они встретились.

Побелевшей от мыла рукой она откинула назад прядь желтых волос. Странно, как кожа обесцвечивается, набухает и белеет. Похоже на проказу. Начиная с полудня на кухне тревожно зазвучал мотив болезни, наполовину приглушенный отзвук мелодии каирского дня: Фашода, Фашода – это слово отдавалось в голове смутной болью, вызывая ассоциации с жуткими дебрями, причудливыми микроорганизмами и приступами лихорадки, но отнюдь не любовной (только эта лихорадка была знакома Ханне, отличавшейся отменным здоровьем), а вообще какой-то нечеловеческой. Было это вызвано переменной света или на коже людей действительно начали появляться пятна – признаки болезни?

Она сполоснула и поставила последнюю тарелку. Нет. Пятно. Тарелка снова отправилась в раковину. Ханна потеряла пятно, потом снова посмотрела на тарелку, повернув ее к свету. Пятно осталось. Едва заметное. Приблизительно треугольной формы, оно шло почти от центра и кончалось примерно в дюйме от края тарелки. Коричневатого цвета, смутные очертания едва просматривались на вялой белизне поверхности. Ханна повернула тарелку еще на несколько градусов к свету, и пятно пропало. Удивившись, она наклонила голову, чтобы разглядеть его под другим углом. Пятно на миг возникло из небытия и исчезло. Ханна обнаружила, что если

сфокусировать взгляд на чем-нибудь за тарелкой, то пятно остается на месте, хотя его форма начинает меняться, принимая очертания то полумесяца, то трапеции. Она раздраженно опустила тарелку обратно в воду и нашла среди кухонной утвари под раковиной щетку жестче.

Существовало ли пятно на самом деле? Ей не нравился его цвет. Цвет ее головной боли – бледно-коричневый. Это лишь пятно, сказала она себе. Только и всего. И яростно потерла. С улицы в пивную потянулись любители пива.

– Ханна, – позвал Беблих.

Господи, неужели оно никогда не отмоется? Отчаявшись, она поставила тарелку к остальным. Однако теперь ей показалось, что пятно размножилось и отпечаталось на сетчатке ее глаз.

Быстрый взгляд на прическу в осколок зеркала над раковиной; затем ее лицо осветилось улыбкой, и Ханна появилась в зале, готовая обслужить своих соотечественников.

И разумеется, первое, что она увидела, было лицо «конкурента». Ее даже передернуло. Красно-белые пятна, висящие клочья кожи... Он что-то оживленно обсуждал с Варкумяном, сутенером, которого она знала. Ханна приступила к своим рейдам.

– ... Лорд Кромер не допустил бы катастрофы... ⁷⁵

⁷⁵ Ивлин Барринг, *лорд Кромер* (1841 – 1917) – британский дипломат и политический деятель, бывший генеральным консулом и фактическим правителем Египта в 1883 – 1907 гг. В частности, благодаря ему было подавлено восстание махдистов в 1887 г.

– ... Сэр, все шлюхи и наемные убийцы в Каире...
Кто-то наблевал в углу. Ханна бросилась вытирать.

– ... Если они убьют Кромера...

– ... Плохо дело, отсутствие генерального консула...

– ... Все развалится...

Любовные объятия одного из клиентов. Беблих подошел, излучая дружелюбие.

– ... Любой ценой обеспечить его безопасность...

– ... В этом дрянном мире способные люди сидят в...

– ... Бонго-Шафтсбери попытается...

– ... В опере...

– ... Где? Только не в опере...

– ... Сад Эзбекия...

– ... Опера... «Манон Леско»...

– ... Кто сказал? Я ее знаю... Коптка Зенобия...

– ... Кеннет Слайм у девушки из посольства...

Любовь. Ханна прислушалась.

– ... Узнал от Слайма, что Кромер не принимает никаких мер предосторожности. Боже мой, мы с Гудфеллоу прибыли сегодня утром под видом ирландских туристов; на нем была затрапезная светлая шляпа с шемроком, а у меня рыжая борода. Нас буквально вышвырнули на улицу...

– ... Никаких предосторожностей... О Боже...

– ... Господи, с шемроком... Гудфеллоу хотел бросить бомбу...

– ... Как будто ничто не может его разбудить... Он что,

не читает...

Долгое ожидание у стойки, пока Вернер и Муса нацедят очередную кружку. Треугольное пятно витало над толпой, как разделяющиеся языки в день Пятидесятницы ⁷⁶.

- ... Теперь, когда они встретились...
- ... Они остановятся, я полагаю, вокруг...
- ... Джунгли вокруг...
- ... Будут ли там, по-вашему...
- ... Если начнется, то вокруг... Где?
- Фашода.
- Фашода.

Ханна, не останавливаясь, прошла через зал к двери и вышла на улицу. Грюне, официант, нашел ее через десять минут; она стояла, прислонившись к витрине, уставившись влажными глазами в ночной сад.

- Пойдем.
- Что такое Фашода, Грюне? Он пожат плечами:
- Город. Как Мюнхен, Веймар, Киль. Только в джунглях.
- Тогда при чем здесь женские украшения?
- Пошли. Нам одним не управиться с этой толпой.
- Там что-то есть. Видишь? Летит над парком. Из-за ка-

⁷⁶ См. Деяния 2:1-4: «При наступлении дня Пятидесятницы все они были единомысленно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильно-го ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещать».

нала донесся гудок ночного экспресса, шедшего в Александрию.

– Битте...

Наверное, какая-то общая ностальгия – тоска по родным городам, по поезду или, может, только по его гудку? – на мгновение задержала их на месте. Затем Ханна пожала плечами, и они вернулись в биерхалле.

На месте Варкумяна сидела девушка в цветастом платье. Прокаженный англичанин, похоже, был чем-то взволнован. С неистощимой энергией жвачного животного Ханне, закатив глаза, бросилась грудью на средних лет банковского клерка, сидевшего с приятелями за столиком рядом с интересующей ее парой. Получила и приняла приглашение присоединиться к компании.

– Я шла за тобой, – сказала девушка. – Папа умрет, если узнает. – Ханна видела ее лицо, наполовину скрытое в тени. – О мистере Гудфеллоу.

Молчание. Затем:

– Твой отец сегодня был в немецкой церкви. А мы сейчас сидим в немецкой пивной. Сэр Аластэр слушал, как кто-то исполняет Баха. Как будто Бах – это все, что у нас осталось. – Снова молчание. – Так что, возможно, он знает.

Сна склонила голову, на верхней губе – усы от пивной пены. На миг наступило странное затишье, которое иногда возникает в комнатах с повышенным уровнем шума; и посреди этого мгновения прозвучал гудок александрийского экс-

пресса.

– Ты любишь Гудфеллоу, – сказал он.

– Да, – ответила она почти шепотом. – Как бы там ни было, я догадалась. Можешь мне не верить, но я должна признаться. Это правда.

– Чего ты в таком случае хочешь от меня? Нервно вращая кольца на пальцах:

– Ничего. Только понимания.

– Как ты можешь... – взорвался он. – Неужели ты не знаешь, что мужчины гибнут ради того, чтобы кого-то «понять»? Так, как ты этого хочешь. У тебя в семье сплошные психи, да? И они удовлетворятся только сердцем, глазами и печенью?

Это не про любовь. Ханна извинилась и отошла. И не про мужчину/женщину. Пятно преследовало ее. Вечером она все выскажет Лепсиусу. Ей хотелось лишь одного: сорвать с него очки, бросить их на пол и растоптать, увидеть его мучения. Какое бы это ей доставило удовольствие.

Так думала кроткая Ханна Эхерце. Неужели из-за Фашоды весь мир сошел с ума?

VIII

Коридор выходит к четырем ложам с занавешенными входами, расположенными прямо над партером на верхнем ярусе летнего театра в саду Эзбекия.

Человек в синих очках, пробежав через коридор, поспешно скрывается во второй ложе. Красные занавесы из тяжелого бархата беспорядочно колыхнутся после его исчезновения. Вскоре тяжесть бархата гасит колебания. Висят спокойно. Проходит десять минут.

Двое мужчин сворачивают за угол возле аллегорической статуи Трагедии. Их башмаки попирают алмазно сверкающих единорогов и павлинов, которые повторяются по всей длине ковра. Лицо одного из них трудно различить под маской белого шелушения, которое сглаживает и слегка изменяет черты. Другой выглядит здоровяком. Они входят в ложу, смежную с той, в которой скрылись синие очки. Наружный свет, свет позднего лета, падает сквозь единственное окно, окрашивая статую и фигурно вытканый ковер в монохромно-оранжевый цвет. Тени сгущаются. Кажется, что воздух тоже насыщен неопределенным цветом, возможно оранжевым.

Затем в холле появляется девушка в цветастом платье и входит в ложу, занятую двумя мужчинами. Через несколько минут выбегает вся в слезах. Здоровяк бежит за ней. Оба

скрываются из поля зрения.

Полная тишина. Тем неожиданнее из-за занавеса появляется красно-белолицый человек с пистолетом наготове. Из ствола идет дымок. Человек входит в соседнюю ложу. В скором времени он и человек в синих очках высовываются из-за тяжелой ткани и, борясь, падают на пол. Ниже пояса они все еще скрыты занавесом. Человек с белочешуйчатым лицом срывает с противника синие очки, ломает их надвое и бросает на пол. Противник зажмуривается и норовит отвернуть голову от света.

В конце коридора возникает еще один человек. Позади него окно, и он выглядит как тень. Белолицый, бросив очки, силится повернуть расprostертого противника к свету лицом. Человек в конце коридора делает неуловимый жест правой рукой. Второй смотрит в его сторону и приподнимается. Правая рука человека в тени озаряется вспышкой пламени. Еще вспышка. Еще. Оранжевое пламя ярче оранжевого света солнца.

Картина должна медленно померкнуть. Должна также протянуться невидимая пить от глаз стреляющего к глазам получившего пулю.

Скрюченное тело падает. Лицо в белых чешуйках вырисовывается ближе. Мертвое тело точно вписывается в пространство, на котором сосредоточен взгляд.

Глава четвертая, *в которой Эстер исправляет нос*

Вечером, чопорно сдвинув бедра на заднем сиденье пригородного автобуса, Эстер то уделяла внимание криминогенному пустырю за окном, то переключалась на чтение «В поисках Брайди Мэрфи»⁷⁷ в мягкой обложке. Книгу написал некий бизнесмен из Колорадо, дабы поведать людям о жизни после смерти. В своем трактате он затрагивал метемпсихоз, целительное действие веры, экстрасенсорную перцепцию и прочие туманные понятия метафизики двадцатого столетия, которые мы нынче ассоциируем с городом Лос-Анджелесом и подобными регионами.

Водитель был нормальный; пригородного миролюбивого типа. Проезжая меньше светофоров и останавливаясь реже, чем шоферы городских маршрутов, он мог позволить себе быть добродушным. Портативный радиоприемник, висев-

⁷⁷ «В поисках Брайди Мэрфи» – книга М. Бернстейна о том, как некая Вирджиния (!) Тай под гипнозом заявила, что в прошлой жизни была ирландкой по имени Брайди Мэрфи. Будучи под гипнозом, Вирджиния Тай пела ирландские песни и говорила по-ирландски. «В поисках Брайди Мэрфи» стала бестселлером, была экранизирована в 1956 г. Эта книга ознаменовала начало бума, связанного с попытками вычислить свои предыдущие инкарнации. Впоследствии, однако, появились данные, показывающие, что на самом деле Вирджиния под гипнозом вспоминала свою соседку-ирландку Брайди Мэрфи Коркелл, которую она знала маленькой девочкой.

ший у него на рулевом колесе, был настроен на волну WQXR⁷⁸. На водителя и пассажиров изливалась слащавая увертюра из «Ромео и Джульетты» Чайковского. Когда автобус пересек Колумбус-авеню, безликий правонарушитель метнул в него камень. Вслед понеслись крики на испанском. В ответ, несколькими кварталами ближе к центру, прозвучал не то выстрел, не то сильный выхлоп. Но заключенная в десятках черных символов вечная драма любви и смерти, обретая жизнь в дрожащих струнах и вибрирующих потоках воздуха, проходя через преобразователи, катушки и конденсаторы, продолжала разворачиваться совершенно независимо от данного времени и места.

Автобус въехал в странно пустынные окрестности Центрального парка. Вот здесь, под кустами, подумала Эстер, все и происходит: мордобои, изнасилования, убийства. Она и ее мир ничего не знали о Парке после захода солнца. Негласное соглашение оставляло эту территорию полицейским, преступникам и извращенцам всех мастей.

Возможно, Эстер была телепаткой и могла настраиваться на то, что происходит вокруг. Но она предпочитала не думать об этом. Наверное, считала она, в телепатии не только сила, но и много боли. И потом, кто-нибудь может постучать в твое собственное сознание, а ты и знать не будешь. (Разве Рэйчел не подслушивала по параллельному телефону?)

Украдкой она деликатно тронула кончик своего нового

⁷⁸ WQXR – Нью-йоркская FM-радиостанция.

носа. Эта привычка появилась у нее совсем недавно. Не столько продемонстрировать нос тому, кто на нее сейчас, может быть, смотрит, сколько убедиться, что он пока еще на месте. Автобус выехал из Парка на безопасную и яркую Ист-Сайд, под огни Пятой авеню. Огни напомнили Эстер, что завтра она идет в магазин «Лорд и Тэйлор»⁷⁹, где видела платье за 39 долларов и 95 центов, которое понравилось ему.

Ну и смелая же я девочка, подбодрила она себя, раз пробирюсь сквозь тьму кромешную и беззакония, чтобы навестить Любовника.

Она выбралась на Первую авеню и зацокала каблучками по тротуару навстречу окраинам и, возможно, мечте. Вскоре она повернула направо и выудила из кошелька ключ. Нашла дверь, отперла и вошла. В комнатах никого не было. Под зеркалом два золотых бесенка танцевали все тот же непристойный и неритмичный танец. За операционной (сентиментальный взгляд вскользь через открытую дверь на стол, где ей изменили лицо) была маленькая каморка, а в ней кровать. Он лежал, яркий параболоид света от лампочки для чтения ореолом очерчивал его голову и плечи. Он открыл глаза – она раскрыла объятия.

– Ты сегодня рано, – сказал он.

– Я опоздала, – ответила она. Уже вышагивая из юбки.

⁷⁹ «Лорд и Тэйлор» – сеть дорогих универсальных магазинов; наиболее известный находится в центре Манхэттена, в Нью-Йорке. Специализируется на продаже коллекций одежды американских модельеров.

I

В отношении (к) своей профессии Шенмэйкер был консервативен и сравнивал ее с искусством Тальякоцци⁸⁰. Его методы – хоть и не столь примитивные, как у этого итальянца XVII столетия, – отличались некой сентиментальной отсталостью, и потому Шенмэйкер никогда не шел в ногу со временем. Внешне он изо всех сил старался походить на Тальякоцци: брови сделал тонкими и полукруглыми, носил курстистые усы и бородку клинышком, а иногда даже надевал ермолку, сохранившуюся со школьных лет.

Стимулом ему, как и всей этой отрасли, послужила мировая война. В семнадцать лет, будучи ровесником века, он отпустил усы (которые никогда потом не сбрасывал), приврал насчет возраста, изменил имя и погрузился на зловонный военный транспорт, чтобы летать (как он думал) над разрушенными шато и изуродованными полями Франции и ввязываться в драку с фрицами загримированным под безухого енота, – отважный Икар.

Ну, в воздух малышу подняться не дали, но сделали его механиком, что было даже больше, чем он рассчитывал. Ему хватило. Он познал самое нутро не только «дженни», «бре-

⁸⁰ *Тальякоцци*, Гаспаро (1546 – 1599) – итальянский хирург, разработал метод исправления повреждений носа путем пересадки кожи с РУК.

ге»⁸¹ и бристольтских истребителей, но и летчиков, которые действительно поднимались в воздух и которыми он, само собой, восхищался. В их дивизионе всегда присутствовал некий феодально-гомосексуальный элемент. Шенмэйкер ощущал себя мальчиком на побегушках. С тех пор, как известно, разгул демократии привел к тому, что неуклюжие летательные машины эволюционировали в «системы вооружения» неслыханной для тех времен сложности; поэтому сегодня высокопрофессионального техника-ремонтника приходится уважать не меньше, чем экипаж, который он обслуживает.

Но тогда это была чистая и отвлеченная страсть, написанная у Шенмэйкера на лице. Частично этому способствовали усы: его нередко принимали за пилота. В нерабочее время он, бывало, для большего сходства повязывал на шею шелковый платок, который раздобыл в Париже.

Война была как война. Некоторые люди – с жесткими или мягкими лицами, гладко причесанные или лысые – никогда не возвращались. Молодой Шенмэйкер относился к этому с гибкостью юношеского обожания: изменчивая привязанность вынуждала его грустить и упрямиться до тех пор, пока он не ухитрился примерить на себя новое обличье. В каждом случае потеря была столь же смутной, как и выражение

⁸¹ «Дженни» – самолет-корректировщик, созданный в 1916 г. Г. Х. Кертисом (1878 – 1930), знаменитым американским летчиком и авиаконструктором; «Бреге» – французский самолет-разведчик, созданный в 1914 г. Использовались во время Первой мировой войны.

«умирает любовь». Они улетали, и небеса проглатывали их. Кроме Эвана Годольфина. Этот тридцатипятилетний офицер войск связи, временно прикомандированный к американцам, участвовал в разведывательных полетах над плато Аргонн, олицетворял собой фатоватое пренебрежение ранних авиаторов к крайностям войны, которые в контексте того исторического времени казались вполне естественными. В этой среде окопов не было вообще; воздух был свободен от газовой заразы и от гниющих трупов товарищей. Бойцы обеих сторон могли позволить себе пить шампанское и швырять бокалы в величественные камины захваченных усадеб; могли в высшей степени учтиво обращаться с пленниками; могли твердо придерживаться дуэльного кодекса в смертельной схватке. Короче, осуществляли на практике весь вздор XIX века о том, каким следует быть джентльмену на войне. Эван Годольфин носил летный плащ, сшитый на Бонд-стрит, и частенько, направляясь к своему французскому истребителю, неуклюже пересекал полосы временного аэродрома, чтобы остановиться, сорвать одинокую маргаритку, уцелевшую под ураганами осени и немецкими бомбежками (вспоминая при этом, разумеется, стихотворение «Поля Фландрии»⁸², напечатанное в «Панче» три года назад, когда окопная война еще была окрашена в идеалистические тона), и поместить его на

⁸² точнее – «В полях Фландрии», стихотворение канадского поэта Джона Макрэ, написанное в 1915 г. и ставшее самым знаменитым стихотворением о Первой мировой войне.

безупречный лацкан.

Годольфин стал кумиром Шенмэйкера. Редкие знаки внимания – мимолетное приветствие, слово «молодец» перед полетом, за подготовку которого отвечал юный механик, скупая улыбка – все тщательно сохранялось в памяти. Возможно, Шенмэйкер чувствовал, что скоро наступит конец и этой безответной любви. Ведь скрытое ощущение смерти всегда «запутывает» положение и усиливает удовольствие.

Конец наступил довольно быстро. Дождливый вечером, к концу битвы на реке Маас близ Аргонна, искалеченный самолет Годольфина внезапно материализовался из серого сумрака, вихля завалился на крыло, снизился и скользнул, как бумажный змей в воздушном потоке, на взлетно-посадочную полосу. Промаяхнул на сотню ярдов. К моменту падения туда уже бежали солдаты и санитары с носилками. Шенмэйкер случайно оказался неподалеку и следовал за ними, не имея представления о случившемся, пока не увидел кучу уже вымокших под дождем обломков и тряпок, из которых навстречу медперсоналу медленно высунулась самая жуткая пародия на человеческое лицо, принадлежащее живому трупу. Кончик носа снесло начисто, шрапнелью разорвало щеку и наполовину разворотило подбородок. Глаза остались целы, но ничего не выражали.

Шенмэйкер, должно быть, на время потерял голову. Потом он смутно припоминал, что, возвращаясь на пункт первой помощи, пытался убедить врачей взять его собствен-

ный хрящ. Врачи решили, что Годольфин выживет. Но лицо ему придется восстанавливать. С другой стороны, подобная жизнь для молодого офицера невообразима.

Нынче, к счастью, область пластической хирургии попала под действие закона спроса и предложения. В 1918-м случай Годольфина был едва ли не уникальным. Способы восстановления формы носа были известны с пятого столетия до нашей эры, метод Тирша для пересадки тканей применялся уже около сорока лет. За время войны – в силу необходимости – развилась новая технология, которую стали применять терапевты, отоларингологи и даже один-два спешно мобилизованных гинеколога. Были разработаны новые методы, которые стали достоянием молодых врачей. Жертвы их неудачных операций составили целое поколение уродов и отверженных, которые вместе с теми, кого вообще не коснулась эта восстановительная хирургия, слились в тайное и жуткое послевоенное братство. Ни одно из нормальных условий они не устраивали – и куда же все они подевались?

(Некоторых из них Профейн встречал под землей. Иных можно было увидеть на перекрестках в сельской местности по всей Америке. Профейн видел: выйдя на очередную дорогу и вдыхая выхлопы дизелей давно ушедших грузовиков – будто проходя сквозь призрак, – он вдруг справа по ходу замечал вот такого бедолагу, маячившего как столб. Хромота могла обозначать протез или барельеф переплетенных на ноге шрамов – сколько женщин, бросив взгляд, отшатыва-

лись в испуге? – рубец на горле был скромно прикрыт, словно безвкусный и кричащий военный орден, а язык, высунутый из дыры в щеке, как из второго рта, никогда не выдавал тайн.)

Одним из таких должен был стать и Эван Годольфин. Доктор был молодым парнем с собственными идеями, которым не было места в американском экспедиционном корпусе. Он носил фамилию Халидом и был сторонником операций пересадки – то есть имплантации инертных веществ в живые ткани лица. В то время считалось, что единственно безопасной является пересадка хряща или кожи, взятых исключительно из тела самого пациента. Шенмэйкер, тогда полный невежда в медицине, предложил собственный хрящ, но дар был отвергнут; методика пересадок внушала доверие, и Халидом не видел никакой необходимости госпитализировать двух человек вместо одного.

Таким образом, Годольфин получил переносицу из слоновой кости, скулу из серебра и парафиново-целлулоидный подбородок. Через месяц Шенмэйкер навестил его в госпитале – там он увидел Годольфина в последний раз. Реконструкция удалась полностью. Годольфин получил назначение в Лондон на малопонятную административную должность и говорил о себе мрачно-легкомысленно.

– Смотри хорошенько. Это все продержится не более шести месяцев. – Шенмэйкер поперхнулся, – Вон там, видишь? – продолжил Годольфин. На двух соседних койках ле-

жали подобные жертвы войны, только кожа на их лицах была цела и лоснилась. Зато кости черепа были деформированы. – Отторжение, как они говорят. Иногда инфекция, воспаление, а иногда просто боль. Парафин, к примеру, не держит форму. Оглянуться не успеешь, как возвращаешься в первоначальное состояние. – Он рассказывал как приговоренный к смерти. – Возможно, я заложу свою скулу. Она стоит целое состояние. До переплавки она была одной из этих пасторальных статуэток восемнадцатого века – нимф или пастушек, которых награбили в шато, где фрицы оборудовали пеленой госпиталь. Бог его знает, откуда они...

– А нельзя... – у Шенмэйкера пересохло в горле, – нельзя как-нибудь укрепить? Начать, скажем...

– Слишком большие повреждения. Я рад уже тому, что имею. Я не жалею. Подумай о тех бедолагах, у которых нет даже шести месяцев, чтобы покурлесить.

– Что вы будете делать, когда...

– Я не думаю об этом. Но у меня будет полгода клевой жизни.

Несколько недель юный механик пребывал в состоянии эмоционального ступора. Он работал как заведенный, без перерывов, ощущая себя не более одушевленным, чем гаечный ключ или отвертка, которыми он орудовал. Когда случилось получить увольнительную, он отдавал ее кому-нибудь другому. Спал в среднем четыре часа в сутки. Этот растительный период окончился однажды вечером в бараче слу-

чайной встречей с офицером-медиком. Шенмэйкер прямолинейно и примитивно излил свои чувства:

– Как мне стать врачом?

Конечно, тогда он был простодушным идеалистом. Он лишь хотел помочь таким, как Годольфин, и помешать бессердечным и вероломным Халидомам закрепиться в медицине. Но Шенмэйкеру пришлось десять лет работать по своей первой специальности – механиком – в десятках мастерских и на рынках, затем билетером и даже помощником управляющего синдиката бутлегеров, который действовал в Декатуре, штат Иллинойс. Эти годы труда были нашпигованы ночной учебой и беспорядочным посещением курсов, поскольку после Декатура он ни разу не смог позволить себе больше трех семестров подряд. Затем была интернатура, и наконец, в канун Великой Депрессии, он вступил в масонское братство медиков.

Если уравнивание с неодушевленным предметом является признаком человека дурного, то Шенмэйкер, по крайней мере поначалу, был полон сочувствия. Однако в какой-то точке пути произошло столь трудноуловимое смещение перспективы, что даже Профейн, обладающий в этом смысле повышенным чутьем, едва ли сумел его определить. Шенмэйкер по-прежнему ненавидел Халидома и, возможно, испытывал все слабеющую любовь к Годольфину. Из этого произошло то, что называют «осознанием своей миссии» – понятие настолько тонкое, что требовало более солидной под-

питки, чем просто любовь и ненависть. Поэтому появилась вполне правдоподобная поддержка в виде разных бескровных теорий об «идее» пластической хирургии. Шенмэйкер, обретя призвание в ветрах битв, был вынужден посвятить себя восстановлению того, что было разрушено силами, находящимися вне сферы его ответственности. Одни из 1ШХ_политики и машины – несли войну; другие – может быть, человекоподобные машины – подвергали его пациентов разрушительному воздействию приобретенного сифилиса; третьи – на автострадах и фабриках – портили и губили работу природы автомобилями, мельницами и прочими инструментами хозяйственного обезображивания. Что он мог сделать для искоренения причин? Они существовали и составляли основу вещей как они есть, а Шенмэйкер страдал от консервативной лени. Это было своего рода социальное обобщение, но с ограничениями и обратной связью, которые делали его меньшим, чем праведная ярость, переполнявшая Шенмэйкера тем вечером в бараке с офицером медицинской службы. Короче, это была утрата ясной цели, распад.

II

Эстер познакомилась с ним случайно, благодаря Стенсилу, который в то время только-только присоединился к Братве. Стенсил, шедший по очередному следу, имел свои причины интересоваться историей Эвана Годольфина. Он добрался уже до Мез-Аргонна. Отыскав наконец фамилию Шенмэйкера в архиве Американских экспедиционных войск, Стенсил потратил несколько месяцев, чтобы проследить его путь до немецкого квартала и отыскать в какой-то подозрительной клинике. Добрый доктор отрицал все подряд, невзирая на все известные Стенсилу разновидности лести; это опять был тупик.

Некоторое разочарование зачастую вызывает приступы благотворительности. Эстер, истомленная половой зрелостью, с горящими глазами шаталась в районе «Ржавой ложки», ненавидела свой нос в виде обратной шестерки и всем, чем могла, подтверждала присказку выпускников-неудачников: «Уродины дают кому попало». Расстроенный Стенсил, подыскивавший кандидатуру для своего успокоения, с надеждой ухватился за ее отчаяние – маневр, который привел к тоскливым летним вечерам блужданий по сочащимся смолой улицам среди иссякших фонтанов и слепящих закатным солнцем магазинных витрин, а закончился своего рода отцовско-дочерним соглашением, достаточно условным для

отмены в любой момент по желанию одного из них. Мягко-ироничному Стенсилу пришло в голову, что в качестве памятного сентиментального пустячка ей лучше всего подойдет знакомство с Шенмэйкером; соответственно, в сентябре знакомство состоялось, и Эстер без проволочек двинулась к его скальпелям и формообразующим пальцам.

В тот день перед ней в приемной предстала целая галерея уродов. Лысая женщина без ушей рассматривала золотые часы с бесенятами; кожа от висков до затылка сияла и лоснилась. Рядом с ней сидела девушка, череп которой имел три отдельных параболоидных вершины, выступавших над волосами, растущими по обеим сторонам густо усеянного прыщами лица, словно бородака шкипера. Напротив нее, изучая экземпляр «Ридерз Дайджест», расположился одетый в болотно-зеленый габардиновый костюм джентльмен с тремя ноздрями, без верхней губы и частоколом разнокалиберных зубов, разбросанных кучками, как надгробия погоста в стране ураганов. И в дальнем углу обосновалось глядящее в никуда бесполое существо с врожденным сифилисом и соответствующими повреждениями костных тканей, которые частично разрушились, так что профиль серого личика почти сгладился в прямую линию, а нос свисал вниз рыхлым куском кожи, прикрывающим рот; сбоку на подбородке образовался солидный кратер, окруженный лучистыми морщинками, а глаза непроизвольно закрывались под действием той неестественной гравитации, которая сплющила осталь-

ные черты лица. Эстер, все еще пребывавшая во впечатлительном возрасте, соотнесла себя с ними со всеми. Чувство чужеродности, которое приводило ее в постель почти ко всей Шальной Братве, получило подкрепление.

Первый день Шенмэйкер провел за рекогносцировкой предоперационной территории: фотографировал под разными углами лицо и нос Эстер, проверял верхние дыхательные пути на предмет инфекции и проводил тест Вассермана. Кроме того, Ирвинг и Тренч помогли ему сделать два гипсовых слепка вроде посмертных масок. Они вручили Эстер две бумажные соломинки для дыхания, и она несколько по-детски подумала о магазинчиках с содовой, вишневой кока-коле, истинных признаниях.

На следующий день она вновь пришла в офис. Гипсовые слепки лежали рядышком на столе Шенмэйкера.

– Мои двойняшки, – хихикнула Эстер. Шенмэйкер ухватил одну маску за алебастровый нос и отломил его.

– Ну-с, – усмехнулся он, жестом фокусника достав комок модельной глины и заменив им отломанный нос. – Какой носик хотелось бы вам иметь?

Ирландский, какой же еще. Чуть вздернутый. Как и всем остальным. Никому из них и в голову не приходило, что курносость – это тоже эстетический перегиб. Еврейский нос наоборот, вот и все. Мало кто спрашивал о так называемом «классическом» носике, у которого склон прямой, кончик не

выступает и не загибается крючком, колумелла (хрящ, разделяющий ноздри) соединяется с верхней губой под углом 90°. Все это лишь подтверждало тезис Шенмэйкера о том, что корреляция – во всех отношениях: социальном, политическом, эмоциональном – вызывает движение к противоположному полюсу вместо разумных поисков остановки на золотой середине.

Несколько изящных взмахов пальцев и вращений кистью.

– Может, вот так? – Глазки загорелись, Эстер кивнула. – Он должен гармонировать со всем лицом, понимаете ли. – Разумеется, новый нос не гармонировал.

Если уж быть гуманистом, то с лицом гармонирует лишь то, что досталось ему от рождения. – Но есть разные виды гармонии. – Это Шенмэйкер сформулировал много лет назад. Скажем, новый нос Эстер. Идентичен с идеалом назальной красоты, установленной кинематографом, рекламой, журнальными снимками. Культурная гармония, как называл это Шенмэйкер. – На следующей неделе начнем. – Он дал ей время. Эстер бросило в дрожь. Ей предстояло заново родиться, и она спокойно и деловито обсуждала с Господом, какой именно она желает войти в мир.

На следующей неделе она пришла вовремя – кишки подвело, кожа горела.

– Пойдем, – мягко взял ее за руку Шенмэйкер. Эстер ощутила слабость и даже (легкое?) сексуальное возбуждение. Ирвинг усадила ее в кресло, как у дантиста, и занялась

подготовкой к операции, порхая вокруг, словно горничная.

Лицо Эстер вымыли зеленым мылом, вокруг носа смазали йодом и спиртом. Выдернули волоски в ноздрях и аккуратно обработали носовую полость антисептиками. Затем ввели нембутал.

Подразумевалось, что это ее успокоит, но барбитуровая кислота действует на каждого по-своему. Возможно, легкое сексуальное возбуждение сыграло свою роль, но к тому времени, когда Эстер повезли в операционную, она чувствовала себя словно в белой горячке.

– Надо было колоть гиосцин, – заявил Тренч. – И амнезия обеспечена.

– Заткнись, губошлеп, – сказал доктор, почесываясь. Ирвинг принялась раскладывать инструменты, а Тренч тем временем привязывал Эстер к операционному столу. Глаза Эстер были безумны, она тихонько похныкивала, обуреваемая вдруг подступившими сомнениями.

– Теперь уж поздно, – ухмыляясь, успокоил ее Тренч. – Эй, лежи спокойно.

На всех троих были хирургические маски. Внезапно их глаза показались Эстер злобными. Она замотала головой.

– Тренч, держи ей голову, – глухо прозвучал голос Шенмэйкера. – Ирвинг будет анестезиологом. Попрактикуйся, крошка. Возьми ампулу с новокаином.

Эстер положили под голову стерильные полотенца и капнули по капле касторового масла в каждый глаз. Лицо снова

протерли, на сей раз метафеном и спиртом. Потом в ноздри ей засунули марлевые тампоны, чтобы предотвратить попадание антисептика и крови в гортань и глотку.

Ирвинг вернулась с новокаином, шприцом и иглой. Сначала она ввела наркоз в кончик носа Эстер, по одному уколу с каждой стороны. Затем сделала несколько уколов вокруг каждой ноздри – большой палец давил на поршень, затем игла вынималась.

– Теперь большую, – спокойно сказал Шенмэйкер. Ирвинг выудила из автоклава двухдюймовую иглу.

Она сделала по одному подкожному уколу с каждой стороны, вводя иглу от ноздри до того места, где нос примыкает к лобовой кости.

Никто не сказал Эстер, что во время операции будет больно. Но эти уколы были болезненны; такой боли она еще никогда не испытывала. Она могла показать, что ей больно, только двигая бедрами, – и завихляла. Тренч держал ее за голову и сочувственно ухмылялся, глядя, как связанная Эстер извивается на столе.

Следующую порцию анестезии Ирвинг ввела внутрь носа, вставив подкожную иглу между верхним и нижним хрящом и протолкнув ее до самой глабеллы – бугорка между бровями.

Несколько инъекций в септум – костно-хрящевую перегородку, которая изнутри разделяет нос пополам, – и с анестезией было покончено. Сексуальная метафоризация про-

цесса осталась на долю Тренча, который беспрерывно постанывал: «Вводи... Вынимай... Вводи... О-о, хорошо... Вынимай». Ирвинг каждый раз раздраженно хмыкала с таким видом, будто хотела сказать: «Ну ты и обормот».

Чуть погодя Шенмэйкер принялся щипать и крутить нос Эстер:

– Ну как? Больно?

Она прошептала «нет». Шенмэйкер крутнул сильнее.

– Больно? «Нет».

– Хорошо. Закройте ей глаза.

– А может, она хочет смотреть, – сказал Тренч.

– Хочешь смотреть, Эстер? Хочешь видеть, что мы с тобой делаем?

– Я не знаю. – Ее слабый голос словно колебался между безразличием и истерикой.

– Тогда смотри, – решил Шенмэйкер. – Будешь образованной. Сначала мы срежем горб. Вот, погляди на скальпель.

Это была рядовая операция. Шенмэйкер работал быстро; они с ассистенткой не делали ни одного лишнего движения. Легкие касания тампоном делали операцию практически бескровной. Изредка он упускал из виду струйку крови, но тут же успевал подхватить ее на полпути к полотенцам.

Шенмэйкер сначала сделал два надреза – по одному с каждой стороны – на внутренней ткани носа около перегородки у края бокового хряща. Затем вставил в ноздрю длинные ножницы с острым изогнутым концом и протолкнул их мимо

хряща до носовой кости. Ножницы были сделаны так, что резали при сжатии и разжатии. Молниеносно, словно парикмахер, подравнивающий хохолок на макушке, он отделил кость от мембраны и кожи.

– Мы называем это «подкопом», – пояснил он. Затем проделал те же манипуляции ножницами в другой ноздре. – У человека две носовые кости, они разделяются перегородкой. Нижним концом каждая из них прикреплена к боковому хрящу. Я делаю надрез от этого соединения вплоть до того места, где носовые кости соединяются с лобовой.

Ирвинг подала ему похожий на стамеску инструмент.

– А это элеватор МакКенти. – Этим инструментом он пошуровал внутри, довершая подкоп.

– Теперь, – нежно, словно любовник, произнес он, – я отпилю твою горбинку.

Эстер, насколько могла, пыталась заглянуть ему в глаза, надеясь увидеть в них хоть что-то человеческое. Никогда еще она не чувствовала себя такой незащитной. Позднее она рассказывала: «Это был почти мистический опыт. Не помню, в какой религии – кажется, в одной из восточных – высшее состояние, которого можно достичь, – это состояние предмета, камня. Что-то вроде этого было со мной; я чувствовала, что уношусь куда-то прочь, ощущая сладостную утрату эстер-естества, все больше и больше сжимаюсь в точку, лишенную забот и боли, лишенную всего, кроме Бытия...»

Маска с глиняным носом лежала рядом на маленьком столике. Сверившись с ней несколькими быстрыми взглядами, Шенмэйкер вставил пилку в один из сделанных им разрезов и продвинул ее к кости. Затем направил ее строго по линии нового носа и начал осторожно пилить носовую кость с этой стороны.

– Кости легко пилятся, – пояснил он Эстер. – Мы и впрямь очень хрупкие. – Полотно пилки коснулось мягкой ткани хряща; Шенмэйкер вынул пилку. – Теперь самое хитрое. Надо точно так же пропилить с противоположной стороны. Иначе нос получится кривобоким.

Тем же манером Шенмэйкер вставил пилку с другой стороны, примерился к маске (разглядывая ее, как показалось Эстер, по меньшей мере четверть часа), сделал несколько мельчайших поправок. И наконец ровнехонько пропилил кость.

– Теперь твоя горбинка представляет собой два отдельных кусочка кости, которые держатся только на хряще. Сейчас мы прорежем его вровень с двумя предыдущими надрезами. – Что он и проделал с помощью ножичка с изогнутым лезвием, разрезав хрящ быстрым движением и завершив эту фазу операции несколькими изящными взмахами тампонами.

– Сейчас бугорок болтается внутри носа. – Шенмэйкер с помощью ретрактора раздвинул одну ноздрю, просунул внутрь пинцет и поискал бугорок. – Возьми это, – улыбнул-

ся он. – Он пока не хочет выходить. – Взяв ножницы, он отрезал бугорок от бокового хряща, на котором тот держался, затем с помощью щипцов вынул темный хрящик и победоносно потряс им перед глазами Эстер. – Двадцать два года несчастной жизни в обществе, nicht wahr ⁸³? Конец первого акта. Положим его в формальдегид, и, если захочешь, оставишь его себе на память. – Говоря все это, он подравнивал края надрезов маленьким напильничком.

Что ж, с горбинкой покончено. Но на месте горбинки теперь был плоский участок. Переносица была слишком широкой, и первым делом ее надо было сузить.

Шенмэйкер вновь подрезал носовые кости, на этот раз там, где они примыкали к скулам, и чуть дальше. Вытащив ножницы, он вставил на их место прямоугольную пилку.

– Видишь ли, носовые кости крепко прикреплены к скулам и к лобовой кости. Их надо разбить, чтобы можно было двигать нос. Как кусок глины.

Он подпилит носовые кости с обеих сторон, отделив их от скул. Затем взял стамеску и, вставив ее в ноздрю, продвинул до упора, пока она не коснулась кости.

– Скажи, если что-то почувствуешь. – Он несколько раз слегка ударил по стамеске деревянным молотком, остановился, задумавшись на несколько секунд, и стал стучать по сильнее, – Лиха беда начало, – сказал он, оставив шуточный тон. Тук-тук-тук. – Давай, сволочь. – Острые стамески

⁸³ не так ли (нем.).

миллиметр за миллиметром врезалось в переносицу Эстер. – Scheisse ⁸⁴! – С громким хрустом носовая кость оторвалась от лобовой. Надавив пальцами с двух сторон, Шенмэйкер окончательно отделил кости друг от друга.

– Видишь? Сейчас ее можно двигать. Это был акт второй. Теперь ми укоротим дас септум, йа.

Взяв скальпель, он сделал надрез вокруг хряща, между ним и двумя примыкающими боковыми хрящиками. Затем прорезал переднюю часть хряща до «хребта», расположенного в глубине ноздрей.

– В результате мы должны получить свободно подвешенный хрящ. Довершим дело, воспользовавшись ножницами. – С помощью специальных ножниц он подрезал хрящ по бокам и около костей до самой глабеллы у конца переносицы.

После этого он просунул скальпель в надрез у края ноздри так, что лезвие вышло с другой стороны, и сделал несколько режущих движений, отделив хрящ от основания. Затем приподнял одну ноздрю ретрактором, просунул внутрь зажим Эллиса и вытащил наружу часть хряща. Шенмэйкер быстро перенес размер, снятый кронциркулем на маске, на обнаженный хрящ, а потом прямыми ножницами оттяпал треугольный клинышек хряща.

– Осталось поставить все на место.

Поглядывая краем глаза на маску, он соединил носовые кости, тем самым заузив переносицу и убрав плоский уча-

⁸⁴ дерьмо (нем.).

сток на том месте, откуда был вырезан бугорок. Еще какое-то время потребовалось для того, чтобы выровнять обе половинки строго по центру. Когда Шенмэйкер манипулировал косточками, они как-то странно потрескивали.

– Чтобы получить курносый нос, сделаем два стежка. «Шов» располагался между свежесрезанным краем хряща и колумеллой. С помощью иглы и иглодержателя Шенмэйкер наложил два стежка шелковой нитью наискосок по всей длине колумеллы и хряща.

В общей сложности операция заняла меньше часа. Лицо Эстер счистили, сняли марлю, наложили сульфамидную мазь и снова накрыли марлей. Одна полоска пластыря была приклеена на ноздри, другая – на переносицу нового носа. Поверх прикрепили изложницу Стента, оловянную защитную формочку, и все это залепили пластырем. В каждую ноздрю вставили по резиновой трубочке, чтобы Эстер могла дышать.

Через два дня повязку сняли. Пластырь отлепили через пять дней. Швы были сняты через семь. Конечный продукт выглядел смехотворно вздернутым вверх, но Шенмэйкер заверил Эстер, что через пару месяцев нос немного опустится. Так оно и случилось.

III

Этим как бы все и заканчивалось. Но не для Эстер. Возможно, на тот момент в ней еще были живы старые горбоносые привычки, хотя раньше она не проявляла такой покорности ни перед одним мужчиной. А поскольку покорность имела для нее строго определенный смысл, то Эстер, пробив ровно сутки в госпитале, куда ее поместил Шенмэйкер, ушла оттуда и фугообразно шаталась по Ист-Сайду, распугивая прохожих своим белым клювом и выражением легкого шока в глазах. В смысле секса она была готова к употреблению, вся целиком; словно Шенмэйкер нашел и тронул некий переключатель или клитор, скрытый у нее в носовой скважине. Скважина есть скважина, в конце концов. Видимо, способность Тренча к метафоризации оказалась заразительной.

Вернувшись на следующий день, чтобы снять швы, она то и дело закидывала ногу на ногу, хлопала ресницами, нежно ворковала – применяла все известные ей уловки. Шенмэйкер тут же легко распознал симптомы.

– Приходи завтра, – сказал он. У Ирвинг был выходной.

Назавтра Эстер явилась, напялив кружевное нижнее белье и все цацки, которые могла себе позволить. Кажется, была даже индийская мушка где-то посередине газовой вуали.

– Ну, как самочувствие? – раздалось из задней комнаты.

Она рассмеялась, неестественно громко:

– Болит. Однако...

– Именно: однако. Есть способы забыть про боль.

Она не могла избавиться от дурацкой полуоправдательной улыбки. Губы сами растягивались, усугубляя боль в носу.

– Знаешь, чем мы будем заниматься? Нет, чем я займусь с тобой? Вот именно.

Она позволила ему раздеть себя. Он высказался только по поводу черного пояса для чулок.

– Ох. О, Господи. – Приступ стыда. Пояс подарил Слэб. Предположительно, с любовью.

– Хватит. Не надо этих штучек при раздевании. Ты уже не девочка.

Новый взрыв самоосуждающего смеха.

– Дело в том... Другой парень. Подарил его мне. Парень, которого я любила.

Она в шоке, рассеянно удивился Шенмэйкер.

– Пошли. Сделаем вид, что это твоя операция. Тебе ведь понравилась операция, правда?

Из-за раздвинутой с треском занавески напротив высунулся Тренч:

– Ложись на кровать. Это будет наш операционный стол. Тебе требуется внутримышечная инъекция.

– Нет! – вскричала она.

– Ты умеешь говорить «нет» на разные лады. «Нет» значит «да». Это «нет» мне не нравится. Скажи иначе.

– Нет, – с легким постаныванием.

– Иначе. Еще раз.

– Нет. – На этот раз улыбка, веки немного приподняты.

– Еще.

– Нет.

– Делаешь успехи. – Развязывая галстук и стоя в луже спущенных брюк, Шенмэйкер пел ей серенаду.

Лучшие, братцы, нету

Колумелл на свете.

Септум – ах как слеplен – краше не видал.

Хондректомий денежных

Много сделал прежде, но

Здесь остеопластика выше всех похвал.

(Припев:)

Коллега, режьте Эстер,

Иначе вы не врач.

Нос у нее как песня,

Такой восторг – хоть плач.

Прекрасна и прелестна,

Она под нож легла,

Без трусости, без стресса,

Спокойна, как скала.

*Податлива, как тесто,
С апломбом поэтессы,
Уместна всюду Эстер,
И мимо не пройти.*

*И посрамит Ирландию
Курносость сексуальная,
Какую Эстер явит ей
На жизненном пути.*

Последние восемь тактов она выпевала «нет» на первую и третью доли.

Такова была (если бы это случилось) якобинская этиология возможного путешествия Эстер на Кубу – но об этом позже.

Глава пятая, *в которой Стенсил едва не уезжает на Запад вместе с аллигатором*

I

Аллигатор попался пегий: бледно белел и чернел морской водорослью. Двигался быстро, но неуклюже. Возможно, был ленив, или стар, или глуп. Профейн полагал, что он, вероятно, устал от жизни.

Погоня тянулась с наступления темноты. Они находились в одной из секций 48-дюймовой трубы, и у Профейна ужасно болела спина. Он надеялся, что крокодил не свернет в более узкую секцию, куда за ним будет не пройти. Профейн и так был вынужден ползти на коленях в грязи, кое-как целиться, стрелять – и все это быстро, пока крокодил не ушел из прицела. У Ангела был фонарь, но Ангел нахлебался вина и теперь бездумно тащился позади Профейна, позволяя лучу блуждать по всей трубе. Профейн видел крокодила лишь в случайных отблесках. Время от времени добыча полуоборачивалась с видом скромным и заманчиво-обольстительным. И немного грустным. Наверху, должно быть, шел дождь. Позади них, из последнего открытого люка, постоянно и тонень-

ко журчалю. Впереди была тьма. Эта часть канализации была построена десятки лет назад, и туннель здесь извивался змейей. Профейн лелеял надежду на прямой участок. Там можно будет охотиться легко и спокойно. А если он выстрелит в этих коротких обрезках пространства, то диковатые загогулины могут дать весьма опасный рикошет.

Профейн охотился уже не в первый раз. За две недели работы он добыл четырех аллигаторов и одну крысу. Ежедневно утром и вечером каждая смена проходила инструктаж перед кондитерским магазином на Колумбус-авеню. Их босс Цайтсус втайне желал стать организатором профсоюза. Он носил костюмы из акульей кожи и очки в роговой оправе. Как правило, добровольцев не хватало даже на эти пуэрториканские кварталы, не говоря уже обо всем Нью-Йорке. Но каждое утро в шесть Цайтсус вышагивал перед ними, упорствуя в своей мечте. Он выполнял гражданский долг, но придет день и он станет Уолтером Рэйтером ⁸⁵.

– Значит так, Родригес. Полагаю, мы тебя возьмем. – И появлялось отделение, где не хватало добровольцев даже для обхода территории. Но все же они приходили: понемногу, беспорядочно, вынужденно – и отнюдь не задержи вались. Большинство уходило на второй день. Странное было собрание. Шалопайи... Большой частью всякая шваль. Бездомные с залитой зимним солнцем Юнион-сквер, которые, спасаясь

⁸⁵ Уолтер Рэйтер (1907 – 1970) – один из основателей американского профсоюза рабочих автомобильной промышленности.

от одиночества, тащили с собой нескольких воркующих голубей; все забулдыги от округа Челси до холмов Гарлема, а также те, кто ищет тепла под мостом на уровне моря, украдкой выглядывая из-за бетонной опоры на переправе через ржавый Гудзон с его буксирами и баржами (который выводит из этого города, надо думать, к дриадам: внимательный искатель как-нибудь зимним днем наткнется на них, взирающих прямо из бетона, стараясь слиться с ним или, по крайней мере, укрыться от ветра, и при этом они – или мы? – с отвращением ощущают, что течение здесь действительно есть); голодранцы с берегов обеих рек (или только что прибывшие со Среднего Запада, сгорбленные, скрюченные, жующие и пережевывающие мысль о том, какими лихими парнями они были в прошлом или какими жалкими трупами однажды станут); некий нищий – точнее, тот единственный, который об этом рассказывал, – державший на Хинки-Фримэн целый чулан разного тряпья, а после работы ездивший на шикарном белом «линкольне» и имевший трех или четырех жен, оставленных на всем протяжении частного шоссе номер 40 по мере своего продвижения на восток; горемыка по кличке Миссисипи, который приехал из польского города Кельце ⁸⁶ и имя которого никто не мог выговорить, – женщину он себе отыскал в лагере уничтожения Освенцим, глаз ему выбил острый конец оборвавшегося троса лебедки

⁸⁶ город на юго-востоке Польши, вокруг которого во время Второй мировой войны были расположены четыре концлагеря.

на сухогрузе «Миколай Рей»⁸⁷, а отпечатки пальцев сняла в 1949-м полиция Сан-Диего, когда он пытался зайцем пролезть на корабль; кочевники, уверявшие, что на днях приехали из некоего экзотического места, столь экзотического, что оно вполне могло оказаться восточнее Вавилона, штат Лонг-Айленд, где они собирали урожай бобов, и происходить это могло прошлым летом, но они удерживали в голове лишь один сезон, а раз так, значит, он только что кончился, просто подробности стерлись из памяти; бродяги из классических районов приюта бродяг – Бауэри, нижние кварталы Третьей авеню – где они даром теряли время, чиня обноски и учась стрижке и бритью. Они работали парами. Один нес фонарь, другой тащил карабин двенадцатого калибра. Цайтсус прекрасно сознавал, что охотники, стреляя из этого ствола, испытывают примерно то же, что рыболовы, глушащие рыбу динамитом; но он не рассчитывал на похвальные статьи в журналах типа «Поля и реки». Карабины были скорострельными и надежными. У департамента выработалось пристрастие к точному следованию решениям, принятым после Великого Канализационного Скандала 1955 года. Им были нужны мертвые крокодилы. А также крысы, буде таковым случится подвернуться под пулю.

У каждого охотника была нарукавная повязка – идея Цайтсуса. «КРОКОДИЛИЙ ПАТРУЛЬ» – значилось на ней

⁸⁷ *Миколай Рей* (1505 – 1569) – польский поэт и прозаик, считается отцом польской литературы.

зелеными буквищами. Когда программа только начинала разворачиваться, Цайтсус приволок в офис большую чертежную доску из плексигласа с выгравированной на ней картой города, покрытой мелкой координатной сеткой. Он восседал перед этой доской, в то время как чертежник – некий В. (V.) А. («Закорючка») Спуго, утверждавший, что ему 85 лет, и заявлявший, что 13 августа 1922 года на солнечных улицах Браунсвилла он убил кончиком кисти 47 крыс, – жирно помечал желтым карандашом обследуемые районы, вероятные цели, продвижение охотников и количество добычи. Все сообщения поступали от разбросанных там и сям специальных наблюдателей, которые обходили определенные люки, зычно орали вниз и интересовались, как идут дела. Раньше у каждого наблюдателя было переговорное устройство, включенное в общую сеть и выведенное на узкополосный пятнадцатидюймовый динамик, подвешенный к потолку в офисе Цайтсуса. Поначалу размах дела был весьма внушительным. Цайтсус выключал весь свет, кроме лампочки над доской и ночника над столом. Офис выглядел наподобие боевого штаба, и каждый входящий моментально ощущал царившее там напряжение и целеустремленность, создававшие впечатление огромной сети, раскинувшей щупальца во все ключевые точки города, а мозгом и центром сети являлась эта комната. Но так продолжалось, пока не начинались переговоры по радио.

– Хорошенький кусок проволоне ⁸⁸, говорит она.

– Знаю я ее хорошенький проволоне. Почему бы ей самой не прошвырнуться по магазинам? Сидит целыми днями дома и смотрит телевизор миссис Гроссериа.

– Эй, Энди, а ты смотрел вчера шоу Эда Салливана? У него там банда мартышек наяривала на пианино...

С другого конца города:

– А Спиди Гонсалес ⁸⁹ и говорит: «Сеньор, уберите вашу руку с моей жопы».

– Ха-ха-ха. И затем:

– Тебе надо туда, в Ист-Сайд. Там этого добра навалом.

– В Ист-Сайде все zipperы застегнуты.

– Так вот почему у тебя такой короткий.

– Неважно, какой он длины, важно, как им пользоваться.

Естественно, представители Комитета по связи, которые, говорят, разъезжали кругом на машинах с узконаправленными антеннами и мониторами, выискивая как раз таких хулиганов, выказывали недовольство. Сначала были письма с предупреждениями, потом пошли телефонные звонки, и наконец появился некто в пиджаке из акульей кожи, но покруче Цайтсуса. Так что уоки-токи пропали. А вскоре после этого надзирающий инспектор вызвал Цайтсуса и отечески-доверительно сообщил, что нынешний бюджет не позволяет

⁸⁸ *Проволоне* – сорт сыра.

⁸⁹ *Спиди Гонсалес* – популярный герой американских мультфильмов, впервые появился в 1953 г.

содержать Патруль в том виде, как это было до сих пор. Таким образом, Промыслово-Охотничий Центр Добычи Аллигаторов был преобразован в небольшое бюджетное отделение муниципалитета, а старина Закорючха Спуго отправился на пенсию в приют «Астория Квинз», где на недавних могилах растет дикая марихуана.

Теперь, когда они собирались у кондитерского магазина, Цайтсус порой запуская им бодрящие речи. В тот день, когда Департамент ограничил выдачу боеприпасов, Цайтсус рассказывал об этом своим бойцам, стоя с непокрытой головой под мокрым февральским снегом. И трудно было сказать, тающий снег стекает по его щекам или слезы.

– Ребята, – говорил он, – кое-кто из вас был здесь, когда наш Патруль только появился. Я вижу здесь пару человек, на чьи противные хари смотрел каждое утро. Многие от нас ушли, и слава Богу. Если где-то платят больше, тем лучше для нас, я считаю. Мы не слишком хорошо оснащены и не богаты. Если бы у нас был профсоюз, то могу точно сказать, что многие из тех противных рож приходили бы сюда каждый день. Но теми, кто все-таки приходит, чтобы без всяких жалоб ползать в человеческом дерьме и крокодильей крови по восемь часов в сутки, – теми я горжусь. Наш патруль – за то короткое время, когда он был Патрулем, – часто урезали, но мы не слышали, чтобы кто-нибудь хныкал по этому поводу, потому что это хуже, чем дерьмо. Ну, а сегодня нас опять урезали. Теперь каждая смена будет делать пять обходов в

день вместо десяти. Там, в центре, думают, что вы, ребята, даром тратите патроны. Я-то знаю, что это не так, но попробуйте объяснить это тем, кто никогда не был внизу, потому что боялся изгваздать свой столлларовый костюм. Поэтому я могу лишь сказать вам: действуйте наверняка и не тратьте время на сомнительные случаи. Просто продолжайте в том же духе, что и раньше. Я горжусь вами, ребята. Как я вами горжусь!

Они смущенно переминались с ноги на ногу. Цайтсус больше ничего не сказал, только стоял вполоборота и смотрел на пожилую пуэрториканку с сумкой, ковылявшую к жилым кварталам по другой стороне Колумбус-авеню. Он всегда говорил, что гордится ими, и, несмотря на его зычную глотку, несмотря на его профсоюзную манеру вести дела и на манию великой цели, они любили его. Ибо под темными очками и пиджаком из акульей кожи скрывался такой же шалопай, как они; и лишь случайное сплетение времени и пространства удерживало их от того, чтобы выпить с ним вместе. А поскольку они любили его, то гордость Цайтсуса за «наш Патруль», в которой никто не сомневался, вынуждала их чувствовать себя неловко – навевала мысли о тенях, в которые они стреляли (винно-пьяные тени, тени одиночества); о том, как дрыхли во время работы возле отстойников у реки; о ругани, произносимой, правда, столь тихим шепотом, что даже напарник не слышал; о крысах, которых они пожалели и дали им уйти. Они не разделяли гордости босса, но

могли ощутить вину за то, что он испытывает ложные чувства; они понимали без особого удивления или мучительных раздумий, что гордость – за «наш Патруль», за себя или даже за смертный грех – не существует в реальности так, как, скажем, пустые пивные бутылки, за которые можно получить наличные на проезд в метро и найти очаг, чтобы немного поспать. Гордость нельзя ни на что обменять. Что получал за нее простодушный бедняга Цайтсус? Сокращение финансирования, и только. Но они любили его, и ни у кого не находилось мужества его вразумить.

Насколько мог судить Профейн, Цайтсус его не знал и им не интересовался. Профейн хотел бы думать, что он – одна из тех повторяющихся противных рож, но на самом деле пришел-то он совсем недавно. После речи о боеприпасах он решил, что у него нет права судить о Цайтсусе. Видит Бог, он не ощущал никакой групповой гордости. Это была работа, а не какой-то там Патруль. Он научился обращаться с карабином, научился даже разбирать его и чистить, и сейчас, по прошествии двух недель, наконец стал казаться себе менее неуклюжим. В конце концов, он ведь не прострелил себе случайно ногу или еще что похуже.

Ангел запел: «Mi corazon, esta tan solo, mi corazon»...⁹⁰

Профейн смотрел на свои высокие сапоги, движущиеся в такт песне Ангела; на отблески фонаря, мерцающие в воде; на плавное повиливание хвоста аллигатора впереди. Они

⁹⁰ «Сердце мое, оно так одиноко...» (исп.)

приближались к люку. Точка randеву. Гляди в оба, Крокодилый Патруль. Ангел пел и плакал.

– Кончай, – сказал Профейн. – Если начальник Банг там, наверху, то ты в заднице. Протрезвись.

– Ненавижу начальника Банга, – провозгласил Ангел. И засмеялся.

– Ша, – сказал Профейн. У начальника Банга было переговорное устройство, пока его не отобрали представители Комитета по связи. Теперь он таскал с собой доску для записей и составлял ежедневные отчеты для Цайтсуса. Он почти не разговаривал, если не считать отдачи приказов. Но одной фразой пользовался всегда: «Я начальник». Иногда говорил: «Я Банг, начальник». По теории Ангела, он таким образом сам себе об этом напоминал.

Впереди тяжело копошился обреченный на гибель аллигатор. Двигался медленнее, словно разрешал догнать себя и покончить с этим. Они подошли к люку. Ангел взобрался по лесенке и постучал коротким ломиком в крышку. Профейн держал фонарь и одним глазом присматривал за крокодилом. Снаружи слышались скрежещущие звуки, и крышка внезапно приподнялась с одной стороны. Образовался полумесяц небесно-розового неоновомого света. Дождь плескал Ангелу в глаза. В полумесяце возникла голова начальника Банга.

– Chinga tu madre ⁹¹, – доброжелательно сказал Ангел.

⁹¹ ... твою мать (*исп.*).

– Доклад, – сказал Банг.

– Он уходит, – крикнул Профейн снизу.

– Мы гоним одного, – доложил Ангел.

– Ты пьян, – обнаружил Банг.

– Нет, – возразил Ангел.

– Да, – рявкнул Банг. – Я начальник.

– Ангел, – сказал Профейн, – пошли, а то мы его потеряем.

– Я трезв, – сказал Ангел. Ему вдруг подумалось о том, как приятно будет дать Бангу в зубы.

– Я тебя запищу, – сказал Банг. – От тебя разит спиртным.

Ангел полез наружу.

– Пожалуй, мы с тобой это обсудим.

– Эй, ребята, вы что? – встревожился Профейн. – Тоже мне, нашли забаву.

– Продолжай, – крикнул Банг в люк. – Твоего напарника я отстраняю за нарушение дисциплины.

Ангел, наполовину вывалившись из люка, укусил Банга за ногу. Банг взвыл. Профейн увидел, как Ангел исчез, а на его месте снова появился световой полумесяц. Снаружи хлестал дождь и стекал внутрь люка по каменной кладке. С улицы доносились характерные звуки начавшейся драки.

– Да ну их к дьяволу, – решил Профейн. Повернул луч фонаря вниз и увидел кончик хвоста аллигатора, с шуршанием скользнувший за поворот туннеля. Профейн пожал плечами.

– Продолжим, – сказал он себе, – болван.

Он удалился от люка, надежно зажав под мышкой ружье и неся в другой руке фонарь. Впервые он охотился в одиночку. Но ему не было страшно. Когда придется стрелять, он найдет, куда поставить фонарь.

Профейн прикинул и решил, что находится где-то под Ист-Сайдом. Он уже вышел за пределы своего района – Боже, неужели придется гнаться за крокодилом через весь город? Он повернул за угол, небесно-розовый свет пропал. Теперь Профейн и аллигатор перемещались, ограничивая собой рыхлый пространственный эллипсоид, осью которого был связывающий их тонкий луч фонаря.

Свернули налево, к окраинам. Поток под ногами стал немного глубже. Они вошли в пределы Прихода Фэйринга, названного так по имени священника, который жил наверху много лет назад. Во времена Великой Депрессии 30-х годов, в час апокалиптического благодушия, он вдруг решил, что после гибели Нью-Йорка городом завладеют крысы. Он проводил по восемнадцать часов в день в своем районе, наводненном толпами безработных и миссионерскими организациями, и всем нес покой, чиня истрепанные души. Впереди ему виделся только мегаполис умерших от голода, усеявших тротуары и траву парков, плавающих брюхом вверх в фонтанах, повесившихся на фонарных столбах. Город, а возможно, и вся Америка – дальше его кругозор не простирался – будет принадлежать крысам еще до конца года. В связи с этим отца Фэйринга посетила мысль, что неплохо бы на-

ставить крыс на путь истинный, то бишь обратить их в католичество. И однажды вечером, в самом начале первого срока Рузвельта, он спустился в ближайший канализационный люк, взяв с собой Балтиморский Катехизис, требник и, неизвестно по какой причине, экземпляр «Современного кораблевождения» Найта⁹². Первым делом (гели верить дневнику, обнаруженному через несколько месяцев после его смерти) он на века благословил это место и изгнал нескольких демонов из всех вод, протекающих между Лексингтоном и Ист-Ривер, а также между 86-й и 79-й улицами. Эта область и стала Приходом Фэйринга. Благословение теперь обеспечивалось адекватным запасом святой воды, а когда он обратит всех крыс прихода, исчезнет и необходимость в индивидуальном крещении. Он также ожидал, что другие крысы прослышат о том, что творится под верхней частью Ист-Сайда, и тоже придут, дабы обратиться. В недалеком будущем он видел себя духовным лидером всего населения Земли. Поэтому он считал достаточно скромным ежедневное жертвоприношение из трех своих прихожан для обеспечения себе физического пропитания в обмен на пищу духовную, которую он давал им.

Затем он соорудил себе маленькую хижину возле канали-

⁹² Известный учебник кораблевождения, написанный Остином Мелвином Найтом (1854 – 1927). Неоднократно переиздавался и дополнялся в соответствии с требованиями современности. Вероятно, упоминается Пинчоном потому, что фамилия Найт (Knight) пишется по-английски так же, как слово «рыцарь» (knight) (см. тему Мальты).

зационного стока. Ряса служила постелью, тробник – подушкой. Каждое утро он разводил небольшой костер из плавника, который собирал и высушивал накануне. Рядом в бетоне было углубление, куда стекала дождевая вода. Здесь он мог напиться и умыться. Позавтракав жареной крысой («Печень, – писал он, – особенно сочна»), отец Фэйринг приступил к выполнению первой задачи: учился общаться с крысами. Предположительно, он преуспел. Запись от 23 ноября 1934 года гласит:

Игнатий проявил себя поистине трудным учеником. Сегодня он спорил со мной по поводу природы индульгенций. Варфоломей и Тереза его поддержали. Прочел им из Катехизиса: «Посредством индульгенций Церковь временно воздерживается наказывать грешников, отпуская нам из духовной сокровищницы своей толику бесконечной милости Иисуса Христа и преизобильного милосердия благословенной Девы Марии со всеми святыми».

– И что же такое, – спросил Игнатий, – преизобильное милосердие?

Я прочел дальше: «Сие есть то, что мы обретаем в течение жизни всей, но нужды в нем не имеем, и посему Церковь одаряет им членов своего сообщества святых».

– Ага, – пискнул Игнатий, – тогда я не понимаю, чем это отличается от марксизма-коммунизма, который, как ты говоришь, безбожен. От каждого по способно-

стям, каждому по потребностям.

Попытался объяснить, что есть разные типы коммунизма; что ранняя Церковь, действительно, строилась на общей собственности и равном распределении благ. Варфоломей в связи с этим заметил, что, возможно, доктрина пищи духовной произросла из экономических и социальных условий, в которых находилась Церковь в период становления. Тереза немедленно обвинила Варфоломея в поддержке марксистских воззрений, и разразилось ужасающее побоище, в котором бедной Терезе выкогтили глаз из глазницы. Дабы не длить мучений, усыпил ее и после шести часов приготовил роскошное блюдо из ее останков. Выяснилось, что хвосты, будучи достаточно хорошо прожарены, вполне приемлемы.

По крайней мере одну группу он, несомненно, обратил. В дневнике больше нет упоминаний о скептике Игнатии: может, он погиб в другой драке, а может, променял общину на языческие районы города. После первого обращения записи становятся короче, но автор по-прежнему всегда оптимистичен, а временами даже впадает в эйфорию. Дневник рисует Приход как маленький оазис света среди унылых Темных Веков мракобесия и варварства.

Однако постоянно переваривать крысиное мясо пастор не смог. Возможно, там была какая-то зараза. Не исключено также, что склонность его паствы к марксизму слишком жи-

во напоминала ему то, что он видел наверху – в очередях, в больницах, в родильных домах и даже в исповедальне. Так что бодрый топ последних записей был на самом деле вынужденным враньем, призванном защитить самого себя от горькой правды о том, что его слабые и изворотливые прихожане ко сумели подняться над уровнем животных, каковыми они, в сущности, и являлись. На ото мимоходом намекает последняя запись:

Когда Августин станет мэром города (а си отлитый парень, и многие ему преданы), то вспомнит ли он или его советник старого священника? И не в связи с синекурой или жирной пенсией, а с благодарностью в сердце несем?

Хотя преданность Господу вознаграждается на небесах и уж точно не вознаграждается на земле, я верю, что обрету духовный покой в Новом Городе, основание которого мы заложили здесь, в этой обители Ионы, под старым фундаментом. Если же этого не случится, я тем не менее обрету покой с Господом Единым. И это, несомненно, лучшая награда. Большую часть жизни я был настоящим Старым Священником – никогда не был тверд как камень и никогда не был богат. Возможно...

На этом дневник обрывается. Он до сих пор хранится в труднодоступном отделе Ватиканской библиотеки и в памяти нескольких старожилов Департамента Очистных Соору-

жений Нью-Йорка, которые видели, как его нашли. Дневник лежал на вершине сложенной из камней пирамиды, достаточно большой, чтобы скрыть тело человека, погребенное в секции 36-дюймовой трубы на самой границе Прихода. Рядом лежал трепник. Никаких следов Катехизиса или «Современного кораблевождения» обнаружить не удалось.

– Вероятно, – сказал предшественник Цайтсуса Манфред Кац, прочитав дневник, – вероятно, эти крысы ищут там лучший способ покинуть тонущий корабль.

К тому времени, как Профейн услышал рассказы о Приходе Фэйринга, они уже стали изрядно апокрифичными и обросли фантастическими деталями, которые записями не подтверждались. Но как бы то ни было, в течение почти двух десятков лет легенда передавалась из уст в уста, и никто не усомнился в здравомыслии старого священника. Так всегда происходит с канализационными историями. Такова их природа. Истинны они или ложны, роли не играет.

Профейн пересек границу Прихода, аллигатор все еще виднелся впереди. Изредка встречались выцарапанные на стенах цитаты из псалмов и расхожие латинские фразы (*Agnus Dei, qui tollis peccata mundi, dona nobis pacem* – Агнец Божий, принявший на себя все грехи мира, даруй нам покой). Покой. Вот здесь однажды, в унылый сезон Депрессии, который неторопливо плющился на улице, сея голод и панику под свинцовой тяжестью небес, – здесь был покой. Несмотря на искажение временных ориентиров в записях от-

да Фэйринга, Профейн в общем понял, о чем шла речь. Отлученный от церкви – вероятнее всего, за сам факт подобной миссионерской деятельности, – урод в славной семье католиков, отшельник в рясе-постели, этот старик проповедовал своим прихожанам-крысам, носившим имена святых, во имя всеобщего благоденствия.

Профейн повел лучом по древним надписям и увидел темное пятно, формой напоминавшее распятие, переходящее в гусиный клюв. Только сейчас, отойдя от люка, Профейн осознал, что остался совсем один. Крокодил впереди не в счет, он скоро умрет. Присоединится к другим призракам.

Профейна изрядно заинтересовал рассказ о Веронике, единственной (за исключением несчастной Терезы) прихожанке, о которой упоминалось в дневнике. Один из апокрифов, сотворенных руками работников канализации (излюбленное возражение: «Мозги у тебя в канализации»), повествовал об экстравагантных отношениях между священнослужителем и молодой крысихой, выступавшей в образе сладострастной Магдалины. Из тех рассказов, которые довелось услышать Профейну, вытекало, что из всех прихожан лишь ее душу отец Фэйринг считал достойной спасения. Она явилась к нему однажды ночью, но не как суккуб, а в поисках наставлений (возможно, дабы поведать их в своей норе, где бы в Приходе она ни находилась) и какого-нибудь доказательства желания пастора приобщить ее к Христу: монашеского

наплечника с медалью, памятного стиха из Нового Завета, отпущения грехов, епитимьи. На долгую память. Вероника – это вам не то, что наши биржевые крысы.

Моя скромная шутка, кажется, может быть принята всерьез. Когда они настолько утвердятся в вере, что начнут подумывать о канонизации, то Вероника, я уверен, возглавит список. Вместе с некоторыми последователями

Игнациуса, каковые, без сомнения, выступят в качестве адвокатов дьявола.

Сегодня вечером В. пришла ко мне в расстроенных чувствах. Они с Павлом опять занимались этим. Бремя вины тяжело давило на бедное дитя. Ей явственно виделся огромный белый и неуклюжий зверь, который настигал ее и готовился сожрать. Несколько часов мы беседовали о Сатане о его коварстве.

В. выразила желание стать монахиней. Объяснил, что в настоящее время нет такого признанного Церковью монашеского ордена, в который она могла бы вступить. Она поговорит с другими девочками, дабы выяснить, найдет ли эта идея достаточно широкий отклик, который потребует действий с моей стороны. Это будет означать письмо к епископу. А моя латунь так корява...

Агнец Божий, подумал Профейн. Проповедовал ли он им как «крысам Божьим»? Как оправдывал себя, пожирая их по три штуки в день? Как бы он отозвался обо мне и о Крокодилем Патруле? Профейн проверил карабин. Здесь, в Приходе, такие же запутанные лабиринты, как в катакомбах ранних христиан. Нет, здесь стрелять рискованно, нет смысла. Но только ли в этом дело?

По спине прошла дрожь, сказывалась усталость. Стали приходить мысли о том, сколько еще придется выносить эту гонку. Так долго он не гонялся ни за одним аллигатором. Профейн на минуту остановился и обернулся, прислушиваясь. Ничего, лишь мерное журчание туннельного потока. Ангел, наверное, не придет. Профейн вздохнул и поплелся дальше по направлению к реке. Крокодил булькал в помоях, пускал пузыри и тихонько ворчал. «Хочет что-то сказать? – подумал Профейн. – Мне?» Он ранен, скоро начнет размышлять о вечном и позволит потоку вынести его вместе с порнографическими открытками, с кофейной гущей, с использованными и неиспользованными презервативами, с дерьмом – прямо к отстойнику на Ист-Ривер и дальше через ручей к кладбищу в Квинз. Ну и хрен с ним, с этим аллигатором и с этой охотой среди исцарапанных стен из старой легенды. Негде тут стрелять. Ему мерещились глаза призрачных крыс, он в ужасе таранился вперед, видел 36-дюймовую трубу, ставшую для пастора Фэйринга гробом повапленным, и страшился услышать попискивание Вероники, последней

любви старого священника.

Вдруг – Профейн даже испугался – впереди за поворотом мелькнул свет. Но не огни большого города дождливым вечером, а что-то менее яркое, менее определенное. Охотник и добыча повернули за угол. Профейн заметил, что лампочка фонаря стала мерцать – аллигатор моментально исчез из виду. Они прошли поворот и оказались на широкой площадке, похожей на неф церкви с куполообразным арчатый сводом. Флуоресцирующий фосфорный свет исходил от стен, делая их очертания неясными.

– Ха, – громко сказал Профейн. Отражение речных струй? Морская вода иногда светится в темноте; проснувшись ночью на корабле, можно увидеть такое же раздражающее сияние. Но здесь – нет. Аллигатор развернулся и стал перед Профейном. Четкая, легкая цель.

Профейн ждал. Ждал, пока что-нибудь произойдет. Что-нибудь потустороннее, естественно. Он был сентиментален и суеверен. Крокодил, само собой, мог обрести дар речи, тело пастора Фэйринга – воскреснуть, а сексуальная В. – отвлечь Профейна от убийства. Он почувствовал, что сейчас взлетит и с недоумением поймет, где в действительности находится. В костяном склепе, в гробу повапленном.

– Ах ты, шлемиль, – прошептал он в фосфорное сияние ⁹³.

⁹³ *Шлимазл (идиши)* – примерно то же, что и *шлемиль*, с оттенком еще большей страдательности: *шлемиль* роняет предметы на *шяймазла*, случайно сбивает его с ног и т. д.

Еще шлепнешься, шлимазл. Карабин будет ходуном ходить в руках. Крокодилье сердце будет тикать, твое – гроыхать, а пружина спускового механизма ржаветь среди этих помоев по колено и под этим богохульным светом. – А может, отпустить тебя?

Но начальник Банг знал, что у Профейна верняк. Это записано на доске. И потом, Профейн видел, что аллигатор больше кс двигается. Присел на задние лапы и ждет, прекрасно зная, что его сейчас шлепнут.

Когда в Филадельфийском Дворце Независимости перестилали полы, то один квадратный фут решили оставить нетронутым, чтобы было что показывать туристам. «Возможно, – скажет вам экскурсовод, – здесь ступала нога Бенджамена Франклина или даже Джорджа Вашингтона». Профейн услышал это, когда учился в восьмом классе, и был подобающим образом впечатлен. Сейчас он испытывал то же чувство. В этом подземном зале старый священник либо убивал и жарил своих новообращенных, либо предавался греху скотоложества с крысами, либо обсуждал с В. учреждение монашеского ордена грызунов, – смотря какую историю вам рассказывали.

– Извини, – сказал Профейн аллигатору. Он всегда извинялся. Типичное выражение шлемиля. Приложил карабин к плечу и снял его с предохранителя. – Извини, – повторил он. Отец Фэйринг беседовал с крысами. Профейн разговаривал с крокодилами. Выстрелил. Аллигатор подскочил, крутнул-

ся, коротко дернулся и затих. На слабо светящейся воде, образуя причудливые и переменчивые узоры, расплылось бесформенное кровавое пятно. А фонарь внезапно потух.

II

Гувернер («Руни») Уинсам сидел на аляповатой кофеварке-эспрессо и курил косяк, бросая злобные взгляды на женщину в соседней комнате. В квартире, высоко вознесенной над Риверсайд-драйв, насчитывалось порядка тринадцати комнат, оформленных в стиле Ранних Гомосексуалистов и расположенных таким образом, чтобы, когда межкомнатные двери были открыты (как в данный момент), являть взору то, что писатели прошлого века любили называть «перспективой».

Мафия, его жена, валялась на кровати и забавлялась с котом по кличке Клык. В данный момент она была раздета и размахивала надувным лифчиком перед мордой серого сиамского кота-неврастеника, который разочарованно прятал когти. «Киска, киска, – приговаривала она. – Мой класивый котик селдится, потому что не хочет иглать с бюстгальтелем? И-и-и-и, такой умный и милый котик».

О, Господи, подумал Уинсам, тоже мне интеллектуалка. Угораздило втрескаться в интеллектуалку. Они все извращенки.

Косячок был из «Блумингдейла», его раздобыл Харизма пару месяцев назад, когда во время очередного спорадического приступа трудоголизма устроился в этот универмаг экспедитором. Уинсам взял себе на заметку, что надо

бы встретиться с тол качкой из магазина Лорда и Тейлора, хрупкой девушкой, которая мечтала работать в книжном отделе большого универмага. Курильщики ценили такие косяки столь же высоко, как ценят знатоки виски «Шива Регаль» или черную панамскую марихуану.

Руни работал в фирме «Диковинки звукозаписи» («Фольксвагены в hi-fi», «Старые хиты в исполнении Левенвортского Клуба Любителей Пения»⁹⁴) и занимался главным образом тем, что выискивал новые диковинки. К примеру, однажды ему удалось установить магнитофон, запрятанный в автомат с бумажными полотенцами, в женском туалете на Пенсильванском вокзале; в другой раз он, нацепив фальшивую бороду и потрепанные джинсы, прятался в фонтане на площади Вашингтона; его вышвыривали из борделя на 125-й улице; видели крадущимся вдоль загородки для быков на стадионе «Янки» в день открытия сезона. Руни поспевал повсюду и был неудержим. В самый серьезный переплет Уинсам попал, когда однажды утром к нему в контору вломились двое вооруженных до зубов агентов ЦРУ с намерением погубить его великую тайную мечту – аранжировку

«Увертюры 1812 года» Чайковского, которая должна была положить конец всем прочим версиям. Одному Богу и самому Уинсаму было известно, что он намеревался использовать вместо колокольчиков, духовых и струнных инструментов; впрочем, ЦРУ это нисколько не интересовало. Агенты

⁹⁴ *Левенворт* – знаменитая тюрьма в штате Канзас.

пришли выяснить насчет пушечных ядер. Похоже, Уинсам зацепил кого-то из высокопоставленных чинов стратегического авиационного командования.

– Почему? – спросил цэрэушник в сером костюме.

– А почему нет? – сказал Уинсам.

– Зачем? – спросил цэрэушник в синем костюме. Уинсам объяснил.

– Господи, – сказали они, синхронно побледнев.

– Естественно, необходимо ядро, которым действительно стреляли по Москве, – сказал Руни. – Мы стремимся к исторической точности.

Кот издал душераздирающий вопль. Харизма выполз из соседней комнаты, завернутый в большое зеленое «гудзонское» одеяло.

– Доброе утро, – приглушенно сказал Харизма из-под одеяла.

– Нет, – сказал Уинсам. – Опять не угадал. Сейчас полночь, и Мафия, моя жена, играет с котом. Можешь посмотреть. Пожалуй, скоро можно будет продавать билеты на этот спектакль.

– Где Фу? – донеслось из-под одеяла.

– Куролесит, – ответил Уинсам, – где-то в центре.

– Рун, – проверещала девушка, – иди посмотри на него. – Кот лежал на спине, застыв с поднятыми вверх лапами и мертвенным оскалом на морде.

Уинсам промолчал в ответ. Зеленый бугор в центре ком-

наты двинулся мимо кофеветки, вполз в комнату Мафии. На секунду он остановился у кровати, из-под одеяла высунулась рука и похлопала Мафию по бедру, затем бугор пополз обратно по направлению к ванной.

Для эскимосов, вспомнил Уинсам, настоящее гостеприимство заключается в том, чтобы, кроме еды и крова, предложить гостю на ночь свою жену. Интересно, обломится старине Харизме хоть что-нибудь от Мафии?

– Маклак, – громко произнес он. Он считал, что это эскимосское слово. Жаль, если это не так, – других он не знал. Впрочем, все равно никто не слышал.

Кот влетел к нему в комнату. Мафия надевала пеньюар, кимоно, халат или negligee. Уинсам понятия не имел, чем они отличаются друг от друга, хотя жена периодически пыталась объяснить ему разницу. Уинсам твердо знал лишь одно: это то, что надо с нее снимать.

– Пойду немного поработаю, – сказала она.

Она была писательницей. Ее романы – которых вышло уже три, по тысяче страниц каждый, – собрали (как косметические салфетки собирают грязь) несметное количество преданных почитательниц. Со временем они даже образовали нечто вроде сестринской общины или фан-клуба, проводили заседания, устраивали чтение ее книг и обсуждали ее Теорию.

Если Уинсам и Мафия все-таки пришли бы к окончательному разрыву, то главным образом из-за этой самой Теории.

Как на грех, Мафия верила в нее так же истово, как и любая из ее последовательниц. Теория была никудышная и выражала скорее благие пожелания Мафии, чем что бы то ни было. В сущности, она сводилась к одному положению: только Героическая Любовь может спасти мир от окончательной деградации.

На практике Героическая Любовь сводилась к совокуплению по пять-шесть раз каждую ночь с использованием превеликого множества акробатических упражнений и полусадистских борцовских захватов. Однажды Уинсам, не выдержав, в сердцах крикнул: «Ты превращаешь наш брак в прыжки на батуте». Эта фраза очень понравилась Мафии. Она вставила ее в свой следующий роман, где эти слова произносил Шварц, слабовольный еврей-психопат, которому по сюжету была отведена роль главного злодея.

Все ее персонажи подвергались этой подозрительно предсказуемой расовой дискриминации. Положительные персонажи – богоподобные, неутомимые сексуальные спортсмены, которых она употребляла в качестве героев и героинь (а может, героина, подумал он), – были, как на подбор, высокими, сильными, белыми, иногда покрытыми с головы до пят здоровым загаром англосаксами, тевтонами и/или скандинавами. В качестве комических персонажей и злодеев неизменно выступали негры, евреи и иммигранты из Южной Европы. Уинсама, который был родом из Северной Каролины, возмущала эта ненависть к ниггерам, свойственная янки или

жителям больших городов. В период ухаживания он восхищался ее обширным репертуаром анекдотов про негров. И только после женитьбы он обнаружил истину, не менее ужасную, чем тот факт, что она носила подкладки: Мафия пребывала в почти полном неведении относительно отношения южан к неграм. Слово «ниггер» она использовала для выражения ненависти, очевидно, потому, что была способна лишь на зубодробительные эмоции. Уинсам был слишком возмущен, чтобы сказать ей, что дело не в любви или ненависти к неграм, не в том, нравятся они тебе или нет, а в наследии прошлого, с которым приходится жить. Он спустил этот вопрос на тормозах, как и все остальное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.